AYLIK MECMUA

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ŞİMALÎ·KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ·КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD

NORTH CAUCASIA

№ 53 – 54

eylûl - 1-ci teşrin — 1938 — сентябрь-октябрь

№ 53 – 54

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

„ŞİMALÎ KAFKASYA“ MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl
Avrupanın her memleketinde . . .	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada.	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 fransız frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağıki adresine gönderilmelidir: ul. Belwederska 44 m. 1. Warszawa 12, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ „СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ“ СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес	на год
Во всех странах Европы	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки . . .	1 долл.	2 долл.

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: ul. Belwederska 44 m. 1. Warszawa 12, Pologne.

ŞİMALÎ ◆ KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ ◆ КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD | ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА | NORTH CAUCASIA

№ 53—54 EYLûL - 1-ci TEŞRİN — 1938 — СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ № 53—54

BİRLEŞTİRİLMİŞ ALFABE

Varşova'daki Şimalî Kafkasya kolonisinin ve Varşova Şark Enistitusu idare hey'etinin teşebbüsile teşkil edilmiş hususî komisyon tarafından vücude getirilen şimalî kafkasya birleştirilmiş alfabesinin projesi, ilk defa olarak, bir kaç ay evvelisi lehce intişar eden şarkiyatçılık mecmuasının 2 (28) nomaralı sayısında derc edilmişti. Mevzuu bahs projeyi biz de bu sayımıza alıyoruz.

Gerek müşterek alfabe ve gerekse umumî devlet dili mes'elesi, otedenberi şimalî kafkasya efkâri umumiyesinin dikkatını kendine celb edegelmiştir. 1917-nin Mayısında vuku bulan ilk umum şimalî kafkasya kurultayında bu mes'elelerin ikisi de müzakere mevzuu olmuş bulunuyordu. Gerek bu, ve gerekse gene 1917-de bundan sonra toplanan kurultayda bu hususata dair kat'î kararlar ittihaz edilmiş, fakat kararların tahakkuku ise o zamanın gergin vaz'iyeti dolayisile tehire uğramıştı.

Bundan sonra gelen sovyet istilâsı şeraitinde dahi, şimalî kafkasya efkâri umumiyesi müteaddit defaler bu mes'ele ile alâkadar olmuş ve mes'eleyi millî ruhta halletmek teşebbüsleri göstermiştir. Bilhassa, müşterek alfabe mes'elesini hall için epeyi emek sarf edilmiştir. Çünkü, Sovyet hükûmetinin Şimalî Kafkasya erazisinin mühim bir kısmında kabile esası üzerine tatbik ettiği parçalama siyaseti şeraitinde ister istemez umum devlet dili mes'elesini açıkca müzakere etmek imkânsız bir şeydi.

Neticede, birleşmiş alfabe mes'elesi filen halledildi. Bütün kabile mümessillerinden müteşekkil hususî komisyon, birleşmiş alfabenin bir kaç variyantini tesbit etti. Moskva'nın zahiren millî prensipe tahammül gösterdiği yıllarda davet edilen dil konğraları bu variyantları müteaddit defaler gözden geçirmiş ve

УНИФИЦИРОВАННЫЙ АЛФАВИТ

Несколько месяцев тому назад в № 2 (28) польского востоковедческого журнала *„Wschód"* напечатан был впервые проект северокавкасского унифицированного алфавита, выработанный специальной комиссией, организованной стараниями варшавской северокавказской колонии и правления Восточного Института в Варшаве. Проект этот помещается и нами в настоящем номере.

Проблема общего алфавита, в равной мере как и проблема общегосударственного языка, уже издавна поглощает внимание северокавказского общественного мнения. Обе эти проблемы были предметом обсуждения на первом общесеверокавказском с'езде в мае 1917 года. На этом с'езде и на последующем в том же 1917 году были приняты конкретные решения, реализация которых была задержана напряженными условиями того времени.

В дальнейшем, уже в обстановке советской оккупации, северокавказская общественность неоднократно возвращалась к этим проблемам, пытаясь их разрешить в духе национальных чаяний. Особенно много усилий связано было с разрешением вопроса общего алфавита, так как вопрос общегосударственного языка в условиях парцеляции по племенному признаку, проведенной советской властью на большей части территории Северного Кавказа, исключался из числа проблем, могущих быть предметом открытых суждений.

В результате, проблема унифицированного алфавита была фактически разрешена. Специальная комиссия, составленная из представителей всех племен, выработала несколько вариантов унифицированного алфавита. Многочисленные языковедческие с'езды, созываемые в те годы, когда Москва соблюдала еще наружно принципы национальной терпимости, неоднократно рассматривали и утверждали предлагаемые их вниманию варианты. Однако, ни один из вариантов не дождался практического применения, не был проведен в жизнь. Цен-

tasvib etmişlerdir. Fakat, bu variyantlardan hiç biri filen hayata tatbik edilmemiştir. Moskva'daki merkezî hükûmet mekamları, şu ve ya bu behane ile Şimalî Kafkasya alfabesini birleştirme Komisyonu'nun (komisyonun resmî unvanıdır) faaliyetini ve şimalî kafkasya dil kongralarının kararlarını kala almamış ve ihmal etmişlerdir. Moskva, lenin-stalin millî siyasetine dair gürültülü şiara ragmen, eskide olduğu gibi Şimalî Kafkasya'da *divide et impera* (parçala hükm et) prensipini tatbik etmiş ve bu işde diğer vasıtaler meyanında şimalî kafkasya kabileleri için yaptıgı alfabelerin çokluğundan dahi istifade edegelmiştir.

İşte bu hal, Sovyet hükûmetinin açıkca rus devletçiliği — asimile siyaseti tatbik edişine kadar devam etmiştir. Bu andan itibaren Şimalî Kafkasya'da müşterek alfabe mes'elesi resmen ortadan kalkıyor ve alfabeyi birleştirme komisyonu da ilğa ediliyor. Komisyon azaleri ve alelumum millî kültür mes'eleleri o cümleden müşterek alfabe mes'elesile meşgul olanlardan bir çogu „burjua milliyetçiliği" cürmile tevkif edilerek ekseriyetle G.P.U. bodrumlarında imha ediliyor.

Hali hazırda, Şimalî Kafkasyanın her yerinde birleşmiş lâtin alfabesi yerine hiç tadil edilmeden, olduğu gibi rus alfabesi tatbik edilmiştir. Bu suretle, dene birliki, Moskva, çar zamanlarının „ancak rus alfabesidir ki, yerlileri rus kültürüne yaklaştırır ve ileride temamile asimile olmalarını temin eder" diye düşünen müfrit rusçuların programını olduğu gibi, bütün vüs'atile kabul etmiş bulunuyor.

Moskva'da ruslaştırma tazyiki son haddına vardığı bir sırada, Varşova'da bir grup şimalî kafkasya milliyetçisi leh dostlarile beraber, Şimalî Kafkasya millî kültürünün normal inkişafi için elzem olan bir mes'eleyi realize ediyor, birleşmiş alfabenin projesini vücude getiriyor. Bu tesadüfi bir zamana rastlamada-tesadüfî diyoruz, çünkü Varşova'da komisyon teşkil edilirken, alfabeleri ruslaştırma mes'elesi SSSR-de daha aktuel bir şekil almış değildi—derin bir mana mevcuddur. Bu mana da leh—şimalî kafkasya iş birliğinin reyel—yaratıcı esaslara dayandığı keyfiyetidir.

Komisyon tarafından kabul edilen birleşmiş alfabe projesi ihtimal noksansız değildir. Bu da gayet tabiidir, çünkü proje, tekmil şimalî kafkasya dillerini içine almış değildir. Fakat, noksanları mazur gösteren diger sebebler de yok değildir: projenin yapılmasına iştirak eden şimalî kafkasyalılar birer mütahassis-lisaniyatçı değil, en zarurî bir anda millî işe bir fayda vermek istiyen hüsnü niyet sahibi insanlar olmuşlardır. Muhaceretin dağınık bir halde oluşu, komisyona daha münasib ve mükkemel bir proje tertib etmek imkânını vermemiştir.

İşte buna göre de, biz alfabe projesini şimalî kafkasyalı okurlara takdim ederken, komisyonun arzusunu yerine getirerek bütün vatandaşlara müracaat ediyor ve proje hakkındaki fikirlerini, ayni zamanda göze çarpan noksanları bildirmelerini rica ederiz.

Ayni zamanda, komisyonun şimalî kafkasyalı aza-

тральные власти в Москве под теми или иными предлогами саботировали работу Комиссии по унификации алфавитов Северного Кавказа (таково было ее официальное название) и решения северокавкасских языковедческих с'ездов. Москва, несмотря на громкие лозунги пресловутой ленинско-сталинской национальной политики, последовательно, как и в прежние времена, проводила на Северном Кавказе принцип *divide et impera,* использовывая при этом, в числе иных средств, и многообразие созидаемых ею для северокавкасских племен алфавитов.

Так продолжалось до тех пор, пока советская власть открыто не стала на путь явной великодержавно-ассимиляторской политики. С этого момента проблема общего алфавита на Северном Кавказе официально перестает существовать. Комиссия по унификации алфавитов ликвидируется. Члены ее, как и многие из тех, кто вообще занимался вопросами национальной культуры, в том числе и проблемой общего алфавита, арестовываются по обвинению в «буржуазном национализме» и в большинстве случаев уничтожаются в подземелиях ОГПУ.

В настоящее время, вместо унифицированного латинского алфавита, на Северном Кавказе повсеместно введен без всяких изменений русский алфавит. Таким образом, Москва во всем об'еме восприняла крайнюю программу обрусителей царских времен, которые считали, что только русский алфавит дает гарантию «полного приобщения инородцев к русской культуре» и, в дальнейшей перспективе, полной их ассимиляции.

И вот, в то время как в Москве руссификаторский нажим доводится до крайних пределов, в это время в Варшаве группа северокавкасских националистов и их польских друзей реализирует одно из основных велений нормального развития национальной культуры Северного Кавказа: создает проект унифицированного алфавита. В этом совпадении — совпадении в конце концов случайном, так как во время организации комиссии в Варшаве вопрос руссификации алфавитов в СССР еще не был актуальным — содержится глубокая символика: символика реально-творческих основ польско-северокавкасского сотрудничества.

Принятый комиссией проект унифицированного алфавита содержит, вероятно, недостатки. Это вполне понятно уже по одному тому, что он не охватывает всех северокавкасских языков. Но есть и иная причина, оправдывающая недостатки: в разработке проекта с северокавкасской стороны принимали участие не специалисты-лингвисты, а лишь только люди доброй воли, стремившиеся принести национальному делу в минуту крайней необходимости посильную пользу. Условия эмигратского рассеяния не позволили придать комиссии более соответствующих форм.

Поэтому, предлагая вниманию северокавкасского читателя проект алфавита, мы, исполняя желание комиссии, обращаемся ко всем с просьбой, высказать свое мнение относительно проекта, попутно отметив и замеченные недостатки.

Вместе с тем, мы, от имени северокавкасских членов комиссии и от своего, приносим глубокую

leri ve kendi adımızdan, bu teşebbüse meşkûr yardımda bulunmuş ve komisyonun faaliyetine faal olarak iştirak etmiş lehli dostlarımıza derin teşekkürlerimizi sunarız.

Ümid ediyoruz ki, şimalî kafkasya efkâri umumiyesi, gösterilen bu teşebbüsün ehemiyetini takdir ederek alfabe projesinde zarurî tashihlerin yapılması işine yardım edecek ve nihayet bu projeyi millî mekteblerin bulunduğu yerlerde, her şeyden evvel, İstiklâlimizin Piyemontu olması lâzım gelen Suriye'de hayata tatbik edecektir.

благодарность польским друзьям Северного Кавказа, оказавшим благой инициативе действенную помощь и принявшим деятельное участие в работах комиссии.

Наконец, в заключении, выражаем уверенность, что северокавкасская общественность оценит значение проявленной инициативы, поможет внести в проект алфавита необходимые поправки, а затем введет его в жизнь там, где существуют национальные школы и, прежде всего, в Сирии, которая должна стать Пьемонтом нашей Независимости.

M. Ç.

ÇÜRÜK ZİHNİYET

Bu neviden zihniyet ve tamayülün kaynağını Kafkasyanın din bakımından mutalaası teşkil etmektedir. Ve bu da, muhacir matbuatında ve muhtelif muhacir mehafilinin propaganda çıkışlarında kendisini göstermektedir.

Temayülün mahiyeti, Kafkasyada ceryan etmiş olan tarihî hadiselerde dinin oynadığı rolu bir tarafl ızah etmekten ibarettir. Kafkasya muhacirliginin hırıstıyan kısmında bu hususta resmî rus nazariyesinin aynile hakim bulunduğunu görüyoruz. Bu resmî rus tarihçiligine göre Kafkasyada müslümanlıkla hırıstıyanlık arasında daima mücadele vaki olmuş, güya hırıstıyan milletler müslüman komşularından eşidilmiyen mezalime maruz bulunmuşlar ve güya son yüz yılların Kafkasya tarihi bu iki esasın çarpışma bayrağı altında ceryan etmiştir. Bu iddialerde İslamiyete, Allahın tekligini kabul eden diğer dinlere karşı hiç bir zaman malik bulunmadığı ademi tehammül tamgası vuruyorlar.

Böyle bir zihniyetten, bir müddet evvel intişar eden „Kafkasya Konfederasyonuna doğru" nam eserin sahibi Vano Kavtaradze dahi kenarda kalamamıştır. Halbuki bizce o tam bir samimiyetle hakikaten de esası olmıyan sün'î Kafkasya tezadlarını ortadan kaldırmağa çalışmaktadır.

Meselâ, eserinin 71 nci sahifesinde diyor, ki: „Harbler dinî bir mahiyet aldılar ve gürcü — hırıstıyanlarla müslümanlar arasında ceryan ediyordu. Avrupa Varfolomey gecesini yalnız bir defa yaşadı, Gürcüstan ise defaatle. Avrupanın 30 yıllık dinî harbleri Romanın kosmopolitizmine karşı millî bir savaş'ı. Gürcüstan ise bütün bu devirde millî simasını muhafaza etmek için harb etti."

72 nci sahifede ise yazıyor. ki: „İran, Türkiye ve Kafkasya müslümanları anlamak istemiyorlardi, ki 300 yıldan fazla bir müddet esnasında, meydanda daha kuvvetli bir Rusya yokken tam kabiliyetsizliklerini isbat ederek hırıstıyan Gürcüstanı imha edemedilerse, Kafkasyayı fethetmek için fırsat bekliyen kuvvetli hırıstıyan Rusyanın şimalden yaklaştığı zamanda bunu asla yapamıyacaklardır."

Eserinden istifade ettiğimiz müellifin 300 yılla hududlandırdığı ve Kafkasya tarihinde dinî motifleri siyasî motifler üstüne çıkaran konsepsyon İslamiyetin Kafkasyada hakim bulunduğu bütün devirlere dahi şamildir Bilhassa, Kafkasya hırıstıyanlarının „Cengâver İslamiyete karşı hırıstıyanlıgın kal'esi" olduğu nazariyesi çok maruftur. Bu tez, siyasî akideleri bakımından dinden uzak bulunan, binaenaleyh dini taassub ve fanatizmden dahi uzak bulunmaları lâzım gelen mehafilin bile millî propaganda da esas motiflerini teşkil etmektedir. Kat'iyen hiç bir real temele dayanmıyan bu birtarafti sathî iddialerin umumî Kafkasya tesanüdü idesi bakımından ne kadar muzur olduklarını isbata bizce ihtiyaç yoktur Bu kör propagandanın geçici tesirinde, birleştirici kuruculuk yerine avırıcı mikroblar saklı bulunduğunu, binaenaleyh Kafkasyayı yeni felaketlere maruz kılmakla tehdid ettiğini kaydetmeğe lüzum varmı?

Bu satirları karalamaktan maksadımız, yalnız büyük ve küçük propaganda „kahramanlarını" değil, hatta Kafkasya tarihinin tetkikinde objektiv olmağa çalışanları bile harekete getirmekle tehdid eden ilevayçılık dumanını, bir mecmua makalesinin imkânı dahilinde, dağıtmaktan ibarettir. Bununla biz bir taraftan tarihî hakikatın hakkını vermiş oluruz, diğer taraftan da, Kafkasya millî kuvvetlerinin mütekabilen daha ziyade anlaşmalarına, belki de, bir kadar nüfuza muvaffak oluruz.

Şimdi bakalım, Kafkasyada müslümanlık hakikaten de cengâver olmuşmu ve „İran, Türkiye ve Kafkasya muslümanları", hırıstıyan Gürcüstanı" ve alelumum Kafkasya hırıstıyanlarını „imhaya" calışmışlarmi?

Bu sorguya verilecek cevabın menfî olacağı aşikârdır. Kafkasyada dinî tezadlar hiç bir zaman Avrupa tarihinde oynadıkları rolu oynamamışlardır. Esasen Kafkasya dinî muharebe hatırlamıyor.

Ermeni tetkikçilerinden biri kadim Ermenistan tarihinin mühim bir devrini böyle karakterize ediyor; „İran ile Romanın rekabetleri neticesinde ve Ermenistanın o devirde yaşadığı objektiv şerait (feodalizm) savesinde Ermenistan mezkûr memleketlerin vassalı oldu."*)

Bu sözleri bütün Kafkasyaya teşmil ve bütün tarihî devirler için kabul ede biliriz. Bunun için „feodalizm"i „partikulyarizm" ile değişmek, İran ve

*) B. A. Boryan „Ermenistan, milletlerarası diplomasısı ve SSSR", (rusca). Moskva — 1928.

Roma yerine de, asırlar uzunu Kafkasya kapularında rekabet eden alelumum bütün haricî kuvvetleri koymak kâfidir. Kafkasya tarihinin hareket verici kuvvetlerini, tamamile olmasa da, bilhassa burada aramak lâzımdır.

Kafkasya tarihi yüzyıllar boyu Ak ve Kara deniz havzasında karşılaşan Şarkla Garbin mücadelesi tesirinde bulunmuştur. Kadim Yunanistan, Roma, Bizans ve, nihayet, Türkiye bu mücadelede Garbi temsil eden kuvvetler idi, Şark ise demek olur daima İranla ve ön Asyanın 'iranlılaşmış unsurlarile temsil olunmuştur. Yalnız İslamiyetin ilk asırlarında kısa bir zaman için İran kendi yerini arablerin genç müslüman devletine terketmişti. Son iki asırda Garbin yerini Şimal — Moskva işgal etti.

Garbla Şarkın mücadelesinde Kafkasyanın rolu cografî vaz'iyetinden ve dahilî vaz'iyetinden, bir çok kabilelere ayrılmış olmasından ve miniatür devletler halinde bulunmasından doğuyordu. Kuvvetli komşularının müttahid iradesine karşı Kafkasya ayni irade ile çıkamadı ve neticede rekabet eden komşularının savaş dairesine celbedilmiş oldu.

Bu suretle Kafkasyanin tarihi, bir taraftan haricî tesirin objektiv amili, diğer taraftari da dahili zaifligin subjektiv amili gibi bilhassa iki amille taayün etmiştir.

Bütün bunların hepsinde dinî motivin rolu ehemmiyetsizdir: Mazdeist İranın Kafkasyanın hırıstıyanları içinde de, bütperestleri arasında da müttefikleri vardı. Hıristiyan Bezans, bütperest İrandan yardım istiyen hırıstıyan Ermenistanla hırıstıyan Gürcüstanı bir kaç defa talamıştır. Misal için Bezans imperatoru İraklinin 626 de Tiflisi kılıçtan geçirmesini ve bu iş için müttefiki Hazerlerin ordusundan istifade etmekten de çekinmediğini hatırlata biliriz.

İslam, Kafkasya tarihinin bellileştirici ananelerine degişiklik artırmadı. Yukarıda eserinden istifade ettiğimiz Boryan yazıyor, ki: „Arablar 7 nci asrın 30 ncu yıllarında İranda ve Ermenistanın İrandaki kısmında vaz'iyete hakim oldular ve bir müddet sonra da Bezans Ermenistanina geldiler. Ermenistanın bu kısmi arablar tarafından işgal oluncaya kadar ermenilerin Bezans hakimiyeti altında vaz'iyetleri çok ağırdı; çünkü Bezans kralları ermenileri asimile etmek veyahud din cihetten Bezans kilisesine bağlamak gayesini güdüyorlardı. Arabların Ermenistanda hakimiyetleri ve ermenilere olan münasebetleri İranın ve Bezansın hakimiyet ve münasebetlerine nisbeten çekilir bir hakimiyet idi. Arablar ermeni tacirlerinin ticaretini himaye ve ona yardım ediyorlardı. Bunun neticesi olacak, ki Justinyan II ermenilerin mümtaz tabakasını Yunanistan tarafına çekmek istediği zaman böyle bir cevab aldı: „Yunanlılara sadık kaldığımız halde biz hiç bir zaman onlardan felaketli hallerimizde esaslı yardım alamadık Çok zaman sadakate tahkirle mukabele ettiler. Size (Yunanlılara) sadakat yemini vermek kendimizi mahve ve ölüme mahkûm etmek demektir. Daha iyisi bizi müdafaaleri altında bulunduğumuz çagdaş hakimlerimize (arablara) bırakınız."

Bir Sovyet muharriri sıfatile Boryanın kullandığı marksist „dialektikasını" bir tarafa atacak olursak, arab hakimiyetinin yalnız „mümtaz tabaka" değil, iradeleri o zamanlar bu tabaka tarafından temsil olunan bütün ermeni milleti tarafından dahi takdir olunduğunu görmüş oluruz.

Diğer dinlere nisbeten İslamiyet en çok müsamahakâr bir dindir. Ermeni nahaıar'larının istifade ettiğimiz cevabını doğuran amil de budur. Unutmamak lâzımdır, ki arab emirlerinin Tiflisteki hakimiyet devri de Gürcüstanda medenî ve iktisadî yükselişe sebeb olmuştu. Bu devir kraliçe Tamara ile Şota Rustavelinin parlak devirlerini ihzar etmiştir. Bu söylediklerimize maruf İslamiyatçı prof. Bartoldun İslamın mahiyetini tarif eden aşağıdaki sözleri karakteristik bir ilave teşkil eder:

„Beşeriyetin gelecek hayatında dinin ne gibi bir rol oynıyacağını ilericeden haber vermek müşküldür; her halde, asırlar boyu kendi hayatiyetini isbat etmiş ve hüriyet idealini olmasa da, kardeşlik ve müsavat ideallerini hırıstıyanlıktan daha büyük mıkyasta tahakkuk ettirmiş olan İslam cihanşümul bir din olmak itibarile hiç bir din tarafından meydandan çıkarılamıyacaktır."*)

Emevî ve Abbasî devirlerinin müslüman imperyalizmi kendi inkişafında, dinî taassubdan ziyade Halifeler devletinin siyasî nüfuzunu ve hududlarını genişlendirmek azmile hareket etmiştir. Ona göredir, ki Baltik boyundaki litva kabilelerile Amerika yerlileri hırıstıyanlaştırıldıkları zaman yapılan mezalim fetholunmuş memleketlerin islamlaştırılmasında asla mevcud olmamıştır.

Arab hılafeti çöküb de yerine şiî İranla sünnî Türkiye geldikten sonra dahi hırıstıyanların vaz'iyeti fenaleşmemiştir. Ermenilerin Türkiyede vaz'iyetlerinden bahseden Boryan diyor, ki 1877—78 nci yıllara kadar, yâni Avrupa ermenilerin mukadderati ile „alakadar" oluncaya kadar, ermeniler Türkiyede hallerinden memnun idiler ve kendi hallarini hırıstıyan Rusyada yaşıyan irkdaşlarının yaşayışlarına tercih ediyorlardı. Bu yüzden ermeniler kafile kafile Rusyadan Türkiyeye fırar ediyorlardı. Ayni muharrire göre Türkiyede müslüman ahalının vaz'iyeti bir çok cihetce hırıstıyan ahaliden daha fena idi.

Kavtaradzenin ve bir çok başkalarının iddia ettikleri gibi, „İran, Türkiye ve Kafkasya müslümanları" hırıstıyan Gürcüstanı ve alelumum kendi hududları dahilinde ve Kafkasyada hırıstıyanlığı imha etmek istemiş olsalardı buna muvaffak dahi olurlardı. Unutmamalıdır, ki 17 nci asra kadar Türkiye dünyanın en kuvvetli devleti idi ve Şah Abbasi kebir bu devletle muvaffakiyetle harb edecek kuvvette idi. İslamiyetin hedefi bu olmuş olsaydı, Rusya görünmeden daha çok evvel Kafkasyada hırıstıyanlığı imha ede birirdi ve bunun için kâfi kadar kuvveti dahi vardı. İslamiyetin hedefi bu değildi. Gerek Türkiye, gerekse İran, kendilerinden evvel arabler gibi, Kafkasyada hırıstıyanları ve hırıstıyanlığı imha etmek gayesini gütmişlerdir. Onlar ancak Kafkasyayı kendi nüfuzları dairesine almakla iktifa etmişlerdi.

Osmanlı imperatorluğu Bezansın yerini işgal ettikten sonra, kendisinden evvelki devletin ve daha evvelki Romanın yolu ile ve ayni maksatlarla İranla çarpışmaya başladı.

---

*) V. V. Bartold — İslam; „Ogni" neşriyatı. Petrograd — 1918. (rusca).

Kafkasyanın bu çekişmelerde rolu gene eskide olduğunun ayni idi. Mücadelelere sahne teşkil ediyordu. Arasıra muhariblerden birinin zaferine yardım ederdi. Fakat, tekrar ediyoruz, din hiç bir rol oynamıyordu. Dağıstanı dağıtmağa giden Nadir Şahin ordusu içinde, başında müstakbel gürcü kralı İrakli duran gürcü müfrezeleri dahi vardı. Mehmed Şah kılıç ve ateşle yalnız şarkî Gürcüstandan değil, Azerbaycandan dahi geçti. Kafkasyadaki rus orduları başkumandanı knyaz Çiçyanof daha 1805 de o zamanki hariciye nazırı knyaz Çartorıskiye yazıyordu, ki: „İran, kendisini teşkil eden ve doğrudan doğruya şahlardan asılı bulunan hanlık ve beylerbeyiliklerden başka dört vis—krallığa dahi maliktir. Bu vis—krallıkların başında duranlara iranca vâli deniliyor, ki bunlardır. Arabistan valisi, Gürcüstan valisi (gürcü kralı), Loristan valisi ve Kürdüstan valisi. Mezkür 4 valinin şah sarayında makam ve vazifeleri vardır ve bu vazifelerini şahın tac geyme merasiminde Erdebilde ifa etmişlerdir. Bu vazifeler de şunlardır: Arabistan valisı cıkkayı, Gürsüstan valisi kılıcı, Loristan valisi porfiri, Kürdüstan valisi iki elmas bezeği tutacak, birisi bunlardan eksik olursa şah tac geyemez. Şah bulunmadığı takdirde valiler hanlık rütbesi vere bilir ve han tayin ede bilirler. Yaş itibarile bu haktan ilk önce Arabistan, ikinci Gürcüstan, üçüncüsü Loristan, dördüncüsü kürdüstan valileri istifade ede bilirler. Büyük valiler yaşadıkca ondan küçükleri bu haktan istifade edemezler.[1])

Hıristiyan memleket hükmüdarının hak ve salahiyeti, İran eyaletlerinin bir çok hükmüdarlarınkinden daha yüksek idi. Bu suretle bu memleketler Kafkasyada islamiyete karşı değil ki „alınması müşkül kal'e" rolunu oynamamış, bilâkis komşu müslüman memleketlerinin dahilî hayatinde filen iştirak etmişlerdir.

Fakat, geçmişte müslüman—hıristıyan kavgasının mevcudiyeti hakkındaki iddialerin tam esassızlıgını, Kafkasyanın bir çok yerlerinde ve hudud boylarında mevcud ortak müslüman ve hıristıyan ziyaretkâhları kadar cerheden kuvvetli delil bulunamaz. „Sovyet etnografisi" mecmuasında St. Lisitsyan nam bir ermeni—sovyet etnografi Kongur—Alangüz dağı mıntakası gibi küçük bir sahada bir çok böyle ziyaretkâhlar saymaktadır.[2]) Mezkür muharririn mekalesinden bâz parçaları aşağıya alıyoruz:

„Okçuçay tarafından yokuşun tam başında gerek türk—müslümanlar tarafından, gerekse ermeni—hırıstıyanlar tarafından ziyaret edilen Pir-Dovdan nam bir müslüman piri duruyor."

„Gediği aştıktan sonra, Megri tarafında iniş Lişk köyünde bitmektedir. Burada Megri çayının baş kollarından birinin sağ sahilinde sâde, şekilsiz bir hırıstıyan mâbedi vardır. Bu, Megri ovasının en baş ziyaretkâhlarından olan Zvar'dir, ki hem hırıstıyanlar, hem de müslümanlar tarafından ziyaret edilmektedir."

Mokus—su çayının kaynağında duran mâbet hakkında da şunları okuyoruz: ‚Burada, bütün etrafın ermenileri, kürtleri ve türkleri tarafından takdis edilen georginin mezarı vardır. Rivayete göre mâbed hırıstıyanlarla müslümanlar müştereken yapmışlardır. Mâbedin yanında misafirhane vardir ve din farkı nazara almadan dağı aşan herkes burada geceliye bilir".

Ayni mâbet hakkında bir az aşağıda yazılıyor, ki: „Küz çağı (son bahar) Georği günü dahi gelinir. Kürtler ve türkler hırıstıyan bayramlarında gelmezler. Onlar ayrı—ayrı aileler halinde adî günlerde gelir ve kurban keserler. Putkay „surb-Gevork„u Eger dağına çıkmıyanlar tarafından da „yardıma" çagırılıyordu. Ermeniler, kürtler ve türkler, bilhassa Van gölünde (bazen de Karadenizde) fena havada ve başka afet esnasında ona hıtab eder hediye vâdederlerdi."

Din kavgalarını yerleştiren rus siyaseti idi. Yukarıda kaydedilenler gösteriyor, ki Rusya yıllarla devam eden emeğine ragmen halka tesir edememiştir. Bu hususta rus hükûmetinin muvaffak olduğu yerlerde hadiseler kanlı facialerle bitmiştir, Ermeni milletinin faciası bilhassa rus diplomasısının nihayet faciadır.

Makalemizin mevzuunu teşkil eden nihniyet rus diplomasisinin izile gitmektedir. Şayani dikkattir, ki gürcü millî kahramanı prens Aleksanderin cesaretlerini terennüm eden Kafkasya İlovayskilerinden kimse, Aleksanderin bütün patriotik faaliyetlerinde cenubdak komşu devletlerle, bilhassa İranla birlikte hareket ettiğini ve Kafkasya müslumanlarından kuvvet aldığını izah etmeğe ihtiyac hissetmiyor. Aleksanderin kardeşı prens Yulon ve son imeretin kralı Solomon hakkında da ayni sözleri tekrar ede biliriz. İzamdan korkmadan cesaretle diye bilırız, ki Gürcüstanın en trajik yıllarında bu adamlar onun şerefini müslümanlar sayesinde muhafaza ede bildiler, halbuki ura-patriotlar Gürcüstanın felaketlerinin bütün sebeblerini gürcü millî kahramanlarına yardım etmiş elan kuvvetlere yüklemek istiyorlar.

Bu neviden propagandaların Avrupada hırıstıyan dinleyiciler üzerinde bazen çok kuvvetli, muayyen bir tesir yaptığını biliyoruz. Günden güne kuvvetlenen allahsızlığa ragmen burada ehli salib seferleri an'aneleri daha kuvvetlidir. Fakat hisiyatlarına kapılan propagandaçılar böyle bir an'anenin Kafkasyada hiç bir zaman mevcud olmadığını unutmamalıdırlar. Onu da unutmamak lâzımdır, ki Kafkasya ahalisinin mühim bir kısmını müslümanlar teşkil ediyor ve hepimiz kendi millî yurdlarımızı umumî Kafkasya içinde kurmak istiyoruz. Böyle bir şerait içerisinde, yalnız objektiv tarihî hakikatleri değil, ayni zamanda aramızdaki ahengi dahi haleldar eden muzur temayülleri aramızdan çıkarıb atmak bilhassa lâzımdır.

Tarihî hakikat şudur: din ve milliyet farki gözetmeden Kafkasyanın bütün milletleri, uzun asırlar boyunca devam eden komşulukları esnasında kaderin darbasına ayni derecede maruz kalmış ve, esasen eğer yardım etmişlerse, tarihî kataklizmlerin Kafkasyaya gelişine ayni derecede yardım etmişlerdır. Hepimiz ayni nisbette mütezarrir olmuşuz ve üzerimize çöken felaketten ayni nisbette mes'uliyet taşıyoruz. Ortak ve mes'ud gelecağimiz namına, geçici bir efekt veren, fakat birleşik irademızin esasını dağıtan hasta temayüllerden vaz geçmek lazımdır.

[1]) Kafkasya arkeoloji komisyonunun aktlari. Cild—I Sah. 823.

[2]) „Sovyetskaya Etnografia" № 4—5. 1938.

Canbek Havjoko

MUHAMMED-EMİN

1845-in Agustosunda, Selmen Efendinin avdetinden sonra*) onun yerine Garbî Adıgeye Muhammed-Emin tayin edilmiştir. Bu tayinin, bütün Şimalî Kafkasyada ruslara karşı tasavvur olunan aktivite ile alakadar olduğu ve İmam Şamil tarafından bu maksatla yapıldığı muhtemeldir. Böyle mes'uliyetli bir zamanda Garbî Adıgede fevkalâde zeki, emin ve kuvvetli bir adamın bulunması lâzımdı. Muhammed-Emin bütün bu evsafi haiz bulunuyordu.

Yeni nayibin memuriyet yerine geliş tarihini tayin etmek zordur. Muhtelif menbaler onu muhtelif şekilde gösteriyorlar. Şüphe götürmiyen bir cihet varsa o da onun 1848 in yazında Garbî Adıgede faaliyet halinde bulunduğudur. Gene şüpheden âridir, ki abadzehler onu merasimle karşılamış ve Garbî Adıgede bulunduğu müddetce ona sadık kalmışlardır.

Lakin diğer Adıge kabileleri üzerinde hakimiyet elde etmek hiç te kolay değildi. Nayibe en çok mukavemet gösteren asılzadeler ve mülkedarlardı. Çünkü Şamilin gönderdiği nayib tarafından yapılan demokratik islahat onların zevkini okşamıyordu. Maddî tahsisatla ve manevî nüfuzu ile adıge aristokrasisini himaye eden Türkiyenin siyaseti de onun işini ve vaz'iyetini zorlaştırıyordu. Bu aristokrasi sırasında Sefer Zan-iko, onun oğlu Karabatır, Giranduko Berzek ve başka bir çokları bulunuyorlardı.

Adıge ahalisi o zamanler Türkiye hakkında çok yanlış malumata malikdiler. Yalnız bir çok maruf paşalar değil, bizzat sultanların kendileri de o devirde adıge kızları ile evlenmişlerdi. Bu akrabalık sayesinde bir çok adıgeliler, bilhassa aristokrasi zümresi sultan sarayında ve nezaretlerde mühim vazifeler alıyorlardı. Vatanda kalan akrabalar onları İstanbulda ziyaret eder ve sonra bol hadiyerle geri gelerek sultanın kudret ve satvatı hakkında ve ruslarla savaşta adıgelilere yardım edecegine dair olmazın şayialar yayıyorlardı. Türkiyenin isteği ve imkânları hakkında beslenen bu yanlış tasavvurlar Şimalî Kafkasya kurtuluş hamlelerinin merkezleştirme lüzumunu zaifletiyor ve ayni zamanda, Rusya ile mücadelede yalnız kendi kuvvetlerimize güvenme kanaatına da menfi tesir yapıyordu. Sultan sarayındaki Şimalî Kafkasyalılar vasıtasile Türkiye memurları da bu şekilde propaganda yapmakta idiler. Bu propagandaların tesiri altında adıgeliler savaşlarında akil ve tasavvur haricinde bir cesaret gösteriyorlardı Buna mukabil çok zarurî olan kuvvetleri birleştirme işi baş tutmiyordu.

Adıge din ülemasının ekseriyeti ise tam başka bir pozisyon işgal ediyorlardı. Onlar her yerde ve her zaman Şamilin nayibine yardım göstermekte idiler. Maalesef bu zümrenin nüfuzu aristokrasi zümresinin nüfuzundan kuvvetli değildi.

Bütün bunlarla birlikte Muhammed Eminin sebatı ve mehareti lâzım gelen neticeyi verdi. Yaptığı işin hakkaniyetine ve kudsiyetine beslediği derin bir imanla o mahallî vaz'iyeti öğrenmeğe başlıyor ve İmamın vermiş olduğu instruksyonla yürüyerek 1849-un Son kânun ayında, karşısında duran engelleri yıkarak, harekete geçiyor. Abadzehler içinde kendi hakimiyetini esaslı surette kurduktan sonra o 1849 un yazına doğru nüfuzunu ubıhlere dahi teşmile muvaffak oluyor. 1851 de natuhay ve şapsug kabilelerini kuvvetle kendisine tâbi ederek itaat etmiyen rüesayı memleketten çıkarıyor.

Bu suretle hakimiyetini tahkim ettikten sonra İmam Şamilin şarkta yaptığı neviden bir takım islahata girişiyor. Garbî Adıge erazisi mıntakalara taksim ediliyor. Her mıntakada, Muhammed Eminin bizzat tayin ettiği bir E f e n d i n i n riyaseti altında, ahalinin intihab etmiş olduğu ve m a h k e m e adını taşıyan beş kişilik bir meclis kuruyor. Bu meclisler gerek dinî, gerekse dünyevî bütün işleri idareye memur ediliyorlar.

Her mıntaka 100 atlı vermekle mükellef tutuluyorlar. Bunlar nayibin daimî ordusunu teşkil ediyorlar ve umumî seferberlik esnasında teşekkül edecek yeni kıtaat için esas kadro rolunu oynayacaklardır. Bu kadro kendi hesabına yaşıyordu ve yalnız Muhammed Eminin şahsî tesir ve nüfuzu sayesinde bu orduda lâzım gelen disiplin ve intizam temin edile bilirdi. Bu suretle islahat memlekete saglam devletçilik ruhu aşılamış oldu.

Muhammed Emin ruslarla geniş ölçüde harbe girişmek acelesini göstermiyordu. Her şeyden evvel memleketi dahilen tahkim etmek lâzımdı. Ona göre muharebe küçük operasyonlardan ibaret olarak kalıyordu. 1849-un ikinci yarısında böyle operasyonlar 100 den fazla olmuştu. Büyük ehemiyeti olan mes'elelerden biri de rus ordusundan kaçıb gelenlerin vaz'iyetleri idi. Ekseren lehlilerden ibaret olan bu kaçaklar için hususî iskân mıntakaları ayrılmıştı ve onlardan askerî işlerde istifade olunuyordu. Diğer harb esirleri arasındaki mütehassislerden dahi istifade olunuyordu.

Dahilî teşkilat işlerile yan — yana Muhammed Emin geniş diplomasi teşebbüslere dahi girişmişti.

Türkiye, İngiltere, Fransa devletlerile ve leh muhacirlerile irtibat tesis edilmişti. Bu maksadla nayibin mümessili sıfatile Yusuf-Bey İstanbula gönderiliyor. Yusuf-Bey İstanbulda leh muhacirlerinin reisi Adam Çartoritski ile görüşerek İmam Şamil ve onun nayibi hakkında malumat veriyor. Yusuf-Bey vasıtasile Muhammed Emin lehlilere müracaat ederek Şimalî Kefkasyaya bir kaç muktedir zabit, maden mütehassisleri ve ustalar göndermelerini rica ediyor. Muhammed Emin Garbî Adıgede olan madenleri, ilk sırada altın ve gümüş madenlerini işletmegi teklif ediyordu.

Leh mahacirlerinin rehberleri Muhammed Eminin müracaatını icab eden teveccühle karşıladılar. Knyaz Adam Çartoritski, Garbî Adigeye heyet göndermek maksadile Palmerstrondan maddî vesait almağa teşeübüs etti.

50 adam gönderilmesine karar verildi. Heyeti

---

*) „1844 de İmamın Garbî Kafkasya'daki sefareti" başlıklı makalemi bakılsın. („Kafkasya Dağlıları" mecmuası. № 31 yıl. 1932).

seferiye riyasetine Macar hizmetinde bulunan ve Şimalî Kafkasya istiklâlinin hararetli taraftarı genc lehli zabit Zıgmunt Iordan tayin edildi. Altın ve gümüş madenlerini araştırma işini idare için ingiliz Macdonald ve onunla birlikte şimalî kafkasyalıların hararetli dostu fransız E. Guiling gidecekti.

Maalesef ortak düşmana karşı mücadeledeki bu yardım işi akim kaldı. Maddî vesait noksanından başka heyet azaleri arasında çıkan ihtilaf dahi işe mâni oldu.

İmam Şamil mümessilinin Garbî Adıgede görünmesine rus askerî kumandanlığı lakayd kalamazdı. Muhammed Eminin oralarda görünmesi gününden itibaren onun hareketlerini dikkatle takibe koyuldu. İmam Şamil ordusunda muktedir bir kumandan olduğunu bilen ve onun teşkilatçılık kabiliyetini gören rus kumandanlığı Muhammed Emini müthiş ve kuvvetli bir düşman telakki etmeğe başladı. Bir halde ki nayibin Türkiye, İnglitere ve leh emigrasyonu ile münasebate giriştiği de meydana çıkmıştı.

Düşmana kuvvetlenmek imkânını vermemek için rus kumandanlığı Garb cephesine külliyetli mıkdarda asker sevketmeğe başladı ve 1851 in ilk baharında geniş ölçüde aktiv ameliyata geçti. Ayni yılın 26 Mayısında Umpa dağı mahallinde rusların üstün kuvvetlerile vuku bulan harb nayib için muvaffakiyetsizlikle bitiyor. Bir müddet sonra Eristov müfrezesile vuku bulan savaş dahi kaybediliyor. Kısa müddet nayibe, Garbî Adigenin canlı kuvvetlerini teşkile ve, gerek sayıca, gerekse teslihatca üstün olan birleşik düşman kuvvetlerile muvaffakiyetle çarpışa bılmek için, savaş metodunu islaha imkân vermiyor.

Rus kumandanlığı maksadına kısmen nayil olmuştu. 1851 muvaffakiyetsizlikleri adıge kabileleri arasında tereddütler yarattı. Tereddütsüz olarak nayibe sadık kalan adığe kabilelerinin en izdihamlisi abadzehler oldu. Doğrudur, nüfuzun düşmesi muvakkat bir zaman için oldu, zira 1852 senesinin sonlarına doğru kabileler yeniden nayibe itaate başladılar. Her halde o yıl askerî hareket yalnız iki mühim seferden ibaret oldu. Gostagayevski ve Tenginski müstahkem kal'elerine vaki olan bu iki baskın düşman sıralarında panik ve karkaşalık yaratmağa muvaffak olmuştu.

Bu esnade siyasî ufukta, bilâhere kuvvetli bir koalisyonun Rusyaya karşı muharebesi şeklini alan, rus—türk harbinin bulutları görünmeğe başlamıştı, Dört bir taraftan muhasara altında bulunan Şimalî Kafkasyanın mukadderatını kökünden degişecek hadiselerin yaklaştığını önceden gören Muhammed Emin hazırlanmağa başladı.

Daha o zaman hadiselerde başlıca rolun İngiltere tarafından oynanacağı onun nazarında kat'î idi. Ona göre Muhammed Emin dikkatını bu memlekete çevirmişti. 1853-ün Ağustosunda o hususî bir mektubla kraliçe Viktoria'ya müracaat ederek Şimalî Kafkasyaya yardım etmesini rica etmiştir. Şimalî Kafkasyanın kuvvetli Rusya ile kahramanca savaşından bilistifade İngilterenin Şimalî Kafkasyaya yardım etmek suretile Rusyanın Yakın Şarka yayılmasına manî olacağına Muhammed Eminin imanı vardı.

Haricte diplomatik teşebbüslerle yan—yana Muhammed Emin dahilde nüfuzunu takviye ediyor, İmam Şamil ile sıkı ve muntazam irtibat tesis ederek Şimalî Kafkasyanın şarkını garbinden ayıran rus kuvvetlerinin imhası için ortak plan tanzim ediyordu.

Telaşe düşen rus kumandanlığı yeniden Muhammed-Emin üzerine dönüyor ve ona kat'î darbe indirmek için 1853 de garb cephesine içeri Rusyadan 13 ncü piyade fırkasını sevkediyor. Fakat Kırım muharebesi rus kumandalığını kendi planını daha münasib bir zamana talika mecbur kılıyor.

Harb ilân edildikten sonra İngiltere, Fransa ve Türkiye Şimalî Kafkasya ile o vakta kadar görülmemiş bir şekilde alakadar olmağa başlıyorlar. Garbî Adıgede Rusyaya karşı harbeden devletlerin müteaddid siyasî ve askerî hey'etleri görülmeğe başlıyor. Bu hey'etlerin hepsinin gayesi birdir, hepsi Şimalî Kafkasyanın askerî kuvvetlerini devam eden harbde istifade etmek istiyorlar.

1854-ün ilk baharında Şimalî Kafkasya sahillerine İngiltere donanması amiralı Lyons gelerek bizzat nayibi görmek istiyor. Muhammed Emin o zaman Abadzehistanda bulunuyordu. Lyons Muhammed Eminle görüşemediginden bu işe kapitan Brook'u memur ediyor, kendisi ise müstacelen çağırıldığı İstanbula gidiyor. Brook yalınız Muhammed Eminle değil, onun vasıtasile İmam Şamille dahi irtibat tesisine memur edilmişti.

Bir az sonra Muhammed Emin sahil boyundaki Vardan'a geldi. Buradan ingiliz gemisi „Sampson" ile Suhuma giderek mareşal St. Arnaud'un mümessili kapitan d'Herbingen'le görüşmüştür. Gerek ingiliz, gerekse fransız mümessillerinin Şimalî Kafkasyadaki askerî vaz'iyet hakkında malumatları noksandı. Onlar Muhammed Eminin, ilk önce Gürcüstandan geçmek şartile, kara yolu ile Kırıma yürümesini istiyorlardı. Uzun müzakerelerden sonra Muhammed Emin onların planını kabul ediyor, fakat, bu planın realize edilmesine girişmeden Adığeye 2000—3000 lik fransız—ingiliz kuvveti çıkarılmasını kendi tarafından şart koşuyor. İngiliz mümessili kapitan Jones'e diyor, ki bizim ordumuz muntazam rus kuvvetlerile icab ettiği gibi harb edemiyor. Eger az mıktarda bile olsun muntazam bir kuvvetle birlikte hareket edilirse vaz'iyet tamamile degişe bilir. Kendi tarafından Muhammed Emin 60.000 suvarî çıkara bileceğine söz veriyor.

Bu vaz'iyet karşısında müttefikler Anapa ile Sucuk—Kale'ye karşı hareket etmesini teklif ediyorlar. Muhammed Emin bu planı da kabul etmiyor ve delil olarak, bu kalelerdeki rus kuvvetlerinin, müdafaanın mânasızlığını görünce, Gürcüstana geçerek oradaki rus kuvvetlerini takviye edeceğini gösteriyor.

Bu zamanlarda en büyük müşkülatı gene sultan sarayında oturub İmam Şamilin birleştirme hamlelelerile çarpışanlar vucude getirmekte idiler. Muharebe onlar için yeni imkânlar yaratıyordu. Muharebenin zaferle neticeleneceğini ümid eden Osmanlı hükûmeti onların elile Garbî Adıgede sultanın hakimiyetini tesis etmek fikrinde idi.

1854 senesinin Temmuzunda müttefik ordular kumandanlığı Muhammed Emini Varnadaki baş karargâhına davet ediyor. Daveti kabul eden Muhammed Emin ayni zamanda kendisine muhalif bulunan bâzı maruf simalerin dahi çağırılmasını rica etti. Onun kanaatınca böyle mes'uliyetli zamanda ihtilaf ikinci plana geçer ve mücadelenin muvaffakiyeti için çok lâzım olan birlik tahakkuk etmiş olur.

Fakat nayib yanılmıştı. Müttefikler Garbî Adıgede birlik mevcud olmadığını ve ayrı-ayrı kabile reislerinin müstakilen hareket ettiklerini anlamış oldular. Ayni zamanda sultan hükûmetinin bu ihtilafları kendi faydasına istifadeye çalıştığını da anlamış oldular. Böyle bir şerait içerisinde Muhammed Emin, ingilizlerin yardımile, yalnız Gürcüstanda hareket eden Türkiye kıtaatının muntazam piyade ile takviye edilmesine muvaffak oldu. Osmanlı hükûmetile nüfuzlu adıgeliler aksini düşünüyor, muntazam Türkiye kitaatı yerine adıge kıt'aları bulunmasını istiyorlardı. Ayni zamanda İstanbuldaki ingiliz mümessili Stratford Babiâlîden Garbî Adıgedeki siyasetinin izah edilmesini taleb etti. Türkiye verdiği cevabında Adıgenin istiklâlini istedigini, istilâ fikrinde olmadığını bildiriyordu.

Türkiye ordularile ve Muhammed Eminle birleşmek için İmam Şamil 1854-ün yazında Kahetiyaya girdi. Karadeniz sahillerinde hareket eden Türkiye ordularının gösterdikleri passivlik yüzünden bu sefer akamete uğradı. Düşmanın üstün kuvvetlerinin tazyikile Şamilin kuvvetleri Dagıstana çekilmeğe mecbur kaldılar.

1855 senesinin nihayetlerinde sultan Karadeniz Sahilleri valiîumîliğine Mustafa Paşayı tayin etmiştir, ki ayrı-ayrı vilayetlere vali tayin etmek hakkını haiz bulunuyordu. Bunun neticesinde Anapanın sivil ve askerî valiligine Sefer Bey Zan-iko tayin edilmiştir. Bu suretle haricî kuvvete dayananan Şimalî Kafkasya partikulyarizminin en faal mümessilierinden biri, eski natuhay zadegânı Garbî Adıgenin en mühim vilayetlerinden birinde yerleşmeğe muvaffak oluyor. Muhammed Eminin vaz'iyeti gene müşkülleşiyor. Şapşugistanda ve Hatuhay ölkesinde seyahata çıkan Sefer Bey Türkiyenin mandatı sayesinde bu mıntakalardaki ahaliyi Muhammed Eminden ayırmağa çalışıyor. Ve buna bir kadar muvaffak dahi oluyor. Az geçmeden nayib tarafından sürülmüş natuhay beklerini da memlekete getiriyor. Sefer Beyin bu faaliyet devrinden bahsederken miralay Bangiya'yı zikretmemek olmaz. Milliyet itibarile macar olan bu miralay Sefer Beyin yanında yaverlik ve müsteşar vazifesini ifa ediyordu. Bilâhare miralay Bangiyanın rus ajanı olduğu anlaşıldı. Bunu da lehli gönüller reisi Tevfik Bey – Teofil Lapinski meydana çıkardı. Garbî Adıgede ruslara karşı harbeden Tevfik Bey 1857 de Bangiyayı tevkif ederek kolları baglı İstanbula sevketmiştir.

Kırım muharebesi 1856-nın Şubatında bitti. Paris konkresinde neş'elenen galibler Şimalî Kafkasyayı tamamile unutuyorlar. Avrupa bu defa da Kafkasyanın ehemmiyetini takdir edemedi.

1857-nin Haziranında, haricten, bilhassa İngiltereden yardım almak işini devam ettirmek maksadile Muhammed Emin abadzeh heyeti riyasetinde İstanbula gidiyor. Fakat Rusyanın talebi üzerine Türkiye hükûmeti onu tevkif ederek Şama sevkediyor. İlk Kânun ayında kurtularak geri Adigeye dönüyor.

1857-nin sonuna doğru, yâni Muhammed Emin döndüğü günlerde, İngiltere ve Fransanın tazyikile türkler Garbî Kafkasyayı boşaltıyorlar. Sefer Bey Zan-iko kendi başına bırakılıyor.

Bir müddet sonra o, Rusyanın himayesi altında bir Natuhay hanlığı vücude getirilmesi hususunda general Filippsona bir teklifte bulunuyor. Fakat bu teklife cevab alınmamıştır. Sefer Bey rus kumandanlığı için bir tehlike teşkil etmiyordu. Bilâkis rus kumandanlığı Sefer Beyin parçalıyıcı faaliyetini memnuniyetle takib etmekte idi. Sefer Bey rus kumandanlığı için hain rolundan ziyade parçalıyıcı rolunda daha çok faydalı görünüyordu. Ona göre Sefer Beyi Garbî Adıgede bir düşman olarak bırakmayı tercih etti.

Haricten yardım almak ümidini kaybeden Muhammed Emin İstanbuldaki Lehistan emigrasyonu ile iş ortaklığını sıklaştırıyor. Bunun neticesinde 1857 de Garbî Adıgeye miralay Teofil Lapinski kumandasında bir leh müfrezesi geliyor.

Türkiye ordusunun çekilmesinden sonra Sefer Bey gene nüfuzdan düşüyor ve ona mukabil Muhammed Eminin otoritesi artıyor. Şarkî Kafkasyada, düşmanın faik kuvvetleri karşısında, istiklâl uğrundaki savaşın zavalı yaklaştığı bir zamanda Muhammed-Emin yeniden adığe kabilelerini birleştirmeğe ve rus kuvvetlerine sarsıtıcı bir kaç darbe vurmaga muvaffak oluyor. Askerî muvaffakiyetlerini istifade etmek maksadile İstanbuldaki ingiliz mümessili Stratforda bir daha müracaat ederek Adıge ölkesinin istiklâlini tanımalarını rica ediyor ve bu sözleri İmam Şamil namına söylediğini de ilave ediyor.

Lakin, Muhammed Eminin muvaffakiyetleri vaz'iyeti kurtaramıyor. Şarkta muazzem bir kuvvet toplıyan rus kumandanlığı buradaki muharebeyi Gunib felaketile bitiriyor. İmam Şamilin teslim olduğu hakkında malumatı alır—almaz sadik nayib 2 İlk Kânun 1859 de rus kumandanlığına müracaaten harbe nihayet verdiğini bildiriyor. Bir az geçmeden rus kumandanlığı onu tecrid ediyor, fakat bundan evvel Muhammed Emin adıgelilere harbe nihayet vermegi ve mukavemetin faydasızlığından dolayı rus hükûmetinin taleblerine itaat etmeyi tavsiyeye muvaffak oluyor.

Halbuki rus kumandanlığı zafer neş'esile serhoş olduğu için Garbî Adığe ahalisinden esasen halâs olmaya, bu maksatla bütün ahaliyi Türkiyeye sürmeye karar veriyor.

Bu maksatla itaat eden adığelilere iki yol teklif ediliyordu: ya Stavropol mıntakasile Sal istepine veyahud Türkiyeye göçmek. Ayni zamanda rus ajanları muhtelif şayialar yayıyor ve Kubandan şimale göçecek olanların hırıstıyanlaştırılacaklarını, 25 yıl askere gideceklerini söyliyorlardı. Bununla rus hükûmeti adıgelilerin bilhassa Türkiyeyi tercih etmesini temin etmek etiyordu. Hakikatte ise Garbî Adige ahalisi yeniden silaha sarıldı. Garbî Adıge faciasının son perdesi başlıyordu. Şarkî Kafkasyadaki harbin hitamı üzerine serbest kalmış olan rus kuvvetlerini Adigeliler üzerine sevkeden rus kumandanlığı adıgelileri adım adım denize doğru çekilmeğe mecbur ediyor ve onlari yalnız Türkiyeye gitmek yolunu intihabe sevkediyordu.

Böyle felaketli bir zamanda Muhammed Emin rus hükûmetinden Türkiyeye gitmek müsaadesini almağa muvaffak oluyor. 1860 de yeniden İstanbulda görünen Muhammed Emin mücadeleyi devam ettirmek için imkânlar aramağa girişiyor. Ayni yılda Adam Çartoritski ile bir muahede aktediyor. Bu muahedeye göre leh muhacirlerine Garbî Adıge topraklarında lejyonlar teşkili hakki veriliyordu. Her lejyonere 5 hektar ekin yeri verilecekti. Buna mukade Adam Çartoritski Avrupa devletlerile olan irtiba-

rindan bilistifade Muhammed Emine yardım teminini söz vermekte idi.

Maddî imkânın azlığı dolayısile Leh-Şimalî-Kafkasya emekdaşlığı bu defa da arzu edilen neticeyi vermedi.

1862-nin başında daha İstanbulda bulunan Muhammed Emine şapsug, natuhay, ubıh ve abadzeh keyetleri gelerek geri dönüb mücadeleyi idare etmesini rica etmişlerdir. Garbî Adıgenin kendi başına rus istilasına mukavemet edemiyeceğini gören Muhammed Emin, heyetlere memlekete dönmelerini ve rus kumandanlığı ile muvakkat anlaşmaya girişerek adıgelilerin Türkiyeye umumî muhaciretlerine mâni olmayı tavsiye etmiştir. İstanbuldan Adıgeye gönderdiği müteaddid beyannamelerinde de ayni şeyleri tavsiye ediyordu.

Fakat, daha 1863 de nayib, mücadeleyi devam ettirmek fikrinden vaz geçmemişti. İstanbuldaki leh mümessili Vladıslav Yordana ayni yılda, bir kaç ay için olsun 500 suvarînın iaşesini temin edecek imkâna malik olsaydı o, bütün Şimalî Kafkasyayı ayaklandıra bilecegini söylemiştir.

Karadeniz sahillerinde hareket eden Türkiye orduları başkumandanı Mustafa Paşanın karargâhında bulunan binbaşı Osman Bey Muhammed Emin hakkında şayani dikkat bir karakteristik vermektedir. Osman Bey, Muhammed Emini, Türkiyenin „Feyzi Bahrî" gemisinde mareşal Mustafa Paşa ile beraber görmüştür. Osman Bey yazıyor, ki:

„Mareşaldan sonra umumun nazarı dikkatını celbeden Şamilin nayibi ve mümessili Muhammed Eminin şahsiyeti idi. O, dağlıların ve müslüman din ülemasının kabul ettiği beyaz yun elbiseden başka bir elbiseye mâlik değildi. Başında beyaz kumaş sarılı çerkes kalpağı vardı. Fakat bu sâde kıyafet altında tabiatın bahşettiği kuvvetli bir simanin cizgileri beliriliyordu. Tasvir ettiğimiz devirde Muhammed Emin tam kuvvete malik bir yaşlarda idi; zahiren ona 48 yaş bile verilmezdi. Yüksek boyu ve herkulesce vücud kuruluşu ile onun yüz cizgileri Yuli Çezarın klassik cizgilerini hatırlatıyordu. Fakat bu cizgiler zarif olmaktan ziyade kaba bir şekil arzediyorlardı. Gözleri ile agzı karakterinin en mükemmel alametleri idiler. Gözleri kartal gözleri gibi kesici sert bir bakışla parlıyordu. Basık dudakları ise, hiç bir mania karşısından çekilmiyen ve en büyük bir tehlikeden bile korkmıyan sarsılmaz bir iradeyi ifade etmekte idiler. Bu portireyi tamamlamak için şunu da ilave edelim ki bu fevkalâde adam son derece dinmez idi onunla konuşmak çok zordu. Etrafına bakışlarında da hasisti: etrafında bagırıyor, haykırıyorlardı, o ise okuduğu kitabdan gözünü ayırmazdı; dört veya beş lisan bilirdi, fakat konuşurken daima dilmançtan istifade ederdi.

Hareket esnasında ise her şey degişiyordu. Bu hallerde Muhammed Emini anlamak ve tanımak mümkün oluyordu; yalnız bir yol kalmıştı, ya şartsız olarak itaat veyahud mahvolmak.

Bu portireyi tasvir etmekle maksadım okuyucuları, asrımızın tarihî simaleri arasında Muhammed Eminin orjinal şahsiyetile tanıştırmaktır. Şöhretile daha çok dikkat ve hayrete layik olan bu adam hakkında bir çokları hiç bir şey bilmiyor. Çerkes topraklarına gönderilen bu Şamil nayibinin faaliyeti kayde şayandır. Onun uhtesine düşen vaziife mucize, hatta masal kabilinden bir şeydir.

Bu fanatikin cesareti, elleri altında yalnız küyük para, materyal ve binlerle fedaî olduğu zaman hareket eden Koşut, Garibaldı, Ceferson—Devis ve başkalarının cesaretini gölgede bırakır. Bu sonuncuların maruf olması, her bir lüzumsuz işlerini durmadan aksettiren bir sahnede oynadıklarından ileri geliyordu. Halbuki, Kafkasya dağlarında mahsur bulunan Şamilin bu zavallı nayibini sahne önünde oturan seyirciler bile zorla eşitmekte idiler. Bir kaç muharbirin veyahud fotograf satanların himmeti mevcud olmuş olsaydı bu adam maruf ve layemut bir adam olurdu. Lakin bu olmadı; Muhammed Emin unutuldu.

Halbuki o çerkesleri fethe boş elle çıkmıştı. Buna bakmıyarak kısa bir zamanda kuvvetli bir fırka yaratmağa muvvaffak oldu, ona mâni olmak küstahlığında bulunanları ezdi ve yıllarca kayıdsız bir hükmüdar gibi hükûmet sürdü. Bu gibi muvaffakiyet yalnız dehaleri yılmaz cesaretle taclanmış olanlara nasib ola bilir...

Muhammed Eminin Garbî Adıgedeki 12 yıla yakın faaliyetine yekûn vururken bu faaliyetin ne kadar çetin bir şerait içerisinde ceryan ettiğini görüyoruz. Yerli aristokrasinin dağıtıcı faaliyeti, İngiltere, Franza ve Türkiye arasında nüfuz rekabeti, tam denilecek derecede maddî imkânsızlık v. s.—bütün bunlar faaliyeti zorlaştırıyordu. Bununla birlikte, bu gibi çetin şerait içerisinde bile Muhammed Emin dağınık adıge kabilelerini birleştirmege ve onları imamatın siyasî sistemine dahil ederek, Garbî Adıgede devlet teşkilatı kurmağa muvaffak olmuştur. Unutmıyalım, ki ayni zamanda Muhammed Emin rusların üstün kuvvetlerile muvaffakiyetle harb yapa bilmiş ve onları bir kaç defa maglub ve perişan dahi ede bilmiştir.

Muhammed Emin Anadolu şehirlerinden İstanbul yakınındaki Bursada vefat etmiş ve orada defin edilmiştir. Evladı halâda orada yaşamaktadır.

MATBUAT ARASINDA

Anlayışta karışıklık

Gürcü sosyal-demokratlarının organı „Brdzolis Hma" gazetesinin ötedenberi bizden memnun olmadığı malumumuzdır. Bu ademi memnuniyet şu mes'eleden çıkmıştı: vaktile „B. H." gazetesi, Moskva'nın Avrupa'daki harp meydanı bulunan kızıl İspanya'ya bolşevik Moskva ile yapılan bugünkü mücadele şeraitinde hiç te caiz olmıyan, yersiz bir medhiye yazmış, bunun üzerine biz de bu medhiyeyi vaktile mecumamızda tenkid ederek hoş görmedigimizi bildirmiştik. Bundan sonra buna benzer hareketler vukuunda ayni vaziyeti almaktan çekinmedigimiz için, ademi memnuniyet gittikce artmağa başladı.

Anlaşılan, şimdi „B. H.", yaptığımız „taarrüzler"in hıncını almağa karar vermiştir. Bu maksadle olacak ki, gürcü gazetesi mecmuamızın Son Kânun nushasında „Kafkaz" mecmuası grupunun mutad provokasyonunu ifşa eden baş mekalemizi vesile ittihaz ederek, Mayıs nushasında B. Aridze'nin (bu nami müstearı keşf edemedik) kalemile bir sıra ithamla bize karşı vaziyet almıştır. İthamların mahiyeti Aridze'nin mekalesine verdiği şu „İki taraflı siyaset" başlığında mündemicdir, Yani, „B. H." aya göre, biz „iki taraflı siyaset" yapmak, diğer tabirle iki yüzlü oyun oynamakla meşgul bulunuyoruz.

Nede olsa bu ağır, üstelik alenî bir şekilde yapılan ithamı esaslı olarak gözden geçirmeğe çalışalım. Bunu yaparken, kafkasyalıların teşriki mesaisinin gerek şekil ve gerekse mahiyetinin lâyühti ve söz götürmez bir müfessiri rolunu takınan sosyal-demokrat organının mantığını da kabartacağızdır. Mes'elenin daha ziyade sarih olması için Aridze'nin mekalesini aynen aşağıya alıyoruz. Mekalenin tercümesi bize gürcü dostlarımızdan biri tarafından verilmiştir.

„Dağlı Halk fırkasının Varşova'da „Şimalî Kafkasya" namında bir mecmuası intişar etmektedir. Bu fırka, müşterek kafkasya cephesine dahil bulunuyor ve Kafkasya Konfederasyon Şurasında bir mümessil oturtuyor. Bu Şuraya dahil seksiyonlar, Kafkasya'nın kurtuluşu için çarpışan kuvvetler arasına bozgunçuluk, dağıtıcılık sokmak gayesini güdenlere karşı müşterek kuvvetle mücadele etmege müştereken söz vermiş ve bu şarta riayeti taahhüd etmişlerdir. Bu şartda Kafkasya Konfederasyon Şurasına dahil bulunan seksiyonların ve bunlar tarafından neşredilen mecmuaların karşılıklı olarak bir birini müdafaa etmeleri ciheti bilhassa kabartılmıştır. Teessüfle kaydedelim ki, „Şimalî Kafkasya" mecmuası değil ki müttefik seksiyonu şüpheli şahsiyetler tarafından taarrüza maruz kaldığı ve kendisine karşı bir ehliselib seferi açıldığı sırada müdafaa etmiyor, hatta yalnız kendisini değil, bütün kafkasya cephesini müdafaa eden bu seksiyonu ithama bile kalkışıyor.

Şimdi dört senedir ki „Kafkaz" mecmuası ve bu mecmuanın dağlı müdürü, alelumum Kafkasya cephesi ve bilhassa gürcü seksiyonu aleyhine amansız bir mücadele açmış bulunuyor. „Şimalî Kafkasya", bu müddet zarfında iki taraflı bir vaziyet almış ve bu mecmua bir defa da olsa „Kafkaz"ın çirkin çıkışlarına karşı erkekçe bir ses çıkarmamıştır. „Şimalî Kafkasya"nın son nushası (Son Kânun-Şubat 1938) dahi esasen eski haline sadik kalmış ve baş mekalesinde utanarak Bammat'ın ve mecmuasının ismini zikr ile „Kafkaz" mecmuasının „bozuculuk niyetinden" bahsediyor ve bizi de „sükûnetimizi" muhafaza etmeğe davet ediyor. Anlaşılan, „Şimalî Kafkasya"ya göre, düşmanla düşmanca muamele etmek ve onun taarruzlarından korunmak demek, sükûneti ve liyaketi kaybetmek demektir. Bu yanlış bir görüştür. Gürcüler sükûnetlerini muhafaza etmegi beceriyor ve şu veya bu çıkılmaz vaziyette de muvazenelerini kaybetmiyorlardır. Bütün bunlarla beraber onlar kendi milletlerinin hayatî menfaatleri müdafaayi dahi beceriyor, düşmanla düşmanca karşılaşıyor, dost yolunda dr. kellelerini vermeğe hazır bulunuyorlardır.

Bammat, umumiyetle Kafkasya ve bilhassa Gürcüstan'a karşı olan düşmanca çehresini temamile göstermiş bulunuyor. O Gürcüstan nazarında münakaşa götürmez bir şeyi, münakaşa götürür bir şekilde gösteriyor ve Batumu Gürcüstan'dan ayırmak propagandası yapıyor. Batum Gürcüstan için bir hayat damarıdır.

Mükerreren söyledik, bir daha tekrar ediyoruz, Bammat'ı Türkiye'nin vekili adetmiyoruz. Söyledik, ve her zaman söyliyecegiz: Türkiye ile dostca münasebette bulunmak en samimî arzumuzdır. Fakat ayni arzuyu Türkiye göstermeyince, bizim arzumuzun degeri ne ola bilir? Türkiye'nin bize karşı bizim ona besledigimiz kadar hüsnü niyet sahibi olduğuna kani olursak, kendimizi temamile emin hissedebiliriz. Fakat, şimdilik bu ciheti gösterir bir delil elde mevcud değildir. Vaziyet böyle iken, bize ve bütün Kafkasya'ya karşı yapılan muhasim faaliyetin muharriki Bammat, arkasında komşu milletler hesabına bir mükâfat alacağı takdirde, göya Kafkasya'ya yardım etmeğe amade bulunan bir Türkiye bulunduğunu dünyaya isbat etmeğe çalışıyor. İki şeyden biridir: Ya Bammat'ın arkasında Türkiye duruyor ve şerait müsaid olursa komşu Kafkasya milletlerinin erazisini işgal etmek niyetinde bulunuyor, yahut da Bammat'ın arkasında Kafkasya ehalisinin hiç olmazsa yarısının Moskva tarafına temayül göstermesini temin maksadile süni surette bir türk tehlikesi yaratan Moskva oturuyor. Bize göre, ikinci şık daha ziyade muhtemeldir. Fakat, buna temamile kanaat hasil etmek için Türkiye, Bammat ve „Kafkaz"ın faaliyetile alâkası olmadığını açıkca ve kat'i olarak beyan etmelidir. Bu bilhassa zaruridir, çünkü son aylarda ağızdan ağıza muhtelif şayialar dolaşmaktadır. Şayialara göre, Bammat, mahdut mikdardaki gürcü iş arkadaşlarının muvafakatile o değil yalnız Batum'dan, hatta bir çok şeylerden vaz geçmektedir.

Bammat'ın Türkiye ricalini bu maceraya karıştırmağa muvaffak olacağını zan etmiyoruz. Fakat, havanın temizlenmesi için, salahiyettar birisinin Bammat'ı ifşa etmek için bir tekzibde bulunması zaruretı vardır.

Eger Türkiye Kafkasya'da müstevli komünist

hakimiyetinin sukutundan sonra bu günkü Kafkasya-Türkiye hududunu geçmez ve bu hareketile Kafkasya'ya kendi istiklâlini ihya etmek ve Kafkasya Konfederasyonunu yaratmak işinde bir engel olmazsa, Kafkasya'ya en büyük bir yardımda bulunmuş olur. İşte Türkiye'den istediğimiz budur!

Bizim bu isteğimizi „Şimalî Kafkasya"—eger kafkasya milletleri cephesinin samimî azası ise— müdafaa etmelidir. Onun vazifesi, bizimle beraber Bammat'ın provokatorca faaliyeti aleyhine sesini yükseltmek ve şiddetli bir lisanla bu faaliyeti takbih etmektır. İkitaraflı yollarla maksada erilemez".

Bu suretle, asıl ithamlar şu maddelerde toplanır:

1 — Göya biz, müşterek kafkasya cephesine dahil gürcü seksiyonunu „kafkazcılar" ile mücadelesinde müdafaa etmiyor, bilakis gürcü seksiyonu „ehli salib seferine maruz kaldığı" ve „değil ancak kendisini hatta bütün Kafkasya cephesini" müdafaa ettiği bir sırada onu „ayıplıyoruz".

2 — Biz bu seksiyonla beraber Türkiye'ye Bammat'la alakâsı olmadığını „bildirmesini ve bize" bu. gün mevcud kafkasya-türkiye hudutlarının aynile kalacağına dair derhal ve bir gün bile tehire uğratmadan teminat vermesini mutazammin bir nota vermek arzusunu göstermiyoruz.

İşte ithamların asıl mahiyeti bu iki maddele toplanmıştır. Şimdi, evelce işaret ettiğimiz gibi, bu ithamların ne derece esaslı ve yolumuzun iki taraflı olduğuna işaret etmek suretile bizi ağır bir itham yükü altında bulundurmak isteyen „B. H." ve Aridze'nin ne kadar haklı olduğunu gözden geçirelim.

İthamlar temamile esassızdır. Bu ithamların doğuşu ve matbuata aksi Aridze'nin yazısile nümayiş ettirdiği anlayışlardaki karışıklıktan ileri gelmiştir.

Sebeblerin sebebi şuki, Aridze ve „B. H." gazetesi idaresi, kendisile kafkasya cephesinin gürcü seksiyonu arasında bir müsavat işareti koyuyor. Başka türlü olmuş olsaydı, o zaman „ihtilâf", matbuatta münakaşa şeklinde değil de başka bir tarzda halledilir yahud da Aridze'nin mekalesi, kafkasya cephesine dahil gürcü seksiyonu — Gürcü Millî merkezinin resmî organında neşredilirdi.

Birinci itham, işte anlayışlardaki bu esaslı karıştırma ile sıkı surette bağlıdır. Bu ciheti tafsilatile tahlil edelim.

Biz, kendi çıkışlarımızda yerli ve lzem olduğu yerde her zaman çıkışların umumî karakterine muvafakat göstermiş, kardeş Gürcüstanın hakkını vermiş, bizim ve bütün Kafkasya'nın menafii ile sıkıca bağlı bulunan millî gürcü menfaatini tanımış; onun yolbaşcı ve kahramanlarına saygı göstererek daima Gürcü Millî Merkezini istilâ şeraiti içerisinde gürcü halkının iradesinin kanunî bir tercümanı gibi tanımışızdır. Ve bilakis, biz hiç bir zaman gürcü milleti ve onun mümessill Millî Merkezine hücuma yol vermemiş, ona karşı itham ve sitemlerde bulunmamış, Gürcüstan'ın Kafkasya'nın geçmişindeki rolunu küçültmemiş, onun kafkasya tarihindeki hizmetlerini kendimize çıkmamıs, kafkasya vaziyetini kendi faydamıza ve komşuların zararına olmak üzre tahrif etmemiş, gürcü milletinin açık düşmanlarına karşı sempatimizi gürültü ile izhar etmemişizdir. Değil ancak mecmuamız, hatta bizim cepheye mensub her şimalîkafkasyalı dahi bu şekilde hareket etmiştir. Kısaca söylersek, biz daima sadık konfederasyoncu, kanaatı ve işi ile hakikî bir konfederasyoncu olmuşuzdur.

Buna mukabil biz, başkalarına yapmağa caiz görmediğimiz bir muameleye kendimiz maruz kalınca kendi görüşümüzü beyan etmiş ve esassız ithamlarla önümüze çıkılınca müdafaada bulunmağı lüzumlu adetmişizdir.

İşte, „B. H." ve Aridze bu çıkışları„ kafkasya cephesinin gürcü seksiyonu adresine yapılmış „sitemler" adediyor. Öyle bir çıkış ki, ancak münferid zevat ve muayyen vak'aler dolayisile tarafımızdan vuku bulmuştur.

Bu suretle, Aridze tarafından Gürcü Millî Merkezi ile „B. H." arasına koyulmuş müsavat işareti, Aridzeyi hususiyi umûmî ile, bizim ayrı ayrı şahıslar hakkında ileri sürdüğümüz sitemleri Gürçü Millî Merkezi adresine yapılmış sitemlerle karıştırmağa mecbur etmiştir. İleride, Gürcü Millî Merkezi ile bir anlaşamamazlık vuku bulursa, ümid ediyoruz ki, bu matbuat münakaşası ile değil daha başka münasib bir yol ile ortadan kaldırılır.

Şimdi, bir kaç kelime de, „Kafkaz" mecmuasının bozucu faaliyeti ile mücadeledeki „mahcubiyet" hakkında söyliyelim.

„Kafkazçılar" grupuna dahil karıştırıcıların tahribkâr işlerini gerek dogrudan doğruya ve gerekse bilâ vasıta tekdir ve ifşa eden yazılara yer ayırmadığımız hiç bir nushamız yoktur. Bundan başka, yaptığımız ifşaatı temas etmediğimiz yahud unuttuğumuz yeni teferrüatla tekmil etmek arzusunda bulunan dostlarımıza sayfalarımız açıktır. Fakat, bizden bammatın „Kafkaz"ına benziyerek sayfalarımızı sokak sovüşleri ve uydurmalarla doldurmamız taleb edilemez Ayni suretle sahifelerinde Stalini ziyarete giden ve ondan talimat alan cumhuriyet İspanya'sının kati. haydutları müdafaa eden yazılara yer verdiği zaman „B H.", bizden kendisini müdafaa etmemizi taleb edemez. Bilalakis, vazifemiz Kafkasya mukadderatının mes'uliyetine şerik olan hakikî kafkasya konfederalistinin vazifesi, „B. H." aya gittiği yolun doğru bir yol olmadığını göstermektir. Ayni suretle bu kabil bir yoldan kaçınmak dahi vazifemizdir. Bu hususta „B. H" ve Aridze bize karşı hiç te bir ithamda bulunamazlar.

Şimdi de ikinci ithama, yani Aridze ve „B. H." ya türkiye hükûmetine olan taleblerinde yol yoldaşı olmadığımız mes'elesine geçelim.

Bu mes'ele, Aridze'nin cevab verdiği Son Kânun nushamızın baş mekalesinde kısmen izahını bulmuştu. Mezkûr baş mekalede biz açıkca ve hiç te „mahcubiyet" hissetmiyerek „kafkazçıların" türk resmî mehafili ile katiyen hiç bir münasebeti olmıyan „kurnazca" oyunlarını ifşa etmiştik. Bu hususta „Bammatı hiç bir zaman Türkiye adından konuşan bir adam telâkki etmedik" diyen Aridze dahi bizimle şeriktir.

Fakat, şayanı hayrettir, ki, o halâ endişe etmektedir. İtiraf ettiği vechile onu „ağızdan ağıza dolaşan şayıalar" yani haddi zatında dedikodular rahatsız etmektedir.

İşte, „B. H." ve Aridze bu „şayıalara" dayanarak hukukan mevcud, hukuku düvelin bir subjesi ve beynelmilel silsileyi meratibde her halde pek de son yerde bulunmaktan uzak bir devletten, bazar dediko-

dusunu resmen tekzib etmeği ve bir muhacirden vaz geçmesini taleb etmektedir.

Acaba, Bammat'ın Türkiye'de yaptığı neşriyatın hükûmet tarafından toplattırıldığı Aridzece malum değilmidir? Aceba, „kafkazçılar" şefinin bir müddet evvel Yakın Şarka yaptığı seyahatın ne ile neticelendiği belli değilmidir? Nihayet, yeni Türkiye kurucusunun bugünkü hudutların millî hudut olduğu ve hiç bir işgal niyeti beslemediği hakkında mutaaddit defaler vuku bulan beyanatını aceba Aridze hatırlamıyormu?

Eger bütün bunlar Aridze'ce malûm hakikatlar ise, neden Türkiye hükûmeti, ve asılsız şayılar ve el çapukluğu gösteren Bammat biri birine karştırılarak bir şey gibi telâkki ediliyor? Ve neden yüzümüze karşı ağır ithamlarda bulunuluyor?

Kafkasya istiklâli 20-ci yıl dönümünün Leh matbuatındaki akisleri

Kafkasya istiklâlinin bu yıl temamlanan 20-ci yıl dönümü Leh matbuatında geniş akisler uyandırmıştır. Ayrı ayrı gazetelerden başka, bir çok telgraf ajansları dahi bu güne ayrıca mekale ve haberler tahsis etmişlerdir. Meselâ, vilayet matbuatı arasında pek münteşir bulunan „Kabel" telgraf ajansı bu güne dair ayri bir havadis neşretmiştir. Kafkasya cumhuriyetleri ilâni istiklâlinin 20-ci yıl dönümü münasebetile Varşova Şark Enistitusu salonunda vuku bulacak mutantan toplantiyi haber veren ajans, yazısına ez cümle şunları ilâve etmektedir:

„Objektiv şerait, her şeyden evvel ise, cihan harbinin bitmesini müteakib vuku bulan hadiselerin sürati, onlara (Kafkasya milletlerine—A. B.) bir devlet halinde birleşmek imkânini vermedi. Bu cihet ve Avrupa'nın kafkasya cumhuriyetlerini kendi başlarına bırakarak Kafkasya istiklâli mes'elesine göstermiş olduğu lâkaydi henüz genc ve kuvvet bulmamış Kafkasya hürriyetin'e nihayet verdi. Gerçi tekmil Kafkasya cumhuriyetleri merkezî devletler, Azerbaycan, Ermenistan ve Gürcüstan ise galib Antanta tarafından de fakto ve de yure (ilk iki cumhuriyet—de fakto, Gürcüstan ise de yure) tanınmış bulunuyordu, lâkin müstakil yaşamak onlara mukadder değilmiş".

Ajans, bunu müteakib Kafkasya'nın feci taliini anlattıktan sonra yazısına şu cümlelerle nihayet vermektedir:

„Buna rağmen Kafkasya yılmamış ve müstevlilere karşı açılan mücadele halâ devam etmektedir. Savaşan Kafkasya vatanseverleri bugün bile ormanlarda saklanmak mecburiyetinde kalmışlardır. Muhaciret dahi millî işi bırakmamış millî mücadelesine devam etmektedir. Yakın zamanda vuku bulacak mutantan toplanti bu muhaciret faaliyetine bir delildir".

Telgraf ajansının bu yazısı bir çok vilâyet gazeteleri tarafından aynen alınmıştır.

Toplantı vukuundan sonra, resmî hükûmet gazetesi „Gazeta Polska" dahi bir yazı neşrederek toplantı hakkında malumat vermiştir. Bu yazıda ez cümle, Hariciye vekâleti mümessili müsteşar P. Kurnitski'nin, müslüman ruhani mümessillerinin, Şark Enistitusu idare hey'eti azalarının, profesorların, „Genc şarkiyatçılar derneği" ve diger leh teşkilatları azalarının, millî Kafkasya muhaciret kolonisi mümessillerinin toplantıya iştirak ettikleri kaydedilmiştir.

Askerî mehafilin organı „Polska Zbroyna" gazetesi dahi bu gün dolayisile bir mekale neşretmiş ve ez cümle şunları yazmıştır:

„Kafkasya muhaciretinin bütün merkezleri 1934-de kafkasya konfederasyonunu teşkil ederek bir misak imzalamıştır, Bu misaka göre, Kafkasya kurtulduktan sonra, tekmil Kafkasya cumhuriyetlerini birleştiren federatif bir devletin vücude getirilmesi tasavvur edilmektedir. Kafkasya muhaceretinin gayesi, amansız müstevliye karşı yeniden açılacak savaşa kuvvet vermek için daima hazır bir vaz'iyette bulunmaktır".

„Krak" namı altında intişar eden gazete, mühendis Billatti tarafından toplantıda okunmuş maruzayi (mecmuamızın geçen nushasında derc edilmiştir) aynen derc etmiş ve yazıya bir kaç resim dahi ilâve etmiştir.

Bundan başka, tanınmış gazetelerden „Kuryer Poranni" gazetesi dahi büyük resimli bir mekale neşretmiş ve bu resimler meyanına İmam Şamil'in bir fotografını dahi koymuştur. Gerçi İmam Mansur, Gazi Muhammet ve Hamzat Bek'in asıl halefi İmam Şamil mekalede „âsî" diye yadedilmiştir, fakat mekalenin umumiyetle hayrihah bir lisanla yazılışı gösteriyorki bu tabir açık bir yanlışlık yüzünden kullanılmıştır. Mekale, Kafkasya Konfederasyon Misakına temas ederek Misakın „bütün Rusya mahkûmu milletlerin müşterek „Promete" cephesi ruhunda oldugunu ve bu yüzden gayesine ermek için daha reyel bir esasa dayanmış olduğunu" kaydetmektedir.

Leh katolik mehafilince tanınmış haftalık „Pseglond Katolitski" gazetesi dahi Kafkasya istiklâl gününe bir yazı tahsis etmiştir. Bu yazıda ez cümle şunları okuyoruz:

„Kafkasya cumhuriyetleri ilâni istiklâlinin 20-ci yıl dönümünü kutlarken memnuniyetle kaydedebiliriz ki, artık Kafkasya milletleri bir araya gelerek birleşmiş ve bu birlik de haricten gelen bir tesirle değil, milletlerin kendi iradeleri, kendi şuur ve emelleri neticesinde hüsule gelmiştir. Hürriyet ügrundaki savaşında müşterek bir mükadderatla birleşmiş bulunan Kafkasya'nın kurtuluş işi, kendi emniyeti bakımından rus empetorluğunun çökmesile alâkadar olan bizlere gerek hissî ve gerekse devletî menafi cihetinden oldukca yakın olmalı ve alâkamızı çekmelidir".

Kafkasya milletleri için aziz olan bu yıl dönümü dolayisile leh matbuatının göstermiş olduğu candan alâka ve yükselttiği ses, leh milletinin geniş tabakalarınca Kafkasya kurtuluş mes'elelerine beslenilen candan alâkayi göstermesi bakımından çok mühimdir.

A.—B. K.

„Promete" hürriyetini elde edecektir!

Okurlarımızca malum leh muharrirlerinden Juzef Çarnetski aylık mllliyetçi mecmua „Naş Pşışlost" („İstikbalimiz") ın Haziran nushasına yazmış olduğu mekalesine işte yukarıki başlığı koymuştur. Mekalenin

ruhunu bu başlık pek alâ tayin etmektedir. Mekale şu satırlarla başlamaktadır:

„Her istikamette makul bir açılma esasına dayanması lazım gelen – çünkü, kuvveti tek bir elde temerküz ettirmek imkânsızdır—leh büyük devlet siyasetinde Şark bilhassa büyük bir yer işgal etmektedir. Başka türlü de olamazdı, zira gerek geopolitik vaziyetimiz ve gerekse bütün tarihimiz bunu âmirdir. Almanya ile ezelî ihtilâfa ragmen—ki „dünya durdukca Alman Lehe kardeş olamaz" şeklinde bir halk sözünün doğuşuna bile sebebiyet vermiştir - en uzun süren ve en kanlı harp ve müsademelerimiz Şarkla vuku bulmuştur. Son 4 asır zarfında Moskva ile 16 harp yapmak mecburiyetinde bulunmuşuzdur. Halbuki ayni müddet zarfında Almanya ve Prusya ile 3 yahut 4 harp yapmışızdır. Büyük devlet olmak niyetile yapılan hamlelerin ruhu dahi hep Şarka taraf temayül etmiş ve hakikaten de Litva ve Rus ile yapılan birlik neticesindedirki, biz bugün ihyasına çalıştığımız büyük devlet derecesine yükselmişizdir. Nihayet, iki asırdan fazla bir zamanımız da Romanofların rus çarizmi şeklinde kendini gösteren Şark taarrüzü ile mücadele ve esaret tazyikile geçmiştir. Binaenaleyh, Lehistan ancak Şarkta dirki kaybettiklerini geri alabilir ve oyunda kendi mühim kozlarından istifade edebilir. Bolşevik ihtilâli bu vaziyeti hiç te değiştirmiş değildir. Zira, bayaz ve kızıl Rusya emperyalizmleri arasında filen hiç bir fark yoktur. Bunların her ikisi de ayni istikameti takib ediyor, açık ve ya gizli olarak ayni universel ideolojiden istifade ile bu ideolojiyi sui istimal ediyorlar. Şu farklaki, bayaz emperyalizmde bu ideoloji panslavizm, kızıl emperyalizmde ise dünya ihtilâli şeklinde tecelli ediyor. Hem de bir dünya ihtilâli ki, icabında „slavçılık„tan istifade etmegi bile unutmuyor.

Binaenaleyh, oldukca uzak bir merhaleyi göze alaraktan tesbit edilen leh siyasetinin, Sovyet Rusya'da ne olub bittigini geregi gibi bilmek mecburiyetinde olduğuna ve Sovyetleri kendisi için zararsız bir şekle sokmak yolunda her türlü imkânları iyice hesaplamak iztırarında bulunduğuna hiç te hayret etmemek lâzımdır. Bu hesap işinde muhacirette „Promete" adını taşıyan Rusya mahkûmu milletlerin kurtuluşu mes'elesi ciddî bir yer işgal etmektedir".

Bundan sonra J. Çarnetski mecmuamızın 47—48 sayılı nushasında „Promete" klubunda vuku bulan münakeşe dolayisile neşrettiğimiz nutkunda ileri sürmüş olduğu fıkirleri burada daha geniş bir şekilde kaydettikten sonra sözüne devamla diyor ki:

„Promete" mes'elesi, Sovyet Rusyasi hayatında vücude gelecek sarsıntı mes'elesi, harp ihtimalı mes'elesine bağlıdır.

Bugün harpten bahsetmek demek—zaman ve mekân itibarile yakın olan bir hadiseden bahsetmek demektir. Bir kaç sene evvelisi harp ihtimalini 50 sene sonraya, yani gelecek nesle kadar talik edenler, şimdi harp için son müddet olarak yakın 10 yıl gösterildiği zaman pek te itiraz etmiyorlar. Müstakbel harp mes'elesinin bizim için ciddiyeti, harbın Avrupa'nın şarkında ve buna bağlı asya mıntakalarında yani Evraziya'da vuku bulacağından ileri gelmektedir. Bir çok lehli, „Asya harbi biz Avrupalıları alakadar etmez" demeye ve hatta İspanya'yi bile Avrupa'ya idhal etmeğe meyyal gözükmeyen Lehistan'ın sabik Madrıt sefiri V. S. in fikrine iştirak etmege şimdiden hazır bulunmaktadır.

İspanya'nın geopolitik vaziyeti mes'elesinin bizim için pek te ehemmiyetli bir şey olmadığını farzedelim. Gerçi, Samesyer ve Saragosların kahramanlarının ahfadı için, İspanya'da vuku bulan hadiselere karşı bu kabil tam bir „alakasızlık" göstermek pek te yerinde değildir. Bizim müşahitler orada çok şey ögrenebilirlerdir.

Buna mükabil, Evraziya mes'elesi ve onun yakın mukadderatı bizi çok yakından alâkadar eder. Evraziya, hiç şüphesiz Merrihin işareti altında bulunmaktadır. Japon-Sovyet ihtilâfının ihtimalı söz götürmez derecede reyeldir. Uzak Şarkta vuku bulacak harpte Rusya'nın dahilî vaziyetinde 1905 mağlubiyetini müteakib baş veren ihtilâla benzer bir ihtilâl tehlikesi vücude getirecektir. Fakat, bu sefer içtimaî bir ihtilâl ile değil, mahkûm milletlerin kurtuluş ihtilâli ile karşılaşacağız. Binaenaleyh, Şarkta çıkacak harp yangınından asılı olmıyarak, avrupa Rusya'sı günün birinde, açıkca istiklâl davası yapan bir çok mücadele ocakları haline gelebilir.

Vaktile Juzef Pilsudski japon harbının başlayışında leh mes'elesinin halline doğru bir işaret görmüştü. Aceba, bugün Pilsudski ideolojisinin vârisleri bulunan bizler, neden Uzak Şarkta patlaması muhtemel harpte bu kabil bir işaret görmiyelim? Aceba, bu açık hakikat, otuz sene evvelisi olduğu gibi, cemiyetimizin lâkaydliği ve şuursuzluğu içerisinde sönüb gitmelimidir? Aceba biz, Rusya'nın muhtemel dekompozisyon işini müsbet bir neticeye bağlıya bilecek bir müdahele ve taarrüz planı vücude getirecek bir vaz'iyette değilmiyiz?

Eger Rusya, Uzak Şarktaki ağır vaz'iyetinden yakasını kurtarır ve mahkûm milletlerin dahili istiklâl hareketlerini tenkile muvaffak olursa, hiç şüphesiz, avrupanın kapusunda olduğumuz için bize doğru hareket edecektir. Bu takdirde (şimdi) Marşal Pilsudski adını almış olan meydanda rus kilisasının heyûlası reyel bir şekil almış olacaktır. (Kilisa değil de allahsızlar müzesi dahi ola bilir).*) Hatta daha fazlasını söyliyelim, böyle bir kilisa Krakov'un Maryan bazarında dahi tasavvur edile bilir. Krakov'daki kilisa'nın heyûlâsi, fikirce tenbel lehlerin uyğusuna kâbuslu bir ruya gibi girirse ne alâ! Belki bu suretle siyasî durbinliğin esrarına vakif ola bilirler. Aceba, düşmanın kendi hudutlarımıza

---

*) Ruslar Lehistanı istilâ ettikten sonra Varşova'nın en mutena bir yerinde — Sakson meydanında şimdi Marşalek Pilsudski adını almış olan meydanda bir ortodoks kilisasi inşa etmişlerdi. Bu kilisa, bermutat Rusya tarafından işğal edilen ülkelerde olduğu gibi (mesela, Terk—Kala kilisasi gibi) Lehistan'daki rus hakimiyetinin kuvvetini termiz ediyor ve bu yüzden lehlerin millî hislerini tahkir ediyordu. Leh milleti kurtulur kurtulmaz ezelî düşmanının bu göze batan gurur alâmetini ortadan kaldırmıştır. — İdare.

akınını bekleyip durmaktansa, kendimiz taarrüze geçersek daha makul bir iş yapmış olmazmıyız? Yani, müdahele idesini benimsiyerek bu ide ile beraber harp sahasını Varşova'dan 1500 kilometro daha uzağa geçiremezmiyiz? İşte bunun içindir ki, Uzak Şarktaki harble alakadar olarak karışık bir vaziyete düşecek olan Rusya'daki milletlerin millî kurtuluşları mes'elesi Lehistan için çok büyük bir ehemmiyet kesbediyor. Kader, elimize Batori devrinde olduğu gibi, yeni ve büyük bir imkân veryior. Rusya'yi ihate eden yeni „karışıklık devri" ezeli düşmanla hesap görmemiz için iyi bir fırsattır."

Muharrire göre, Almanya ile Rusya arasındaki ihtilâf bu hesap görme işi için çok müsaid bir zemin yaratmıştır. Binaenaleyh bu nadiren ele geçen fırsattan stifade etmek gerektir.

Mekale sahibinin fikrince, Almanya için Şark büyük imkânlar ülkesidir. Lehistan'ın Almanya'nın bu niyetine „sureti mahsusada engel olmasında" bir faydası yoktur. Yalnız, alman inkişafının yollarını kendi faydamıza bir istikamete çevirmege çalışmalıdır. Bu iş de pek alâ yapıla bilir, çünkü Almanya, Şarka „ne bizim başımızın üzerinden ve ne de bizsiz" geçecek vaziyette değildir. Almanya „ya bizi imha edecek yahut da bizimle anlaşarak teşriki mesai edecektir."

Muharrir, hatta bu teşriki mesainin konkret bir planını dahi ileri sürüyor ve diyor ki:

„Bırak Almanya şimale gitsin, yedi yüz yıl evvel Çud gölü üzerindeki mağlubiyetin acısını alsın, biz ise „cenuba gidelim".

Mekale sahibi yazısında S.S.S.R. in müdafaa kabiliyetine de çok yer ayırmıştır. O, bu mes'eleden bahsederken şimal deniz yoluna büyük bir ehemmiyet atfediyor ve „Sovyetler, kutub hakimiyeti idesini tahakkuk ettirdiler" diyor. Bize öyle geliyor ki, muharrir ister istemez sovyet reklamının ağına düşerek bu hususta yanlış bir fikir elde etmiştir. „Şimal deniz yolu", muharririn tasavvur ettiği derecede hiç te „benisenmemiştir". Son zamanlarda „Kutub işcileri" arasında yapılan kitlevî hapis ve idamlar—ki „sovyetler ittihadi kahramanı" prof. Otto Şmit'in de idam edildigi şayiasının dolaşmasına vesile vermişti— bu kanaatımızı dolayisile teyid etmektedir.

Buna bakmıyarak muharrir umumiyetle doğru bir neticeye varıyor ve Rusya'nın müdafaa kabiliyetinin büyük şüphe altında bulunduğunu söyliyor. Bir müddet evvel Rusya'nın Uzak Şarkta gösterdiği zâf, bu görüşün doğruluğunu temamen isbat etmiş oldu.

Muharrire göre, Sovyetler ittihadının gayri rus eyaletlerinde kendini gösteren dekompozisyon, Rusya'nın müdafaa kabiliyetini bilhassa zayiflatmaktadır. Muharrir bu hususta diyor ki:

„Bu çeşit bir dekompozisyon, merkezî Rusya hudutlarının tışında bulunan federatif cumhuriyetlerde, meselâ, Ukrayna, Don Edil-Ural'da daha fazla göze çarpmaktadır. Bu gösteriyor ki, sovyet hükûmeti başka milletten olan erazilerde istinat noktasını çok müşkülatla bula biliyor. Buna hayret etmemelidir, çünkü sovyet federasyonu milletleri müşterek „sovyet vatanı" ndan gittikce daha ziyade bir inkisari hayale uğruyorlardır. Bu ciheti „Şimalî Kafkasya" (N 36, 1937) mecmuası B. Bilatti'nin mekalesile oldukca kabartmaktadır. B. Bilatti diyor ki: — „Bugünkü sovyet federalizmi boş bir laftan ibarettir. Bu boş lafın perdesi altında eski ve maruf ruslaştırma ve eritme siyaseti tatbik edilmektedir. Rus muhacereti arasındaki evraziyistlerin ve digerlerinin mahkûm milletlere vadettikleri diger federalizm ve „emperatorluğun müşterek çatısı altında" beraberce yaşamak teklifleri, bolşevik federalizminden katiyen farklı değildir". B. Bilatti şu neticeye varıyor: „Emperatorluk çatısı" „patlak vermelidir". Mahkûm milletler hürriyetlerini elde etmelidirler, onlar istiklâllerini almağa hak kazanmışlardır. Rusya'daki federatif cumhuriyetlerde dekompozisyonun kendisini gösterdiği bir sırada milletlerin istiklâl hakkı mes'elesi aktuel bir ehemmiyet almış oluyor".

Bundan sonra muharrir bu fikrini tekmil ediyor ve diyor ki:

„Kurtuluş hareketlerinin kuvvet buluşunu gösteren vak'alere gün geçtikce daha fazla şahit olmaktayiz. 1937-nin 25 Nisan'ında Resul-zade Emin Bey, Berlin'in „Humbolt" klubunda „Kurtuluş" mecmuasının teşebbüsile „Azerbaycan mes'elesi" mevzuunda bir konfrans verdi. Berlin darulfünununun maruf turkoloklarından prof. Gothart Jeşke'nin, konfranstan sonraki beyanatında varmış olduğu şu netice dikkata deger mahiyettedir: „Bugünkü III-cü Reihin eski Almanya'nın hatasını tekrar etmiyeceğini ve Rusya'yi tek bir millet değil de, kendi hürriyet ve istiklâl hakları için çarpışan milletler halitesi gibi tanıyacağını ümid ediyorum". Alman profesorunun bu beyanatını hatıra iyice yerleştirmek lâzımdır. Bu beyanat, S S.S.R. in federatif milletlerinin teşkilat bünyelerinde, idare sistemlerinde, başlıca olarak haleti ruhiyelerinde hüsule gelen derin değişikliklere şahit olduktan sonra, alman efkâri umumiyesinde ciddî bir tahavvülün vuku bulduğunu göstermektedir. Baytugan'ın, „Şimalî Kafkasya" mecmuası sayfalarında prof. O. Gurka'ya verdiği cevabî mekalede ileri sürdüğü fikirler, siyasî mefhumların yeniden gözden geçirilmesi işinin kafkasya efkârî umumiyesinin tesanüdü sahasında yapılan faaliyetin ve bu efkâri umumiyenin „büyük, parçalanmaz Rusya" nın hipnotik tesirinden halâs olması işinin oldukca ileri gittigini göstermektedir. Rusya'ya Stalin (Cugaşvili) ve Kâzım-Bek'i vermiş olan Kafkasya, bugün kendi kurtuluş işi için bir önder aramaktadır. Kafkasya, Rusya'nın kuvvet bulmasına ve ileride emperatorluk haline gelmesine yarıyacak bir köprü olmak istemiyor".

Mekale sahibi yazısının sonunda leh efkâri umumiyesinin dikkatını Alfred Rozenberg'in „muhtelif vaziyet ve zamanda beyan etmiş olduğu" siyasî planlara celb ediyor ve maruf alman pasifisti ve demo-liberalı Bertold Yakov'un kitabına („Yeni almanya ordusu ve önderleri") dayanarak bu planların Almanya askerî mehafilinin planlarile bağlı olduğunu isbata çalışıyor. Bu planlar, muharririn Şark mes'elesinin hallinde leh—alman teşriki mesaisi için ileri sürdüğü şekilden mahiyetce çok farklıdır. Bu plan-

larda, Lehistan Almanya'nın şarka doğru hareketinde düşman bir kuvvet, hatta bu harekete maruz bir ülke gibi tasavvur edilmektedir. Eger bu doğru ve hakikata muvafik ise, Şarkî Avrupa mes'elesi ve buna merbut olan Rusya mahkûmu milletlerin mes'elesinin halli oldukca zorlaşmış olacaktır.

„Surhay" provokator

Surhay isminin Şimalî Kafkasya'da güzel bir an'anesi vardır. Kazıkumuk hanı Çolak Surhay, müthiş Nadır Şahın Dağıstana girmesi önüne geçmişti. Çolak Surhayın torunu ve halefi İkinci Surhay yeni düşman Rusya ile kahramanca çarpışmış ve uzun süren hayatının sonuna doğru hemşerilerince Surhay Kyn-Buttay (Surhay dede) adını almıştı. Vatan ve millet karşısındaki borcunu şerefle ve cesaretle ödemiş daha bir çok Surhaylar gelib geçmiştir.

Fakat, kağıd karalamaktan zevk duyan birisi, şimdi Surhay ismile bağlı güzel an'aneyi bozmağa karar vermiş ve bu iş için de inhilâl, bozuculuk namına ne varsa hevesle derc etmeğe can atan „Kafkaz" mecmuasının sahifelerinden istifade etmiştir.

Maksadımız, kendisine tarihçi diyerek okurlara „bizzat kendisinin yazdığı", „XIX ci asırda Kafkasya'nın diger devletlerle münasebatının" tarihini takdim eden „Surhay" dan bahsetmektir. Fakat okuyucu bizim „Surhay"ın kendi „eseri" dolayisile Tarihçi— Surhay lakabini alacağını zan etmesin. Hayır o, bu lakabi alamıyacaktr.

Zira, evvelen bizim „Surhay", intihalçıdır. Başkalarının eserini kendisinin imiş gibi gösterir.

„Bizzat kendisinin yazdığı" şey, başkasının eserini, başkaları tarafından toplanarak sistem haline getirilen vak'a ve müşahedeleri nakilden başka bir şey değildir. Bunu yaparken „Surhay", hiçte mahez göstermeğe ve bu suretle hiç olmazsa, teklifsizce istifade ettiği eser sahiblerine teşekkür etmeğe bile lüzum hissetmiyor. Bu işde en fazla ziyanlı çıkan, bizim „Surhay"ın kendisinden değil yalnız vak'aleri, tanzim ve ifade tarzını bile aldığı „1831—1864 yıllarının avrupa siyasetinde Kafkasya mes'eleleri" nam eserin müellifi leh tarihçilerinden Dr. Ludvik Vidersaldır. Bu suretle, görülüyor ki, bizim zavalli tarihçi, elinde bulunan yegâne mahezi kendi malı gibi gösteriyor ve kendisini de bir tarihçi zanediyor. Her halde düşünüyorki, minnettar vatandaşları bu iş için ona bir heykel yapmasalar da, hiç olmazsa ileride kurtulacak payhatımızdaki sokaklardan birisine tarihçinin adını verirlerdir. Bu bir.

Bu ciheti geçtikten sonra, ikinci noktaya gelelim. Bizim „Surhay" provokatordır. Hem de kötü cinsten, korkak ve deve kuşu gibi başını toprağa gömerek saklanmak suretile maksadına erişmek isteyen bir provokatordır. Mes'ele gayet basittir: torun „Surhay"ın hoşuna gitmiyor, „Surhay" torunla mücadele ediyor. Binaenaleyh, dedenin hatırasına çamur atmak lâzımdır. Bizim „tarihçi" nin mantığı işte böyledir.

İşte, vak'aler. Bizim „tarihçi" şöyle diyor:

> „Beynelmilel vaziyet müsaid olmuş olsaydı, hiç şüphesiz Kazı-Mola Kafkasya tarihinde muakkibleri Hamzat-Bek ve Şamilden daha büyük bir rol oynamış olurdu".

Aziz okuyucu, iki sene zarfında, yani İmam Kazı-Muhammed'in ölümünden (1832) Şamilin imamlık makamına geldiği (1834) müddete kadar „beynelmilel vaz'iyette" ne gibi bir değişiklik vücüde gelmiştir?! Ve bu değişiklik Kafkasya'da ne derecede bir tesir uyandıra bilirdi? Pek iyi biliyoruz ki,—gerek daha evvellerde ve gerekse daha sonralarda – hatta Rusyn'nın Kafkasya'nın cenub komşularile doğrudan doğruya yaptığı harpler bile ne Kafkasya'daki rus ordusunun mikdarca eksilmesi ve ne de rus kumandanlığının stratejik planlarını değişmesi üzerinde katiyen müessir olmamıştı, bilakis Şamilin 25 yıllık imamlığı müddetince rus hükûmeti Kafkasya'daki ordusunun sayını mütemadiyen artırmış ve nihayet 200 bin süngü ve kılıca vardırmıştı. Sonra, şunu da kaydedelim ki, „tarihçi" den aldığımız yukariki parça, mes'ele ile hiç bir suretle münasebattar değildir Aceba, bilfarz general Goş'un tercümeyi halini bitarafca yazan bir müverrih, bu generalın başka bir vaz'iyette bulunacağı takdirde Napoleondan daha fazla bir iş yapa bileceğini söyliye bilirmi? Bunu, hatta bitaraf görünmek isteyen Napoleon düşmanı bir müverrih bile söylemekten çekinir, çünkü bunu söyliyince mevzudan uzaklaştığı derhal göze çarpacak, değil yalnız Napoleonun, hatta Goş'un bile hatırasını rencide edecek bir tarafgirlik yaptığı anlaşılarak müellifini şüpheli bir vaz'iyette bırakacaktır. Fakat, bizim kartlaşmış „tarihçimiz" bu kabil bir „inceliği" anlıyacak dereceye bile gelmiş değildir.

„Surhay"ın Çeçenistan'ın İmam'ın hakimiyetin tanıması vak'asını tefsiri de çok karakteristiktir. „Tarihçi" bu hususta diyor ki:

> „Pullo'nun (rus generallarından biri) mezalim ve vahşeti, düzde yaşıyan çeçenleri bitgin bir hale getirdiği için çeçenler isyan ederek dağlara kendi vatandaşlarının yanına çekilmiş ve Şamili yanlarına davet etmişlerdir".

Görüldüğü veçhile, bütün Şimalî Kafkasya'yi mücadele etrafında birleştirmek için mütemadiyen çalışmış, her tarafa adamlar göndererek bunlardan en müstaidi olan naib Muhammed Emin'in yardımile hatta uzakta bulunan Garbî Adıge'yi bile teşkilatca imamlığa bağlıyan İmama, bizim zavalli „tarihçi"i Rusya'yi idare etmek için davet edilen efsanevî varyag kınyazlarının roluna benzer mehanikî bir rol atfediyor.

Bütün bu tarihde „Surhay", mevzuu bahs devirde rusların hizmetinde bulunan Musa-Paşa Kunduhun bu işde şüpheli olan otoritesine dayanıyor ve alelumum, imamlık tarihinde bir intikal devri olan bu devri anlatan satırlar bitaraf olmiyan bir İlovayçılık vasfı taşıyor.

„Tarihçi" ye göre, İmam Şamil Ahulgo'dan sonra „Dağıstan'daki nüfuzunu kaybetmiştir". „İsyan etmiş Çeçenistan'a" o zamana kadar rus askerinin ayağı basmamış ve orada rus idaresi mevcud olmamıştır. Akulgo'dan bir müddet evvel Şamil'e iltıhak etmiş ve Şamil ile beraber omuz omuza imamlığın kal'esi olan Ahulgo'da çarpışmış necib ve sadik naiblerden Taşav-Hacı, bizim „tarihçinin" provokatorca yazısında Şamil ile ancak Ahulgo'dan sonra buluşmuş gibi gösteriliyor. „Tarihçi" nin yazısında Şamilin Şimalî Kafkasya tarihindeki rol ve ehemmiyetini küçültmek arzusu açık ve bariz bir şekilde göze çarpmaktadır.

Bu gaye ile olacak ki, zavallı tarihçi, hiç bir esasa dayanmadan kinyaz Sefer Zan-iko'ya bir muhabbet gösteriyor ve onun için „propaganda ile Çerkesistan'daki mücadeleye manen yardımda bulunuyordu" diyor. Bu tipik Şimalî Kafkasya yerlilikçisinin propagandası, bilhassa Türkiye'de ve avrupa mümessilleri mehafilinde yaptığı propağanda Şimalî Kafkasya için haddi zatında çok zararlı olmuştur. İhtiyar kınyaz Şimalî Kafkasya devlet idesinin mümessili bulunan Muhammed Emin aleyhine yaptığı intriklerle işe çok ziyan vermiştir. Bu ciheti, „Surhay"a „tarihçi" olmak ilhamını veren esaslı eserin müellifi dr. Vider-şal dahi kabartmaktadır. Nihayet, Zan-iko, „Surhay"ın göstermek istediği derecede bir nüfuz sahibi olmuş değildi. Bu nüfuz esasen natuhaylara ve kısmen de şapsuklara munhasır kalmıştı. Adige kabilesinin en büyüklerinden sayılan abadzehler içerisinde ise hiç bir nüfuza sahib olmamıştır.

„Surhay"ı Zan iko tarafına çeken cihet, başkadır. Mes'elenin can alacak noktası şuki. Zan-iko da İmamın hizmetlerini tanımıyor ve takdir etmiyordu. Dahası var: o esasen Şamilin mevcudiyetini inkâr ediyordu. Halbuki yani başında Anap dağ silsilesi arkasında İmamın sadık naiblerinden Muhamed Emin'in ikametgâhı vardı. Bu hususta bize, Kırım harbı zamanında Adığedeki fransız siyasî heyetinin azalerinden dr. Jannel (Jeannel), 1856 senesinde Bordo'da tabedilmiş „Exursion en Circassie" unvanlı kitabında malumat vermektedir. Heyet azaleri Sefere ve oğlu İbrahime Şamil'in ne gibi siyasî ve askerî bir rol oynadığını sordukları zaman, onlar „bu adamı esasen tanımadıklarını" söylemişlerdir. Her iki Zan-ikoyu bu Işde, Seferin adamlarından, bilahere rus hükûmeti ajanı olduğu meydana çıkan macar hizmetinde sabik miralay Bangia (Bangya) teyid ve müdafaa etmiştir. İşte, bizim „tarihçi"nin asil natuhay kinyazina karşı beslediği sempatinin sebebini „Surhay" ile Sefer Zan-iko'nun bu ruh yakınlığında aramak lâzımdır. İşte, asıl mes'elenin hikmeti budur!

Her millet, şüphe yok ki, millî kahramanlarının hatırasını mümkün mertebe fazla bir saygı ile anıyor. Yeni nesil kahramanların kültü ile terbiye olunuyor. Vatandaşlardan bazılarının şuurlarından şüphe edildiği yerlerde, kahramanların hatırası kanunla korunuyor. Meselâ, Lehistan'ın en büyük millî kahramanlarından Marşal Pilsudskinin hatırası Lehistan'da husus bir kanunla korunmaktadır.

Bu basit hakikatı, bizim boşuna kâğıt karalıyan „tarihçimiz" nedense anlamak istemiyor. Bir türlü anlamak istemiyor ki, Şamil, dünyada emsali bulunmıyan bir dastan yaratmıştır. Hem de kadın ve çocuklar da dahil olmak üzre on binlerce, en fazlası yüz binlerce kişinin, o zamanlar on milyonlarca ehalisi bulunan dünyanın büyük askerî devletlerinden birine karşı açtığı mücadele dasitanı! Öyle bir dasitan ki, 25 sene sürmüş ve bir kişi hemen hemen boş el ile 10 kişiye karşı çıkmıştır. Aceba, dâhi bir adam olmadan ve müthiş, ağır mahrumiyetler içerisinde bulunan ehalinin tam itimad ve sedakatına mazher olmadan bu işler yapıla bilirmidi?!

Şamilin dasitanı ve bu dasitanın yaratıcısı— millî ideolojimizin en kuvvetli temelleridir, dayandığımız ana direklerdir. Binaenaleyh, bizlerden kimse ve hiç bir vechile millî benliğimizin bu esaslarını bozmak hakkında değildir.

„Surhay" bu hakikatları anlamak istemiyor Tekrar ediyoruz, anlamak istemiyor, çünkü o torunu begenmiyor ve yaşıyan torunun aleyhine açıkca çıkmaktan korktuğu için, müteveffa Büyük Baba'nın hatırasını hiylekârca lekelemeğe yelteniyor.

„Surhay"—bir nami müsteardır. Kendi „tarihini" kopye ettiği menba ve bundan daha evvel de mükerreren göstermiş olduğu tarafgirlik, „tarihçi" mizin asıl ismini oldukca sarih bir şekilde meydana koymaktadır. Ona tavsiye ederiz: tarihi rahat bırakarak eski dedikoduçuluk san'atına dönsün. Bu daha iyi bir iş olur.

Мирза-бек Кулатти

МЮНХЕНСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Характерной особенностью международной жизни последнего десятилетия является чрезвычайная быстрота действий, при которой события, часто исключительной исторической важности, а иногда и всемирного значения, следуют одно за другим.

В конце концов, выработалась даже своеобразная привычка к подобного рода сенсации. В частности, дошло до того, что общественное мнение Европы уже недостаточно глубоко реагировало на решение вопросов, касающихся ее непосредственно, не говоря уже о проблемах географически более отдаленных, хотя и имеющих в мировой истории переломное значение. Однако, совершенно иначе были восприняты события и возможные перспективы, связанные с т. н. совещанием четырех в Мюнхене.

Европа ясно осознала, что переговоры в Мюнхене представляют собой отражение накопления сил такой мощности, которая в самых основаниях подрывает существующее равновесие и впервые после мировой войны грозит реальной возможностью нового всеобщего столкновения. Таким образом, хотя, в конце концов, и не дошло до кровавой развязки, все же, настроение масс круто повернулось от мирной обыденщины к осознанию существования скрытых глубоких конфликтов.

Но не только в этом отношении, т. е. в смысле психологических перемен, „совещание четырех" знаменует собой переломный момент. Оно, прежде всего, устанавливает рубеж, от которого существующее status quo следует считать в корне нарушенным, и определяет начало более или менее длительного процесса территориального перестроения Европы в самом широком масштабе, до установления будь нового равновесия или же до новых войн: локальной или всеобщей.

Кроме того, мюнхенское совещание резко

выявило новые принципы международной политики и новые методы дипломатии, вскрыв в полной мере недостатки прежних. Сам кризис чехо-немецких отношений, расширившийся в кризис всеобщий, был в сущности концом версальской системы европейского равновесия. Оказалось, что новое соотношение сил настолько переросло существующую систему международных отношений, что создатели и гаранты последней не только не были в состоянии парализовать определившееся явление, но едва и сами не были вовлечены во всеобщую катастрофу. Гаранты прежней системы должны были проявить чрезвычайные дипломатические усилия и терпеливость, соединенные с небывалым падением престижа и нарушением освященных традицией международных обыкновений, для того, чтобы ценой измены своему союзнику, за счет последнего, обеспечить себе „мир". Но, зато, противная сторона в лице германской дипломатии блестяще справилась с поставленной задачей, как потому, что опиралась на превосходно подготовленную военную силу, так и потому, что была правильно информирована о действительном состоянии своих противников и искусно использовала все слабые места и промахи чешской политики, которая, подпав всецело под влияние немецкой инициативы, была, в конце концов, представлена в виде единственной опасности для мира.

Так была обезврежена армия одного из членов предполагаемого антигерманского военного союза, столкновение с коим считалось неизбежным. Миллион отлично вооруженных и прекрасно организованных солдат капитулирует без выстрела, очищая мощно укрепленный богемский четыреугольник — эту естественную преграду германской экспансии вглубь Чехии. Несостоятельная политика ставит армию в положение полного одиночества.

Таким образом, чисто дипломатические бои разрешили очередную задачу немецкой стратегии, имеющую целью ликвидировать, во что бы то ни стало, „чешский клин", ибо его положение всегда могло быть использовано, как база нападения на Германию могущественных третьих держав—и по суше, и по воздуху.

В результате, Германия, впервые в новейшей истории, обхватила Богемию так, что последняя волей не волей должна включиться в ее хозяйственную систему, усиливая наступательную мощь Третьего Райха высоким промышленным потенциалом и широко развитой сетью путей сообщения. Факт этот создал в центральной Европе совершенно новые условия, изменившие в корне существующее положение вещей и открывающие возможности для новых широких политических комбинаций, пределы коих сейчас трудно предугадать.

Кроме этого конкретного успеха, который не может подлегать никакому сомнению, смелый до крайности маневр Германии достиг другой, скажем, косвенной цели: он продемонстрировал действительное соотношение сил в Европе. Мы были свидетелями генеральной, в более или менее полной мере, пробы сил, показавшей самым убедительным образом материальную и моральную слабость держав Запада. Этой, именно, слабостью и можно об'яснить пассивную тактику упомянутых держав, являющуюся решающим моментом, обуславливающим политические перспективы грядущего периода.

Провалился на этом экзамене зрелости режимов и второй фактор „блока мира"—СССР, провалился с таким скандалом, которого не ожидали даже многие скептики, не говоря уже о патентованных поклонниках „одной шестой земного шара". Московский колосс и на этот раз показал, что „велик он—множеством, а силен – языком". Выявилась абсолютная импотенция СССР не только, в области организации внутренней жизни государства, но и как международно-политического фактора, несмотря на все крикливые заверения Сталина и его клики, как равно и массу кровавых жертв, принесенных, якобы, на алтарь мощи СССР.

Совещание четырех, игнорируя СССР и ликвидируя ЧСР, этот живой мост между Францией и ее марксистским союзником, положило начало окончательной изоляции СССР, обращая его в перспективе в об'ект вожделений трехугольника: Берлин—Токио — Рим. Факт этот приобретает для нас исключительное значение, так как он определяет момент, с которого проблема освобождения народов СССР принимает активно-международный характер.

Знаменательны во всей этой истории позиции Польши, которая, вопреки угрозам СССР, самостоятельно решила заользанский вопрос и продолжает играть в центр. Европе весьма активную роль. Влияние этого националистического, по всей своей сущности, государства, опирающегося на прекрасно организованную армию и героические традиции национальной истории, нельзя не брать в расчет. В этом отношении неустанные заверения канцлера Хитлера о добрососедских отношениях с Польшей наиболее показательны. Нужно предполагать, что германская политика должна предпочесть на востоке Польшу, чем Россию, потенциальную союзницу Франции, всегда таящую в себе возможность повторения 1914 года. Нужно предполагать также и то, что т. н. проблему СССР Германия должна будет разрешать совместно с Польшей.

Для полноты картины следует еще вспомнить о роли Лиги наций в эти критические для Европы дни. Это детище псевдо демократических лозунгов не играло в упомянутые дни даже той жалкой роли, какую ему приходилось играть во время предшествовавших конфликтов. Лига наций была вообще забыта. Положение не изменилось и после жалкого лепета Литвинова, воспользовавшегося случаем выступить в единственном месте, где он еще может говорить перед международной аудиторией. После Мюнхена можно с уверенностью утверждать, что вскоре и эта возможность будет им утеряна.

Таковы, в основных чертах, факты и явления, сопутствующие совещанию в Мюнхене или из него вытекающие.

Как всякое историческое событие большого масштаба, совещание это имеет и свою дидактическую сторону. Как мы уже отметили, совещание четырех выявило отрицательные и положительные свойства т. н. демократий и тоталитарных государств и приемов их международной политики. Психологически вторые проявили себя более устойчивыми, лучше организованными, полными инициа-

тивного активизма, а где нужно, и жертвенности. Первые же продемонстрировали отсутствие плана и воли к далеко идущим, предвидящим решениям, идя фактически на поводу у тоталитарных государств. Характерно, что опасность непосредственной войны не была так близка, как старались ее представить обе стороны, каждая с определенной целью: одним необходим был решающий моральный нажим на нервы противника, другие же старались угрозой войны и связанными с нею бедствиями напугать собственные массы и этим прикрыть свои грехи в прошлом и ошибки в настоящем, приведшие к поражению и капитуляции.

Большое значение в событиях имели и пропагандные акции противных сторон, исходящие из опыта, что в наше время народы только в том случае могут служить надежным основанием для политических действий, когда они сознательно принимают в них участие. Тоталитарные государства обратили на этот момент особенное внимание, почему и оказались в нужное время способными на крайне острый курс. Наряду с этим они предприняли и целый ряд систематических агитационных диверсий, имеющих целью морально сломить противника, склонив его волю в угодном для себя направлении перед моментом решительных дипломатических выступлений.

Вообще же, необходимо сказать, что националистические государства являют собой более высокую форму цивилизации в том смысле, что они в гораздо более совершенной форме могут гарантировать внутреннюю и внешнюю безопасность народов. Интернациональные гуманисты различного пошиба стараются доказать, что с нарождением националистических государств наступили „сумерки мировой культуры". Но, и в смысле углубления культурных ценностей человечества, можно сказать, что современный национализм вызвал небывалый под'ем творческих сил народов, обеспечив на много поколений всеобщий духовный прогресс.

Возвращаясь к урокам последних событий, нельзя не отметить и того, какие необыкновенные преимущества в международной политике дает государству организация власти на принципе „вождизма", при коей дипломатия не обременяется необходимостью обращения за санкциями к представительным органам и имеет возможность, следуя определенной линии, быстро реагировать на изменившиеся условия.

Мы думаем, что нациократия обрела свое наиболее полное выражение именно в этом принципе правления, ибо активизм народных масс может быть планомерно направляем и использован только при отсутствии тормозящих моментов, могущих способствовать в массах общей реакции. Новая политическая доктрина - динамизм заграничной политика—так характерная для тоталитарных государств и так ярко проявляющаяся в наше время, возникла, как нам кажется, на основе только что нами отмеченных предпосылок. Вот поэтому то нужно ожидать и в дальнейшем целого ряда непрерывных действий, которые так или иначе определят судьбу Европы. И в этом случае наиболее важным является инициативный динамизм Германии, как равно и отсутствие, вследствии неподготовленности Англии и Франции, возможности его преграждения. Ясно, что Германия не преминет использовать благоприятный для себя момент, а посему сейчас вопрос может быть сведен лишь к тому, куда направятся немецкие притязания. Ответив на этот вопрос, мы определим одновременно и те перспективы, которые наметило нам совещание четырех в Мюнхене.

Прежде всего, полагаем, нужно исключить возможность, что Третий Райх в состоянии в ближайшие годы поставить ребром вопрос европейской гегемонии. И это по многим причинам.

История XX столетия многократно показала, что при современном состоянии военной техники „молниеносные" войны невозможны, ибо каждая война становится, в конце концов, состязанием материальных рессурсов. Но этих то рессурсов у Германии имеется весьма ограниченное количество, тогда как возможные противники в Европе обладают в неисчислимом множестве запасами всего необходимого. Это одна из причин германской умеренности в Европе.

Затем, свежий опыт великой войны не менее убедительно показал, что подобная война не может принести окончательного решения, а может лишь ослабить положение Европы, давая победителю только относительные выгоды, часто не оправдывающие понесенных затрат и потерь. Цивилизованные народы, вообще, а великие, в особенности, даже и после неудачной войны, не могут быть лишены политического влияния и рано или поздно опять могут предстать во всем величии своей мощи. Так было с Францией после войны 1870-71 г.г., такой путь прошла и Германия послй мировой войны.

Учитывая эти моменты, мы можем сказать, что германскому динамизму нет расчета добывать на Западе недостающие немецкой промышленности сырье и рынки, и нужно полагать, что Германия действительно не имеет никаких территориальных притязаний в Западной Европе.

Существуют две возможности удовлетворения этих притязаний: 1) возвращение колоний и 2) включение СССР в хозяйственную систему Европы.

Колонии, емкость рынка которых крайне ограничена, хотя и имеют большие запасы сырья, тем не менее не решают вопроса энергетических рессурсов, в частности нефти, имеющего для Германии первостепенное значение. Кроме того, эксплоатация колоний связана с вложением больших капиталов, что в результате может вызвать зависимость от иностранных финансовых сил. Бесспорно положительной стороной колоний есть возможность сооружения морских и воздушных баз, усиливающих великодержавные позиции германской империи.

Второй путь—включение СССР в мировую экономическую систему—восполняет первый, давая в изобилии необходимое сырье и рынки колоссальной емкости.

В какой последовательности пойдет разрешение этих необыкновенно сложных задач, будет зависеть от общей международной обстановки и, прежде всего, от позиций Англии, этого арбитра Европы. Тем не менее, нужно полагать, что решение в благоприятном для Германии смысле колониального вопроса ни в коем случае не снимает с повестки

дня ликвидации СССР в его настоящем виде и освобождения подневольных народов, экономическая роль которых в жизни Европы неоспорима.

Англия, повторяем, играет уже издавна роль арбитра Европы. Это положение, несмотря на неуспехи последних лет, она сохраняет и до сих пор. Поэтому разрешение т. н. вопроса Восточной Европы немыслимо без того или иного участия Англии или, по меньшей мере, ее, скажем, благословения. А отсюда, мы не будем далеки от истины, если предположим, что совещание четырех в Мюнхене является первых реальных шагом, актуализирующим проблему окончательного распада СССР на составные части.

Таким образом, для народов „Прометея" снова приближаются решающие дни. Существующая обстановка говорит за то, что в проблеме СССР заинтересована не только Германия и не только государства оси Рим—Берлин, но и непосредственные соседи Советского союза, во главе с Польшей, Турцией и Ниппоном, не говоря уже о заинтересованности Англии.

Это дает уверенность, что, при достаточной национальной зрелости прометейских народов, проблема т. н. Востока Европы будет разрешена в духе прометейских чаяний: народы „Прометея", войдя в экономическую систему современной Европы и восстановив традиционные культурные связи, сохранят свою политическую независимость.

24 октября 1938 г.

В. Бончковский

Замечания о русской политике Германии*)

1.

Настоящую статью мы ограничиваем рассмотрением отношения Германии к идее прометеизма, считая эту идею основой всякой в наши времена русской политики со стороны стран, которым Россия так или иначе угрожает. Прометейскую идею мы понимаем, как условное сокращение политической концепции, направленной к разделу России (красной или белой—безразлично) на ряд суверенных национально-государственных организмов. Следовательно, мы будем говорить о германском raison d'être в отношении идеи раздела России на национальные государства.

Необходимо в начале констатировать, что идея эта не была в Германии популярной. Германия с давних времен принадлежала к числу государств, ищущих с Россией хороших отношений. Это вызывалось отсутствием непосредственного германо-русского соседства, так как оба государства отделялись польским барьером, затем вызывалось известным всем опасением Германии перед „кошмаром коалиции" и, наконец, связано было с прусским романтическим руссофильством. В последнем явлении содержались некоторые, сближающие обе страны мотивы... духовного родства. Польский историк философии и знаток восточного христианства, проф. Богумил Ясиновский, доказывает это, вспоминая об Экхарте с XIV ст., о „Theologia Deutsch", о Бёме, называемом „philosophus teutonicus", наконец, о творчестве Шеллинга и других, которые, в совокупности, репрезентируют специфические для русской мистики и московского религиозного мировоззрения пантеистические и гностические тенденции, культ людских сборищ, некоего интеграла массы.

По близкой к симбиозу линии развивались некоторые отрасли германской и русской жизни — в Прибалтике, Петербурге и вообще в т. н. западной России. Прусский лейтенант и русский гвардейский офицер, немецкий барон и русский помещик прекрасно уживались, почти дополняли себя взаимно. Одним импонировали размеры России, ее безбрежность, количественные показатели, другим—„сознание", что русское государство есть созданием германцев, нордов. Этот последний момент преобладал в трудах русских историков, коренных немцев по происхождению, таких, как Шлетцер, Байер, Миллер и т. д., которые видели генезис государственного устроения России в варягах и немцах: в варягах времен Киевской Руси и в немцах Немецкой Слободы под Москвой. Вторая половина XIX ст. ввела в Германию новую разновидность русской заразы в виде „великой" психологической литературы. Достоевский и Толстой вспахали духовную почву Германии, проложив дорогу могущественному нашествию русско-советской литературы после 1918 года.

Возвращаясь к более ранним временам, следует констатировать, что падение Польши в конце XVIII ст. и достижение общей русско-прусской границы не нарушило русско-немецкой дружбы. „Польский вопрос" скорее консолидировал эту дружбу. Вторым моментом, цементирующим русско-немецкую приязнь, являлась цивилизационная отсталость России и ее колонизационные возможности. Германский интел-

---

*) Статья г. Бончковского заимствована нами из ж „Wschód" (N 3, 1938). Автор затрагивает в ней волнующие вопросы, волнующие не только польских прометеевцев, но в еще большей степени, представителей прометейских народов. Для успеха идеи прометеизма позиции Германии далеко не безразличны. Для успеха идеи распада СССР по национальному признаку не безразлично: будет ли новая Германия, с ее сокрушающим динамизмом в области внешней политики, представлять собой лишь центр борьбы с мировым коммунизмом или же в ней восторжествует мысль борьбы со всякой Россией и ее распада на ряд суверенных национальных государств. В „Замечаниях о русской политике Германии" автор пробует предопределить пути Германии Хитлера и этот момент, наряду с польским происхождением автора, еще более повышает интерес статьи для прометейского читателя. Отмечая все это, считаем нужным еще добавить, что к числу „немцев из России", о которых говорит автор, мы не относим немцев с Кавказа, кои во время независимости были лойяльнейшими гражданами кавказских республик. — Редакция.

лигент и технический специалист могли в России прекрасно зарабатывать. Родство между германским и русским двором способствовало сближению в низах. Когда один из русских императоров обратился к какому-то заслуженному сановнику с вопросом, как надлежит вознаградить его за труды, последний ответил: „ваше императорское величество, прошу произвести меня в немцы". Быть в России немцем было выгодно. Немецкие фамилии Паленов, фон-Бенкендорфов, Ренненкампфов и сотни иных заполняют страницы истории русской администрации и хозяйственной жизни.

1914 год, который в Германии предвидели лишь немногие лица, казалось, одним ударом прервал этот чудовищный процесс усиливающейся нивеляции немецко-русской границы. Пишем „казалось" потому, что источник русско-германской войны не содержался, в сколь-нибудь значительной степени, в русско-немецких отношениях. Он скорее содержался в антагонизме между Австро-Венгрией и Россией, в русской экспансии в сторону черноморских проливов и т. д. Поэтому поражение России и Германии и воссоздание Польши скоро опять сблизили эти страны в Рапалло, вводя Советы в Европу и избавляя Германию от полной изоляции в послевоенном мире. И именно в этот момент совершенно неожиданно обнаруживается новый существенный источник немецко-русского конфликта. Извечная правда, прекрасно сформулированная Гёте, гласящая, что у основания всех человеческих деяний лежат религиозные истины, подтверждается здесь во всей полноте. Германо-русская вражда возникает на идеологической почве, обнажая скрытый за нею политический антагонизм. Усиленный процесс дезевропеизации большевистской России; падение Санкт-Петербурга, висящего в мертвом пространстве прибалтийской России, через орбиту которого рассматривалась вся Россия; русский коммунизм, проникающий в Германию и стремящийся довести до конца дело ее уничтожения, что не было достигнуто в войне с Германией—все это вызвало начало разложения идеи немецко-русского сотрудничества.

Однако, не было недостатка и в определенно политических мотивах. Россия проектируемых пятилеток, автаркии и честолюбивых планов господства над миром — теряла для Германии значение страны, предназначенной для эксплоатации. Поэтому идея русско-немецкого сотрудничества начинает отходить все более на поля новой жизни послевоенной Германии, прячется в переулках „гаснущего мира", среди немцев из России, в наиболее проигравшейся Прусской провинции. Молотом, который дробит этот гаснущий мир, есть национал-социализм, сталкивающийся с коммунизмом, из-за которого выглядывает лицо Коминтерна, вернее - Москвинтерна, еще вернее — новой формы русско-московской экспансии, применяющей удушливые газы коммунизма в целях разложения и подчинения себе соседних и отдаленных государств.

Таким образом, возникают силы, количество которых можно сократить до трех главных: 1) коммунистическая Россия, 2) национал-социалистическая и антисемитская Германия и 3) гаснущий мир Германии (и белой русской эмиграции), силящийся спасти идею германо-русского союза. Рассмотрим по очереди сущность двух последних элементов.

2.

Фактор национал-социализма является наиболее трудноуловимым элементом, так как представляется волей и личностью канцлера Адольфа Хитлера, не вмещающейся в рамки повседневных критерий. Знакомство с его письменными трудами и устными выступлениями не на много облегчит ориентацию, ибо они связаны со временем политического послушничества А. Хитлера и с периодом организации им настроений германских масс, которые следовало привлечь, говоря их языком. Отношение А. Хитлера и национал-социализма к России надлежит, пожалуй, устанавливать путем аналитического исследования правд Германии Хитлера, стремящейся к мировому величию и в своей методике отбрасывающей тлетворные навыки отдельных классов, провинций и минувших времен. Это неизмеримо облегчает понимание тенденций германской восточной политики, так как в значительной степени ослабляет и даже исключает безответственный элемент филорусских исторических воспоминаний, атавизма и инерции в политике.

Нам кажется, что явно антирусские тенденции А. Хитлера и национал-социализма покоятся на следующих реальных фундаментах политической мысли:

а) унаследование антирусских велений Австро-Венгрии, в особенности, благодаря аншлюссу и занятию Судетенлянда. Филорусские тенденции Пруссии и немецкого севера были здесь майоризированы увеличившейся мощью южной Германии;

б) аклиматизация прежней политики экспансии в направлении юго востока, сталкивающейся здесь с Россией у Черного моря, на Балканах и т. д.;

в) сознание целесообразности уменьшения или ликвидации России, как потенциольной силы, которая совместно с Францией и иными державами может в будущем задушить Германию в смертельном об'ятии. Великий русский химик, Д. Менделеев, почти неизвестный в качестве автора интересных политических указаний под заглавием „Заветные мысли" (СПетербург, 1904—1905), пишет, что н а и б о л ь ш и м з а д а н и е м Р о с с и и е с т ь з а к л ю ч е н и е с о ю з а с К и т а е м и Ф р а н ц и е й, а равно у в е л и ч е н и е к о л и ч е с т в а р у с с к о г о н а р о д а, п у т е м п о д д е р ж к и е с т е с т в е н н о г о п р и р о с т а („В союзе с Францией и Китаем Россия может спокойно ждать предстоящих событий XX века"...). Интересно, что исполнителями завещания Д. Менделеева во всем об'еме оказались Советы. Пример 7-летней войны говорит, что война Пруссии с Россией на территории Польши может вызвать в Германии осознание реальной опасности русско-французского нападения;

г) опасение перед будущей русской империей, которая через 80 лет может насчитывать 350 миллионов населения и ликвидировать мощь Германии на Балтийском море, юго-востоке и даже в центральной Европе.

Эти моменты следует дополнить моментом престижа, выражающимся в учете того, что потенциональная мощь России оттесняет Германию в тень третьестепенных сил, выдвигая на главенствующие

места Англию, а потом Россию. Поражение России подносит Германию на уровень второго после Англии мирового государства. Существуют и моменты идеологические: volkischer Prinzip, пропагандирующий организацию государств по национальному признаку и отбрасывающий многонациональные централистические государства типа России, как явления аморальные и разлагающие; учет деморализирующего характера русской культуры, а в особенности литературы (осуждение А. Розенбергом явления достоевщины), и, наконец, желание патронировать Европе и охранять ее от русской опасности и коммунизма.

Факт, что канцлер А. Хитлер происходит из района южно-католической психосферы и чувствует отвращение к „пруссицизму", что он ликвидирует филорусские элементы в армии и политической жизни, что есть новатором в отношении идеи XIX ст., что, наконец, в одном из интервью он выявляет исключительное понимание момента последовательности в истории России, от Ивана Грозного до „исполняющего должность царя" Сталина, и в большевизме видит одно из наиболее ярких проявлений духовной сущности России — дополнительно подтверждает возможность усиления обстановки, благоприятствующей стабилизации источников враждебности немецко-русских отношений. Правда, это не исключает возврата к прежнему сотрудничеству с Россией, но, все же, свидетельствует определенно о нарушении старой филорусской политической линии, которая существовала со времени разделов Польши до 1914 г.

Весьма важным элементом в этом частично-существующем, а частично-нарастающем состоянии вещей является то, что идея борьбы с Россией и ее раздела на национальные государства имеет в Германии также и свою историю. Она прослеживается в германском романтизме, в факте горячей встречи участников польского восстания 1831 г. на улицах Берлина, в симпатии, которую питают некоторые немцы в отношении поляков, украинцев, грузин, армян, татар и т. д.*) Однако, главным историческим аргументом в пользу современной идеи раздела России может служить политическое мировоззрение и труды маститого уже сегодня ученого и политика Павла Рорбаха, который весьма обоснованно и логично пропагандировал во время мировой войны идею раздела России на национальные государства. В своем содержательном труде под заглавием „Woher es kam?" (1937 г.) Павел Рорбах указывает государственным мужам 1914 г. на их слабое знакомство с Россией, даже на недооценку русской опасности и тогда. когда Россия наружно является неспособной к активности, он осуждает фальшивый принцип, благодаря которому не была доведена до конца полная ликвидация России во время победы Германии на востоке, наконец, указывает на отсутствие какой бы то ни было идеи в войне с Россией. Такой идеей, согласно автора, могла быть только ликвидация мощи России путем раздела ее на национальные государства. Ибо Россия подобна апельсину: ее можно разделить на части, если снять с нее оболочку царизма, которая силой об'единяет эти части. В каждом другом европейском государстве ампутация части организма оставляет кровоточащую границу. Россию же не нужно подвергать ампутации, ее надо лишь разложить. Этот раздел России должен был быть единой и высокой целью войны, так как Россия, разделенная согласно национальных границ своих народов, не возродится в виде целостного государства и, в результате, Германия получит возможность держать под угрозой прежние составные части России. Некоторые из новообразованных государств искали бы поддержки со стороны Германии, следовательно, Германия была бы спокойна за свои восточные границы.

Безидейный характер войны, проводимой Германией с Россией, решающе повлиял на приостановку наступления в 1915 г. и не дал Германии тех возможностей, которые содержались в занятии Украины и Кавказа, могущих дать продовольствие, нефть, длительную передышку. Но все это могло осуществиться лишь при наличии великой идеи раздела России. Народы от Финляндии и до Кавказа должны были услышать немецкий лозунг: Вы свободны от Москвы! Определите сами, куда хотите итти и как хотите управляться! Это утвердило бы моральное влияние Германии на всем Востоке. Материальные же последствия в пользу Германии развились бы сами собой. Выводы свои Рорбах заканчивает сожалением, что эти вопросы никто в Германии не осознал и никто их не реализировал. Поражение Германии в мировой войне имело свое начало, в значительной степени, в этом факте.

Проблема национальностей и борьбы против России имеет свое отражение и в младо-хитлеровской публицистике, коей в этой отрасли руководит выдающаяся личность — Альфред Розенберг, один из тех, которые, несмотря на знание русского языка и происхождение из пределов б. России, не подверглись разлагающему влиянию русского духа. В одной из его работ, „Pest in Russland", мы видим осознание им „славянофильского", европо-азиатского, ублюдочного характера марксизма, отдавание себе отчета в механическом централизме России и гнете народов, насильственно удерживаемых в рамках русской государственности. Яркое подчеркивание роли еврейства в русской революции не препятствует А. Розенбергу обнаружить монгольские влияния в русской культуре, смесь Востока с Западом, постоянно борющихся с собой, не мешает определить большевизм, как победу азиатских элементов в России. Выводы А. Розенберга заканчиваются мессианистическим аккордом о необходимости упорядочения российского хаоса.

Весьма интересные замечания читаем и в труде Георга Ляйббрандта („Наступление Москвы против Европы"), который разворачивает перед взором национал-социализма глубокие мысли на тему замаскированного значения мировой революции, проповедуемой СССР, из-за которой вырисовывается прежний план мировой империи с Москвой во главе. Определяет он и большевизм, как европейско-московскую мешанину, видит и правду, что большевизм мог утвердиться в России благодаря скрещиванию русско-ту-

*) К ним принадлежит, между прочим, проф. Г. Иешке, тюрколог и друг угнетаемых Москвой тюркских народов.

ранских элементов. Видит он также многонациональный характер русского государства, как равно гнет народов в России русским государственным централизмом и терроризмом.

Подводя итоги выводов на тему отношения национал-социализма и его виднейших представителей к России и ее разделу на национальные государства, следует констатировать, что в этой среде уже возникают условия для восприятия идеи распада России. Однако, эти условия следует связывать прежде всего с развитием и углублением победы национал-социалистической революции и ликвидацией влияния реакционных и инертных кругов.

3.

Нам остается еще рассмотреть проблему филорусских элементов в Германии. Многого о них не скажешь. В дополнение к тому, что мы написали в первой части статьи, следует добавить, что главным и фанатическим центром руссофильства в Германии являются немцы из России. Сгруппированные и об'единенные утаенным чувством русского патриотизма, который сожительствует в них с патриотическим чувством в отношении германского отечества, они представляют собой явно деструктивный и даже фатальный элемент. Тоска по „привольной" и „широкой" жизни в прежней России является у этих людей главным стимулирующим чувством. Они недовольны окружающей их „теснотой", большими обязанностями и необходимостью жить по часам и с записной книжкой в руках в новой послевоенной Германии. Привыкнув к „привиллегиям" жизни в России, к полусаботажу обязанностей в отношении страны, которая считалась ими полуотечеством, они не могут приспособиться к исполнению с легким сердцем того, что возлагает на них строгий режим национал-социализма.

Но все сказанное не было бы так трагическим и серьезным, если бы эти люди не заполняли учреждений и организаций, связанных с русскими и вообще восточными проблемами. Бессознательно и незаметно для самих себя, а тем более для окружения, перед которым они предстоят в маске спецов по восточным делам, они начинают выполнять роль почти явной русской агентуры. Если к этому прибавим, что они стали мостом для массового проникновения в немецкую жизнь белой русской эмиграции, пропитанной красным патриотизмом милюковщины, еврейских „Последних новостей", и даже агентами ГПУ, то тогда получим полную картину отрицательной роли этих представителей русско-немецкого политического бастардизма, спасающих „единую, неделимую матушку Россию." Их интриги в отношении Польши, во главе которых выделяется публицистическая акция г. Солоневича, красно-белого русского империалиста, маскируемая антисемитизмом, ненависть к „желтомазым" японцам и несомненная ненависть к национал-социализму, который в восточной Европе есть и будет наибольшей опасностью для всякой России, стремящейся в направлении дельты Дуная, черноморских проливов, Царьграда, в направлении славянских Балкан, а с другой стороны, укрепляющейся у берегов Балтики — все эти моменты определяют реальную действительность политических позиций белых русских по отношению Германии. Этих русских, совместно с немцами из России, следует благодарить и за ошибочный взгляд, существующий в Германии относительно национального состава России. Для немцев из России, во всяком случае для большинства из них, как равно и для коренных русских, украинец не будет ничем иным, как только „хохлом", грузин будет московским „грузинишкой", татарин—представителем „татарвы" (а поляк — „полячишкой"). Из среды такого рода „спецов" исходят инспирации в отношении Японии, которой навязываются дальневосточные „русские фашисты" и тому подобные представители русских национальных интересов, компромитирующие сознательно те группировки национальных эмиграций из России, которые, представляя нерусские народы, могут стать действительно искренними союзниками Японии в борьбе с Россией.

Однако, даже то, что нами сказано, не было бы так опасно, если бы не факт, что перечисленные элементы находят поддержку среди всей явной и тайной оппозиции в отношении хитлеризма, среди „гаснущего мира" прежней Германии. Таким образом, в совокупности, они являются весьма серьезным фактором, ликвидация которого вождями национал-социализма не есть делом легким. Тем более, что они завуалированы дымовой завесой расизма и антисемитизма, представляющего у них не явление, возросшее на почве внутренне-германских потребностей и правд, а явление, покоющееся на традициях русских „погромщиков", которые, как известно, не спасли старой России от революции и участия евреев в руководстве ею. Факт, что они с полной искренностью исповедуют свои взгляры, еще более затрудняет познание того, что наружно есть почти идентично, но совершенно иным является в своих последствиях и генезисе.

Излагая вышесказанное, мы, естественно, далеки от обобщения наших утверждений. Существует ряд блестящих исключений среди немцев из России, которые не подверглись разлагающему влиянию Москвы, закалились и принесли с собой обширное и полезное знакомство с отечеством Иванов Грозных, Петров „великих", Лениных и Сталиных.

4.

Наши заключительные выводы ясны. Германия, порывающая связь с восточной политикой, формулированной историософическими и дезактуализированными понятиями „Немецкой Слободы", и отбрасывающая Рапалло, является, силой обстоятельств, фактором, который дружественно рассматривается польской политической мыслью. Ибо эта мысль учитывает, что германо-русское сотрудничество представляет для Польши наименее желательное явление. Поэтому мы приветствуем углубление в Германии антирусского понимания проблемы России, как необходимый корректив слишком односторонней антикоммунистической политики, о которой можно сказать, что она была следствием искуственного отрыва ничтожных „международных" элементов от той органической подпочвы, какой является коммунофильское и европо азиатское естество Московщины, родственной — также коммунофильскому и европо-азиатскому, но, однако,

гораздо более совершенному и сложному — еврейству. Три символические „М" (Москва, Массонство и Марксизм) — это наиболее соответствующее определение главной опасности для Европы и одновременно определение общих врагов Польши и Германии (Италии, Японии и других стран), врагов, которых нужно атаковать одновременно и в отношении которых невозможно применять тактику борьбы с одним „М", вместе с усилиями сотрудничать с другим „М".

Фронт угнетаемых Россией народов принадлежит к наибольшим жертвам этих символических факторов, стремящихся к мировому господству при помощи материальных и духовных сил, высасываемых с живого тела Кавказа, Украины, Туркестана, Карелии, Идел-Урала, Бурято-Монголии и других. В борьбе с тремя „М" нельзя забывать об этом потенциальном союзнике. Ему следует помочь выбраться на дневной свет. И в этой работе политическая правда Германии нашла бы новый аргумент для своего уразумения Польшей, отечеством свободы, с ее традициями мировой освободительной акции в XIX ст., со школой кн. Адама Чарторыского, восполненной Юзефом Пилсудским.

К. К.

ИМАМ ШАМИЛЬ

(К 140-летию со дня рождения)

О времени рождения Имама Шамиля существуют два мнения. Согласно первого, Имам родился в 1797 году. Сторонники второго мнения относят время рождения Имама к 1798 году. Последний взгляд подтверждается новейшими исследованиями, проводимыми в Дагестане в годы советской власти. Молодой кандидат исторических наук Р. Магомедов, посвятивший памяти великого Имама специальную статью в одном из сентябрьских номеров „Даг. правды", утверждает, что Шамиль родился в сентябре 1798 года. Дата эта установлена на основании тех неизвестных до недавнего времени материалов, которые обнаружены были в последние годы у потомков сподвижников и современников великого Имама и его эпохи. Она, эта дата, как наиболее вероятная, принимается и нами, и, исходя из нее, мы намерены в ее 140-ую годовщину, елико это возможно в пределах журнальной статьи, осветить жизнь и деятельность гениального борца за идею независимости Северного Кавказа.

Итак, Шамиль родился в сентябре 1798 года в ауле Гимры. При рождении он получил имя Али. Отец его, Дингоу-Магомет, и мать, Паху-Меседу, пользовались всеобщим уважением жителей аула, получившего в истории освободительной борьбы Северного Кавказа заслуженную славу и известность. Еще будучи малолетним, Али тяжко заболел. Болезнь затягивалась, лечение местных лекарей и знахарей не помогало. Тогда отчаявшиеся родители прибегли к старинному народному средству и дали больному новое имя, назвав его Шамилем. Больной выздоровел, что, несомненно, утвердило еще более среди свидетелей этого факта веру в спасительную силу упомянутого магического средства народной медицины.

Сведения о детстве Шамиля весьма скудны, но и на основании имеющихся сведений можно опровергнуть мнение, будто бы Шамиль в детстве был болезненным и малосильным, как это утверждают некоторые из русских биографов Имама. Абдурахим, зять Шамиля и сын его наставника Джемалэддина, говорит в одной из своих заметок в русской печати, что „Шамиль был от природы наделен железным здоровьем." Упомянутый нами Р. Магомедов приходит к тем же выводам, отмечая, что „Шамиль в ранней молодости отличался силой, ростом и умом."

Сила и здоровье способствовали тому, что в юношеские годы будущий Имам увлекался физическими упражнениями, превосходя в этой отрасли всех своих сверстников. Науки, которыми усердно занимался молодой Шамиль, не препятствовали его физическому развитию. Неудивительно поэтому, когда мы у Хаджи-Али из Чоха, пребывавшего долгие годы при особе Имама, читаем: „Шамиль был человек ученый, проницательный, храбрый, мужественный, решительный и в то же время хороший наездник, стрелок, пловец, бегун. Одним словом, никто не мог состязаться с ним. Он хорошо изучил народ и землю Дагестана и был способен на все, что ни задумал предпринять."

В 12-летнем возрасте учителем Шамиля сделался немногим старший от него будущий первый тарикатский имам, Кази-Магомет, с которым в дальнейшем Шамиля связали узы самой тесной дружбы и согласия. Позднее как Шамиль, так и Кази-Магомет пользовались познаниями и наставлениями всех известных тогда ученых Дагестана: Хаджи-Магомета из Ирганая, Личинилау из Хунзаха, знаменитого Джемалэддина из Кази-Кумуха и др. Описывая этот период жизни Шамиля, Р. Магомедов отмечает: „Шамиль успешно прошел курс грамматики, логики, арабского языка, а в 20-летнем возрасте приступил к изучению курса философии и законоведения. В особенности молодого Шамиля увлекали рассказы о жизни и подвигах древних героев Греции и Рима". Далее Магомедов пишет: „Жажда к учебе Шамиля была так велика, что он, не довольствуясь общим прохождением курса, постоянно искал новых ученых, много над собой работал, чтобы расширить и укрепить свои познания".

Особенно сильное влияние на обоих будущих имамов оказал Джемалэддин. У него они изучили и постигли тарикат, к нему, уже будучи имамом, Шамиль в трудные минуты всегда обращался за советом.

Когда в 1830 году Кази-Магомет возглавил борьбу с русским нашествием, Шамиль оказался в числе ближайших сподвижников и советников Имама.

В 1832 году, во время осады и взятия Гимры, Шамиль был в числе нескольких человек, которые до конца оставались с Имамом и бросились в шашки вместе с ним на массы русских солдат, ворвавшихся в аул. Кази-Магомет запечатлел в этой битве смертью проповедуемые им лозунги. Шамиль, получив тяжелое штыковое ранение, остался жив. Потеряв сознание, он лежал среди трупов и развалин, пока некий Магомет-Али, будун в ауле Гимры, не подобрал его и с опасностью для жизни не доставил в Унцукуль.

После смерти Кази-Магомета, имамом избран был Хамзат-Бек, сын Али-Искендер-Бека из Гоцатля. Шамиль, еще не вполне оправившийся от ран, полученных при падении Гимры, занял и при новом Имаме роль ближайшего советника и сотрудника. Интересное замечание о сотрудничестве Хамзат-Бека и Шамиля высказывает польский исследователь Матеуш Гралевский в своей книге „Kaukaz", посвященной воспоминаниям 12-летней ссылки на Кавказе. Вот что пишет Матеуш Гралевский:

„Хамзат-Бек нуждался именно в таком советнике, каким был Шамиль. Хамзат-Бек отличался храбростью и личными воинскими доблестями. Среди боевых колонн красочно представлялся его рыцарский силует, окруженный знаменами воинов. Его динамизм магнетизировал подчиненных и заставлял их признать его превосходство... но превосходство преходящее и условное. Хамзат-Бек был создан для ведения своих сотоварищей в бой, но он не был ни глубоким тактиком, ни предвидящим стратегом, а еще в большей степени не был администратором и политиком. Редкостный, Хамзат-Бек пока еще был далек от гордыни (таким он остался до конца сво их дней — К. К.), может быть, он сам чувствовал эти свои недостатки и потому призвал Шамиля, дабы он ему советовал и помогал. Старая дружба и взаимное согласие могли в значительной степени облегчить эти новые взаимоотношения, поставленные теперь в иные условия."

Насильственная смерть Хамзат-Бека прервала это согласное сотрудничество. Нужно было избрать нового имама. Народный инстинкт остановил выбор на достойнейшем. Имамом был избран Шамиль. Избрание произошло в ауле Ашильта в сентябре 1834 года (по другим источникам, в июле). С этого момента начинается наиболее славный период в истории борьбы Северного Кавказа с Россией. Военный, административный и политический гений Шамиля выявился в этот период во всей полноте.

Хасан Алкадари в своей истории Дагестана, „Асари Дагестан", характеризует Шамиля следующим образом:

„В общем Шамиль-эфенди не был просто шейхом и ученым муршидом, который при наступлении сильного врага скрылся бы в укромном месте, занимаясь усердной молитвой, но он, владея наукой и наставничеством, еще лучше владел военным искуством и политическими знаниями и был доблестной, исключительной личностью своей эпохи."

В дальнейшем Хасан Алкадари поясняет свою мысль:

„Для чего другое доказательство его выдающихся способностей, если он в течении двадцати пяти лет с лезгинским населением, составляющим теперь лишь половину губернии, устоял против непрерывно сыпавшихся, как дождь, снарядов и пуль такого в совершенстве могущественного и сильного государства, как российская держава. Даже убиты были его помощники и храбрецы, участвовавшие в постоянных битвах, и на смену им не было соответствующих заместителей. И самая сдача его и подчинение России, при вполне соответствовавших условиях, была еще одним доказательством его геройства."

Шейхом в значении тарикатском Шамиль не был. Это его собственное признание, которое было сделано в разговоре с приставом Руновским, прикомандированным к нему, во время нахождения в Калуге, русским правительством. По словам Руновского, Шамиль, описывая в одной из бесед сущность тариката, заявил: „старик Джемалэддин есть последний муршид в Дагестане". Т. е. сам себя муршидом Шамиль не считал, что вполне отвечает и сущности тарикатского учения, а в частности, накшбендийскому его толку, распространенному на Северном Кавказе в эпоху имамата. Как известно, тарикатское учение преследует цели нравственного совершенства, отрицая насилие даже ради самозащиты. Поэтому-то Шейх Джемалэддин, находясь с самого начала правления Шамиля при ставке Имама, ни разу не участвовал в военных действиях против русских и даже никогда не носил при себе оружия.

Будучи Имамом, Шамиль был одновременно и политическим и духовным главой своих подданных. Но момент политического и военного водительства всегда доминировал над моментом водительства духовного. Религиозное чувство своих подданных Имам использовал для реализации национальных задач, из которых в то время на первое место выдвигались: организация военного сопротивления против русского нашествия и вопрос политического устройства имамата, долженствующий облегчить условия борьбы с во много раз сильнейшим врагом. Поэтому-то Имам Шамиль был прежде всего военным и политическим вождем Северного Кавказа, будучи одновременно и народным трибуном в наиболее благородном значении этого слова.

Прекрасную характеристику личности Шамиля дает уже цитированный нами Гралевский. Говоря о достоинствах Имама, он пишет:

„Его порывающее красноречие приобретало апостольское значение, ибо он личной жизнью подтверждал свои слова. Одежда его состояла из обыкновенных отечественных изделий. Никаких блестящих безделушек он не носил и не позволял носить своей семье. Он избегал изысканных кушаний. Вся его еда состояла утром и вечером из чая или молока с хлебом, а в продолжении дня риса и меда с хлебом или фруктов. Ел он всегда сам один, обслуживаемый женами. Скромная жизнь Шамиля давала в результате большую экономию общей казны, которой он мог свободно распоряжаться. Он уважал общественную копейку и старался ее увеличить.

Эти личные качества Шамиля в бо́льшей степени влияли на народ, чем наиболее ловкие и опытные дипломаты, но поэтому именно Шамиль и был блестящим политиком. Кто, если не он, достиг того, что та Чечня, которая всегда самостоятельно упра-

влялась и боролась, что та Чечня, которая была так непреклонна, когда речь шла об уничтожении ее автономии, эта Чечня в 1837 году соглашается подчиниться праву мюридизма. Благородный и храбрый начальник ее Ташав-Хаджи приехал в Дагестан и от имени всего народа склонил голову перед имамом."

Русские источники в большинстве случаев рисуют имамат Шамиля, как деспотию. В действительности же это совершенно не соответствует правде. Строй, который ввел Шамиль, соответствовал высшей ступени политической мудрости, находясь одновременно в полной гармонии и с духом той эпохи. Имам не был ни религиозным фанатиком, ни жестоким деспотом. Со дня своего избрания, он последовательно стремился к рациональной организации сопротивления и к государственному единству Северного Кавказа, которое, несомненно, при своей полной реализации способно было бы положить предел русскому продвижению и обеспечить Северному Кавказу независимость, вызвав в конечном итоге освобождение и всего Кавказа. При этом ему случалось прибегать и к жестоким мерам, но никогда в таких случаях Имам не переходил границ необходимой целесообразности.

Конструктивный гений Шамиля соединял в себе как военные дарования, так и высокий организаторский талант. Основы политики, которую проводил Шамиль после вступления на имамский престол, определились уже во время правления Хамзат-Бека. Шамиль советовал Хамзат-Беку воздерживаться пока что от открытых боев с русскими войсками и заняться внутренним устройством и привлечением на свою сторону населения. Только после усиления позиций имамата внутри страны, надлежало энергично выступить против внешнего врага. Мысль эту принялся реализировать Шамиль и после избрания его имамом, что убедительно выявляет в недавно изданной работе полковник Б. Хурш.

Правда, русское командование не дало возможности Имаму закончить в достаточной мере внутреннее устройство, принудив его в одно и тоже время вести борьбу и проводить необходимые реформы.

Если бы эпоха Шамиля совпала с нашим временем, то, несомненно, говорилось бы, что имамат построен на принципах вождизма и представляет собой тоталитарное государство. Но, повторяем, в интерпретации исследователей крепостнической тогда еще России государство Шамиля было представлено в виде жестокой восточной деспотии, где все зависело от каприза ее правителя. На самом же деле Великий Имам, наряду с мудрой строгостью, проявлял высокую справедливость и широкую толерантность не только в отношении своих соотечественников и единоверцев, но и в отношении пришлых элементов. Более того, по свидетельству Гралевского, пределы имамата были убежищем для тех, кто не мог уже выдержать преследований и гнета царской администрации. Так например, Гралевский пишет:

„Многие евреи под его (Имама Шамиля—К. К.) покровительством свободно исповедывали свою религию. Московские раскольники, считаемые официальной (православной – К. К.) религией революционерами, убегали под его покровительство и только здесь могли свободно беседовать о Разине, Пугачеве и свободно хранить литургию и книги, осужденные патриархом Никоном. Они имели свою церковь в Дарго, а когда в 1845 году, по стратегическим соображениям, Шамиль сжег ее вместе со всей своей резиденцией, он за счет общественной казны приказал выстроить вторую в ауле Шубут."

В ином месте цитируемый автор особо подчеркивает гумманное отношение Имама не только к перебежчикам из русской армии, из которых он комплектовал специальные части, но и к военнопленным, несмотря на то, что вся кавказская война была сплошной цепью бессмысленной и крайней жестокости русских войск по отношению автохтонного населения.

Немецкий автор, Август фон-Гакстхаузен, в своих путевых впечатлениях по Кавказу, дает Шамилю следующую характеристику:

„Он с ранних лет обнаруживал железную силу, волю и гордое во всех своих поступках спокойствие, которое ничто не могло поколебать... Природа одарила его увлекательным и пламенным красноречием. В смелости, проницательности и других подобных качествах его - никто из горцев не сомневался.. Вообще он вел партизанскую войну, но с такой силой и ловкостью, примеры каких мы редко видим в истории. Военные хитрости и удальство Шамиля более всего выигрывали вследствие той организованности и того порядка, которые он сумел завести в своем народе, ведя столько лет жестокую и искусную войну."

В этом определении не соответствует действительности только утверждение, что Имам Шамиль вел исключительно лишь партизанскую войну. Правда, партизанский характер войны преобладал в первые и последние годы имамата, когда почти полное отсутствие материальных средств заставляло Имама избрать такого рода тактику. Но в годы наибольшей славы Имам разрабатывал и осуществлял глубокие стратегические планы, которые делали бы честь любой регулярной войне и любому гениальному вождю. С далеко меньшими силами он бил противника, предупреждал его намерения и в многократных регулярных сражениях реализировал операционные планы, устанавливаемые на несколько лет вперед. Все это далеко было от импровизаций, которые составляют преобладающий элемент во всякой партизанской войне. В остальном определение Гастхаузена точно характеризует значение и роль Имама в этой кровавой и славной эпопее борьбы горсти отважных патриотов с могущественнейшей державой мира.

Столь длительное и героическое сопротивление было возможно только потому, что во главе его находился Шамиль: Шамиль—природный Вождь, воодушевляющий массы пламенным красноречием и личным примером, Шамиль—гениальный администратор и военноначальник.

К административному устройству Шамиль приступил сейчас же после своего избрания. Дело это было не легкое. Северный Кавказ, в частности Дагестан, раз'едаем был неурядицами. Об'единение, начатое первыми имамами, фактически распалось. В Хунзахе и некоторых иных местностях нагорного Дагестана находились русские гарнизоны. Царские

войска прочно держали в своих руках дорогу Ставрополь — Георгиевск — Екатериноградская — Владикавказ — Тифлис, отделяя клином укреплений восточную часть Северного Кавказа от западной. Большинство феодальных правителей Дагестана признало русскую власть. Русское золото сделало значительные опустошения и в центральном и западном Кавказе. Все

İmam Şamil—Имам Шамиль

эти препятствия Имаму предстояло преодолеть. Приходилось в одно и тоже время вербовать себе сторонников, бороться с неприятелем, очищая занятые им области, и вводить начала государственности на вошедшей в состав имамата территории.

К 1840 году Имам прочно утвердился в нагорном Дагестане и в большей части Чечни. Находясь под постоянной угрозой вражеских сил и ни на минуту не прекращая борьбы, требующей огромного напряжения, Имам к этому времени уже ввел в своих владениях начала гражданского устройства, создав стройную систему управления.

Вся территория имамата была разделена на наибства и вилайеты, называемые по имени аулов, рек или местностей. Аулы разделялись на участки, так что 30 дворов с мечетью при них составляли участок, а несколько аулов, приблизительно около тысячи дворов, составляли наибство (округ). Три или четыре наибства составляли вилайет (область). Во главе округов и областей стояли наибы, при чем во главе последних находились наибы старшего ранга, которые одновременно являлись и начальниками одного из округов. К числу таковых старших наибов принадлежали Ахвердиль-Магома, Шуаиб (Шуаиб-Мулла), Хаджи-Мурад, Кибит-Магома, Даниэль-Бек, Ташав-Хаджи, второй сын Имама Кази-Магомет и некоторые другие. Всех округов (наибств) в 40-х годах было 32. При каждом наибе младшего ранга находились кадии, при старших наибах—муфтии. Кадии и муфтии представляли судебную власть. Дело мог возбудить и наиб, но самое решение должно было исходить от кадия. В затруднительных случаях кадии обращались к муфтию, а этот последний к самому Имаму и находящемуся при нем дивану (совету). Такой же порядок существовал и для наибов, которые представляли одновременно и гражданскую и военную власть. Для поверки администрации существовал институт тайных инспекторов (мухтасибов).

Наряду с администрацией, Имам упорядочил и податную систему. Казна имамата пополнялась закятом по шариату и податями с пастбищных мест и некоторых селений, которые в прежние времена платили таковую ханам. Кроме этого, в казну поступала также пятая часть военной добычи, также предусматриваемая нормами шариата. Все это в общей сложности составляло ничтожные суммы и никоим образом не могло быть сравниваемо с доходами противной стороны. Хаджи-Али Чохский приводит следующие цифры годовых доходов имамата: для закята—523·102 меры хлеба в зерне*), 3200 голов овец и деньгами около 3200 рублей; для прямых налогов на пастбища и податей с некоторых аулов—около 4500 рублей. Поступления с военной добычи за 1850—52 г.г. представлялись следующим образом: в 1850 г. — 1000 рублей; в 1851 г. — 1013 рублей; в 1852 г.—15230 рублей (в этом году удалось захватить около Гянджи русский денежный транспорт). Доходы бейтулмала (государственного казначейства) имамата представлялись, согласно определению Гралевского, не более блестяще, чем доходы средней руки польского помещика. И с такими ничтожными средствами Имам сумел бороться в течении 25 лет.

İmam Şamil ortata oturmuş, ayakdakiler soldan ikinci ve dördüncüler Kazi Muhammet ve Muhammet Şefi, ücüncü ve sonuncular: İmam Şamilin damadları Abdurrahman ve Abdurrahim, birinci ve beşinciler: miralay Boguslavski ve tercumeci Gramov.

Имам Шамиль — сидит в центре; стоят, второй и четвертый слева—Кази-Магомет и Магомет-Шафи; третий и последний—зятья Имама Абдурахман и Абдурахим; первый и пятый — полк. Богуславский и переводчик Грамов.

———

*) Одна дагестанская мера равна 5/6 пуда.

В 1846 г. Шамиль сделал смелую попытку завладеть Кабардой и Осетией. С 5-ю тысячами пехоты, 4-мя тысячами конницы при 7-ми орудиях он переправился через Терек у Татартупа (между Элхотом и Ардоном) и двинулся к аулам Большой Кабарды. Кабарда и Осетия не восстали, хотя население встретило войска Имама весьма радушно.

İmam Şamil oğulları: Kazi Muhammet ve Muhammet Şefi (çar zabitanı kiyafesinde) ile birlikte.

Имам Шамиль со своими сыновьями: Кази-Магометом и Магометом-Шафи (в форме царского конвоя).

Таким образом, попытка Шамиля уничтожить опасный русский клин и установить непосредственную связь с Западной Адыгеей не удалась. В этой экспедиции — как при движении вперед, так и при отступлении — Имам совершил блестящий фланговый марш, достойный занять почетное место на страницах военной истории.

Экспедиция имела целью, несомненно, поддержать начинания Магомет-Эмина, незадолго перед этим отправленного в Западную Адыгею с тем, чтобы включить эту провинцию в орбиту имамата. Магомет-Эмину предстояло продолжить дело своих двух предшественников Хаджи-Магомета и Салмана-Эфенди. И хотя Имаму не удалось ни в 1845 году, ни в последующие годы вытеснить русские войска с центрального Кавказа и этим установить непосредственную связь со своим наибом в Западной Адыгее, однако, этот последний успешно выполнял данное ему поручение. Роль Магомет-Эмина в Западной Адыгее точно определяет Гралевский, называя его „наибом и наместником Шамиля". В этом назначении и в надеждах, которые были с ним связаны, опять-таки выявилась предвидящая воля Имама. Распространение власти Имама на Западную Адыгею было значительнейшим шагом вперед по пути об'единения освободительных усилий.

Магомет-Эмину удалось привить адыгейцам начала мюридизма и ввести среди них тот правопорядок, который обязывал владения имамата на востоке. Особенно мощно утвердился наместник Имама среди абадзехов, самого крупного адыгейского племени, которое до самого окончания борьбы оставалось неизменно верным основам мюридизма.

Военные мероприятия Имама отличались не меньшей целесообразностью, чем административные реформы. Вместо нестройных толп ополчения, действовавших до сих пор, были образованы вооруженные силы, получившие правильную военную организацию. Были образованы регулярные полки пехоты и кавалерии. Армия и ополчение были разделены на десятки, об'единяющиеся в сотни, пятисотни и тысячи, во главе которых были поставлены соответствующие начальники. Высшими подразделениями командовали наибы, сосредотачивающие в своих руках и гражданское управление. Из русских перебежчиков, в числе коих, по словам Гралевского, было не мало поляков и украинцев, были составлены технические части. Организована была и артиллерия, пополняемая преимущественно орудиями, отобранными у русских (только в начале 40-х годов в Дагестане было взято войсками Имама свыше 40 орудий), хотя Джабраилом из Унцкуля было по приказанию Имама налажено производство чугунных пушек. Налажено было и производство пороха в том-же Унцкуле, Гимрах и некоторых иных местах.

Для воинских чинов были учреждены специальные знаки отличия и награды. Хасан Алкадари пишет о них следующее:

„Для наибов и прочих вождей и для ученых для обозначения ранга каждого были установлены на тюрбан каждого класса специального рода материи, а также было в обыкновении молодцам, проявившим храбрость, дарить и привязывать знаки отличия. Например, некоторые знаки были из чистого серебра, и на них написана фраза: «кто размышляет о последствиях, тот не храбр», а некоторые были из позолоченного серебра и на них изображено: «владеющий храбростью и обнаженным мечом»".

У Гралевского сказано, что главные наибы носили с двух сторон груди серебрянные пластинки овальной формы, остальные наибы такие же пластинки, но только с одной стороны.

Младшие командиры, начиная с пятисотенного, носили различной величины квадратные пластинки, снабженные соответствующими надписями. За боевые заслуги давались награды и в натуре (лошадь, оружие и т. п.), а также деньгами. Наиболее известные наибы и храбрецы награждались именными знаками отличия. Так, например, доблестный Ахвердиль-Магома, кроме обычных знаков отличия, присущих его сану, имел еще специальный орден с надписью: „нет храбрейшего, чем Ахвердиль-Магома, и более искусной шашки, чем его шашка". Некоторые из такого рода орденов давали право на небольшую ежемесячную пенсию. Награждались и отличившиеся военные части, а также целые аулы. В этих случаях давались особые знамена с соответствующими надписями. В аулах же, кроме

этого, при мечетях или же на видном месте воздвигались каменные плиты с выбитыми на них описаниями подвигов данного аула или всего наибства, если аул был резиденцией наиба и учреждений наибства. Такой плитой награжден был мужественный аул Гергебиль, выдержавший в 1847 г. осаду, которой руководил сам главнокомандующий русскими войсками на Кавказе кн. Воронцов.

В начале весны 1847 г. Имам приказал собраться в Андии всем наибам, ученым, почетным лицам и прочим начальникам, включительно до сотенных, чтобы оформить и завершить проведенные им реформы. На этом собрании второй сын Имама, Кази-Магомет (старший сын, Джемалэддин, с 1839 г., со времени осады Ахульго, находился в плену у русских), признан был наследником и к нему должна была перейти власть после смерти Шамиля. Там же был утвержден низам,*) письменное уложение, предусматривающее права и обязанности установленной Имамом администрации. Утверждена была и специальная молитва, которая должна была читаться после хутбы во время пятничного намаза.

Постановление андийского с'езда, в особенности в части, касающейся порядка наследия, вызвало недовольство некоторых честолюбивых наибов, которые желали сами занять имамский престол после смерти Шамиля. Особенно недовольны, по словам Хаджи-Али из Чоха, были Кибит-Магома и Даниэль-Бек Элисуйский. Они возглавили скрытую оппозицию против Имама и впоследствии первыми, перед окончанием войны, передали свои наибства русским войскам. Таким образом, наиболее близкие к Имаму лица не оказались на высоте своих задач, дав себя увлечь честолюбию в ущерб национальному делу.

О чисто военных предприятиях Имама можно писать целые книги, если учесть, что он 25 лет играл руководящую роль в войне, в которой противная сторона располагала армией, превышающей 200 тыс. регулярного войска и многими полками поселенных казаков. Но мы не будем, за неимением места, особо останавливаться на военных дарованиях Имама, тем более, что отдельные боевые эпизоды, в которых полководческий гений Шамиля выявлялся во всей полноте, многократно описывались на страницах нашего журнала. Скажем лишь, что 25-летняя героическая эпопея, составившая сокровищницу северокавказской истории, является сама по себе, без всяких доказательств, неопровержимым свидетельством военного гения величайшего сына Северного Кавказа.

Хаджи-Али Чохский об'ясняет гунибскую трагедию, главным образом, изменой некоторых наибов и недобропорядочностью других. В утверждении Хаджи-Али преобладает, по нашему, в значительной степени суб'ективизм участника событий над об'ективизмом историка. В действительности же отрицательная роль некоторых наибов была далеко не столь значительна, как это утверждает автор. Поражение было неизбежным после того, как Имаму не удалось изгнать русских войск из Осетии и Кабарды и об'единить под своею властью весь Северный Кавказ, закрыв противнику доступ в Грузию и Азербайджан. Перерыв сообщения с Южным Кавказом почти автоматически уничтожал здесь русское владычество и, в результате, освобождал Северный Кавказ из того кольца почти полной (а впоследствии и полной) блокады, в которое он был взят преобладающими силами противной стороны. Уничтожение блокады давало широкие возможности снабжения и, следовательно, не позволило бы дойти вооруженным силам и мирному населению имамата до той крайней степени истощения, которая сопровождала последнее десятилетие борьбы и которая, наряду с смертельным утомлением, стала главной причиной поражения.

После Гуниба, Шамиль, пройдя через целый ряд официальных приемов и торжеств, устраиваемых властями, вплоть до самого царя, по случаю его пленения или в его честь, был поселен в Калуге вместе с семьей и некоторыми приближенными. Кроме Имама в Калуге находились две его жены—Загидат, дочь Джемалэддина, наставника Имама, и Шуанат, урожденная Улуханова, моздокская армянка, из пленницы ставшая женой Имама; затем, два его сына—Кази-Магомет и Магомет-Шафи, также с женами: первый с Керимат, дочерью Даниэль-Бека Элисуйского, а второй с Аминат, дочерью Инков-Хаджи из Чоха. Из членов семьи Имама в Калугу еще прибыли его пять дочерей: Нафисат, Фатимат, Наджабат, Паху-Меседу и Шаниат, причем Нафисат и Фатимат с мужьями, сыновьями Джемалэддина—Абдурахманом, мужем Нафисат, и Абдурахимом, мужем Фатимат, а также Магавзат, малолетняя дочь Абдурахмана и Нафисат. Из приближенных при Имаме находились: Хаджио, б. казначей Имама, заведывавший в Калуге хозяйственной частью, нянька детей Имама и одновременно его дальняя родственница Ханум с сыном Омаром, родственник же Имама, уроженец аула Гимры, Джемалэддин Хусейн-оглы, служанки Вали-Киз и Фаризат, а также слуга Хайрулла, авганец, уроженец Герата. Первым в Калугу прибыл сам Шамиль, Кази-Магомет и Хаджио, а остальные оставались пока-что в Темир-Хан-Шуре (Шуанат находилась у своих родственников в Моздоке). В первой половине 1860 года уже все пленники были перевезены в Калугу. В дальнейшем состав свиты Шамиля подвергался изменению, с одной стороны ввиду высокой смертности (за 10 лет пребывания в Калуге умерло 17 человек из семьи и свиты Имама), а с другой, ввиду выезда некоторых на Кавказ и приезда взамен новых лиц.

Жизнь в Калуге была тяжела. Пленники страдали не только морально, но и физически. Суровый климат давал себя чувствовать Имаму, имевшему 19 ранений. Но особенно тяжело переносили его женщины, среди которых смертность была наибольшей. Первой скончалась Керимат (1862 г.), жена Кази-Магомета, за ней — любимейшая дочь Имама, Нафисат, потом — родственница Имама, Ханум, сын которой умер еще раньше, возвратившись в Дагестан, и т. д. Русское правительство отпускало на содержание дома Имама сначала 10 тыс. рублей, а затем увеличило эту сумму до 12 тысяч. Но при-

---

*) Низам — арабское слово, означает „строй", „порядок"; низамом в старой Турции называлось регулярное войско. Текст низама Шамиля, написанный по-арабски, приводится нами в настоящем номере в русском переводе. Перевод взят из Сборника сведений о Кавк. горцах, вып. III.

нимая во внимание многочисленность семьи и свиты, сумму эту следует признать более чем скромной.

Тяжесть положения усугублялась придирками и мелочностью приставленных к Имаму чиновников. Уже в 1860 г. полк. Богуславский, доставивший Имама в Калугу, начал стараться отправить мужа Нафисат, Абдурахмана, обратно на Кавказ, мотивируя это тем, что, якобы, „названный человек, по своим убеждениям, характеру и склонности к проискам, весьма вреден для лиц, приставленных к Шамилю правительством" (из письма военного министра Лорис-Меликова к Барятинскому). Шамиль всячески старался этому воспрепятствовать, но, все-же, в 1862 г., после смерти Нафисат, Абдурахман выслан был в Тифлис и находился здесь под строгим надзором вплоть до 1871 г., когда ему разрешено было вернуться в Дагестан. Но особенно много неприятностей причинял Имаму преемник Руновского в должности пристава, Павел Пржецславский, опутавший весь дом Имама сетью интриг и только после долгих стараний отозванный с занимаемой должности. Пржецславский был автором ряда пасквилей о Шамиле, печатаемых в различных органах русской печати (газ. „Кавказ", ж. „Русская старина" и т. д.). Все это, повторяем, делало еще более тяжелым пребывание Великого Имама в неволе.

Кроме смерти близких лиц, в семье Шамиля во время пребывания в Калуге произошли и другие изменения. Загидат родила ему сына Магомета, впоследствии Магомет-Кямиль-Пашу, ныне здравствующего в Стамбуле. Затем, по личному предписанию самого царя, Магомет-Шафи принужден был поступить в царский конвой. На эту жертву Имам пошел с тяжелым сердцем, сохранив при себе Кази-Магомета, который, под предлогом пребывания при престарелом отце, категорически отказался от поступления на русскую службу. На военную службу должен был поступить и Абдурахим, муж Фатимат.

Уже сейчас же после гунибской катастрофы, Шамиль обратился к Барятинскому с просьбой, позволить ему совершить паломничество в Мекку и закончить свою жизнь в этом священном для каждого мусульманина городе. Впоследствии просьбу эту он возобновлял неоднократно: в 1861 г., будучи в Петербурге, в 1866 г. в том же Петербурге, куда он был приглашен по случаю женитьбы будущего царя Александра III, наконец, в 1868 г., когда он в письме к наместнику Кавказа просил исходатайствовать „разрешение отправиться мне с семейством в Мекку, для исполнения святого обета и вместе с тем пристроить моих взрослых дочерей, оставив в России дорогих сыновей моих Кази-Магомета и Магомета-Шафи". В этом письме Имам давал обязательство, что „по исполнению святой обязанности" он „долгом сочтет возвратиться в Россию".

Однако, все попытки кончались неудачей. Интересны мотивы, которыми руководствовались в этом деле русские власти. Мотивы эти изложены в письме наместника к военному министру, которое было выслано в связи с цитируемым нами письмом Шамиля. Наместник, между прочим, писал:

„В настоящее время в состоянии горских населений и вообще в положении кавказских дел включительно я не нахожу причины отказывать безусловно Шамилю в исполнении его желания, тем более, что, соображая обстоятельства, касающиеся настоящего положения Шамиля и всего поведения его со времени водворения в России, а также в виду того, что, прося отпуска, Шамиль оставляет в России своих сыновей, я мало склонен заподозрить его в неискренности и видеть в поездке его какую либо противную интересам правительства заднюю цель. Зато неудобство увольнения Шамиля в Турцию представляется мне только в том случае, если отношения наши к этой державе остаются нераз'ясненными и представляющими возможность близкого разрыва. Тогда весьма вероятно, что как турецкое правительство, так и вообще многочисленные недоброжелатели наши, пребывающие в Турции, не преминули бы употребить усилия, чтобы извлечь пользу из пребывания там Шамиля и сделать его орудием для действия на кавказских мусульман во враждебном для нас смысле".

В дальнейшем наместник замечает, что, может быть, „при известном закале характера Шамиля, он и в этом случае остался бы верен данным русскому правительству обетам", однако, лучше будет все же, задержать Имама до тех пор, пока „отношения наши к Турции перестанут возбуждать опасения близости враждебного столкновения".

Исходя из такого рода соображений, русское правительство только в начале 1870 г. разрешило Шамилю выехать в Мекку. Немного раньше, в октябре 1869 г., Шамиль был переведен на жительство в Киев, и, таким образом, только на 11 году неволи Шамиль с семьей был избавлен от губительного влияния сурового климата Калуги.

Путешествие в Мекку было совершено с остановкой в Стамбуле. С Имамом выехала все семья, за исключением Кази-Магомета и Магомета-Шафи (Кази-Магомету позволено было выехать в 1871 г., но он уже застал отца на ложе смерти). Выехал и Абдурахим, которому разрешено было сопровождать Имама до Стамбула.

В Стамбуле Имам остановился у вдовы своего наставника Джемалэддина, мачехи Абдурахима, уклонившись от предложения занять приготовленные для него аппартаменты в русском посольстве. Турецкое правительство назначило ему содержание, равное на русские деньги 21 тыс. рублей. Затем он был принят в специальной аудиенции султаном. Об этом приеме С. Шульгин (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 32-й), со слов Абдурахима, пишет:

„Несмотря на все эти знаки внимания (со стороны тур. пр-ва — К.К.), Шамиль однако не торопился с аудиенцией у падишаха. Он говорил: «Что же, если прикажет, явлюсь к султану». Наконец, торжественная аудиенция состоялась, по желанию Абдул-Меджида. Когда имамы обменялись обычными приветствиями и облобызали друг у друга руки, султан в умилении воскликнул: «Ты, Шамиль, для меня, как мой отец Махмуд!»".

Пробыв некоторое время в Стамбуле, Имам двинулся в дальнейший путь. Всюду по пути он встречаем был, как владетельная особа. До Джедды

его сопровождал тогдашний египетский хедив, а от Джедды шериф Мекки.

На обратном пути Имам задержался в Медине, так как здоровье не позволяло ему продолжать путешествия. В этом городе, на священной земле, 17 февраля 1871 г. Великий Имам, державший в течении 25 лет огромную русскую империю в небывалом напряжении, скончался. Смерть не позволила ему выполнить данного царю слова о возвращении после паломничества опять в Россию, на прежнее положение почетного пленника.

НИЗАМ ШАМИЛЯ*)

I.

Положение о наибах

Глава первая. Должно быть исполняемо приказание имама, все равно—будет-ли оно выражено словесно, или письменно, или другими какими-либо знаками; будет-ли оно согласно с мыслями получившего приказание, или несогласно, или даже в том случае, еслиб исполнитель считал себя умнее, воздержанее и религиознее имама.

Глава вторая. Должно быть приводимо в исполнение приказание его векиля[1]) по всем необходимым делам, как напр., выход на войну или на работу, подобно тому, как исполняется приказание самого имама,—без лицемерия. Неисполнивший сего наиб низводится на должность начальника сотни.

Глава третья. Когда в чьем-либо наибстве произойдет несчастие, прочие наибы должны спешить на помощь, как только узнают о том, без замедления, и оказать должную помощь, забыв все враждебные отношения друг к другу. Неисполнивший сего наиб низводится на должность начальника сотни.

Глава четвертая. Не должно быть оставляемо без взыскания, когда кто будет порицать имама, или этом низам, или службу наибов. Виновный в таком порицании наказывается выговором при народе.

Глава пятая. Не должно наговаривать (одному наибу на другого) перед имамом, хотя-бы они знали друг о друге в действительности предосудительные поступки.

Глава шестая. Не должны быть беспечными относительно охранения страны своей и границ днем и ночью, не взирая на то, находятся-ли границы в безопасности или в опасности от вторжения неприятеля.

Глава седьмая[2]). Не должны одобрительно относиться к мнению народа, клонящемуся к нарушению порядка в делах необходимых, как-то: в постройке оборонительных стен, в защищении границ, пресечении неприятелю путей и прочего. Виновный в этом наиб низводится на должность начальника сотни.

Глава восьмая. Должны удерживать себя и сослуживцев своих от взяточничества, потому что взяточничество есть причина разрушения государства и порядка. Взятка отбирается, поступок оглашается и виновный арестовывается на 10 дней и 10 ночей.

Глава девятая. Если войска отправятся в какую-нибудь страну с имамом, или с тем, кому он поручит предводительство над ними, то они должны идти в порядке, куда поведет их старший, — каждая часть под значком наиба своего, отнюдь не смешиваясь с другими частями. Нарушитель порядка сего наказывается публичным выговором.

Глава десятая. Если случится, что обстоятельства сражения заставят сделать нападение, или обратиться назад, то не следует делать в рассыпную в беспорядке, и не должны оставлять сзади себя имама, или его поверенного, на произвол судьбы; напротив, должны окружать его и не делать без него ни одного шагу вперед. Виновный наиб смещается и записывается в низам (т. е. в рядовые).

Глава одинадцатая. Когда остановятся в городе, селении, или в провинции, то не должны грабить, или другим изменническим образом завладевать какою-бы то ни было вещью,—без позволения имама или его векиля.—Виновный наиб низводится на должность начальника сотни.

Глава двенадцатая. Каждый отряд охраняет порученное ему место, и если место открытое, то защита делается посредством возведения стен и проч.—Наибы не должны уходить из мест, которые охраняют, без разрешения имама или его векиля. — Виновный наиб записывается в низам (т. е. в рядовые).

Глава тринадцатая. Не должны никогда открывать секретов имама и других (наибов) ни семейству своему, ни братьям, ни мюридам своим, потому что распространение секретов есть одно из

*) Низам Шамиля (низам—по-арабски = „строй", „порядок", в данном случае = уложение) введен был в 1847 г. на с'езде в Андии. Он содержит в себе положения: а) о наибах, б) о делах, подлежащих ведению муфтиев и кадиев и в) о наказаниях, коим подвергаются низшие командные чины. Кроме Низама мы помещаем еще: 1) предписание Шамиля наибам, вменяющее им и населению в обязанность руководствоваться положениями Низама, и ответ наибов на это предписание; 2) об'яснение причин с'езда в Андии; 3) молитва, утвержденная Андийским с'ездом. Т. е., как видим, материалы так или иначе связаные с Андийским с'ездом. Материалы эти были помещены в книге известного наиба Шамиля, Магомы из Тануса, составленной на арабском языке (равно как и первоначальный текст материалов), а затем переведены ва русский язык есаулом Подхалюзиным, при помощи Амир-хана из Чиркея, бывшего около 20 лет секретарем Имама. Русский перевод помещен в III вып. „Сборника сведений о кавказских горцах", откуда мы его и перепечатываем с сохранением всех примечаний текста и сносов. Материалы помещаются нами в качестве дополнения к жизнеописанию Имама Шамиля, печатаемому в настоящем номере.—Редакция.

[1]) Поверенный.

[2]) Глава эта относится до случаев, когда народ, тяготясь какою либо работой, или другого рода нарядами, заявит о бесполезности оных и попросит отмены их.

главных орудий вреда и нарушения порядка страны; поэтому, всеми средствами должно стараться сохранять тайну.

Некто сказал: „Когда будут открыты тайны, то дело дойдет до погибели". Виновный наказывается 15-ти дневным арестом.

Глава четырнадцатая. (Наибы) должны оставить решение дел по шариату муфтиям и кадиям и не входить в разбирательство тяжб, хотя-бы были и алимами[3]). Им предоставляется вести дела только военные.

Сим низамом запрещается вручать одному лицу две должности[4]), для того, чтобы устранить всякое сомнение народа относительно наиба й пресечь всякие дурные и подозрительные помышления о нем. Виновный наказывается выговором при народе

О ДЕЛАХ, ПОДЛЕЖАЩИХ ВЕДЕНИЮ МУФТИЕВ И КАДИЕВ

Глава первая. Муфтии поставляют в районах своего ведомства кадиев. Если к нему[5]) обратятся за об'яснением какого-бы то не было судебного вопроса, то он решает оный согласно положительным постановлениям шариата.

Если к нему придут судиться, то он должен решать дело справедливо.

Если он заметит где-либо отступление от правил шариата, то устраняет оное и направляет дело по пути. Если-же не в состоянии будет сделать этого, то извещает об этом наиба. По временам, муфтий обязан обращаться к народу с наставлениями и в речи своей не должен порицать поступков наиба каким-нибудь намеком или общим содержанием речи.

Он заведывает делами мечетей своего района и поверяет решения своих кадиев.

Глава вторая. Об обязанностях кадиев. Кадий должен иметь надлежащий надзор за своею мечетью и своим приходом и должен исполнять все требы, до него относящиеся, как то: молитвы, погребение усопших, джуму[6]), отправление положенной службы во время двух праздников[7]); он решает споры, возникающие между членами его прихода, и говорит наставления каждую пятницу.— Если же он будет затрудняться в решении чего-бы то ни было, то должен обращаться к муфтию.—Кадий должен повиноваться муфтию во всех положениях, касающихся религии.

В заключение к этим двум главам нужно прибавить, чтобы каждый—законовед, ученый, муфтий и кадий—был готов, по первому-же движению войска, выступить в поход против неверных; если не будут сражаться руками, то пусть сражаются языками: наставляют, предостерегают, побуждают[8]) к тому, что Бог обещал сражающимся.

[3]) Т. е. учеными.
[4]) Т. е. судебную и военную.
[5]) Т. е. к муфтию.
[6]) Пятничную молитву.
[7]) Курбан-Байрама и Рамазана.
[8]) В подлиннике: ясно и живо описывают.

О НАКАЗАНИЯХ, КОИМ ПОДВЕРГАЮТСЯ СОТЕННЫЕ НАЧАЛЬНИКИ, ДЕСЯТСКИЕ И РЯДОВЫЕ

За что низводится наиб на должность сотенного, за тоже самое сотенный низводится в десятские и, кроме того, арестуется на 10 дней.

За это-же самое смещается десятский и записывается в низам, т. е. в рядовые, и наказывается еще 15-ю ударами плети.– Рядовой-же арестуется на 15 дней и наказывается 15-ю ударами.

За что наиб низводится в десятские, за тоже сотенный записывается в рядовые и, кроме того, подвергается 19-ти-дневному аресту и наказывается 21-м ударом плети; десятский записывается в рядовые, наказывается 29-ти-дневным арестом и 21 ударом плети, а рядовой арестуется на 21 день и наказывается 39-ю ударами плети.[9])

За что подвергается публичному выговору наиб, за то сотенный начальник наказывается 31-м ударом плети и подвергается трех-дневному аресту; десятский за тоже наказывается 39-ю ударами плети и подвергается 7-ми дневному аресту, а рядовой арестуется также на 7 дней и наказывается 39-ю ударами плети и, сверх того, всем им делается посрамляющий выговор при народе.

За что наиб подвергается выговору и аресту после открытия и отобрания взятки, сотенный начальник наказывается 39-ю ударами плети и подвергается 15-ти-дневному аресту; десятский наказывается 39-ю ударами плетни и подвергается 21-о-дневному аресту, рядовой-же подвергается 15-ти-дневному аресту и наказывается 15-ю ударами плети.

За что смещается наиб и записывается в рядовые, за тоже самое сотенный начальник сменяется, подвергается месячному аресту и записывается в рядовые, с лишением права быть когда-либо повышенным; десятский сменяетсл, подвергается месячному аресту и наказывается 39-и ударами плети; рядовой же только подвергается месячному аресту.

За что наиб подвергается пятнадцати-дневному аресту, за тоже самое сотенный начальник подвергается месячному аресту и наказывается 31-м ударом плети; десятский — тоже месячному аресту и наказывается 30-ю ударами плети; рядовой же подвергается только месячному аресту.

II

Предписание имама всем наибам

Несколько раз я видел ваше положение и испытал дела ваши; я запрещал вам и увещал вас оставить мерзкие поступки и отвратительные происки, в которых коснеете,—и так-как вы все еще не пробудились, то я пожелал издать этот низам и положить его общим руководством между людьми.

Вот я и написал означенные главы на сем листе и приличные наказания за нарушения каждой главы. Я должен привести этот низам в исполнение без всякого послабления и лени,—и нет по сему низаму пощады, заступничества и сострадания для тех,

[9]) Надобно полагать, что в подлинном „Положении о наибах" заключалось указание такой вины, за которую наиб низводился в десятские.

кои впадут в пучину этих наказаний. Те из вас, которые одобрят этот низам и согласятся поступать по нем, пусть подпишут свои имена и приложат печати свои на этом журнале.[10]) Это будет доказательством (согласия) и пусть каждый из вас снимет копию с этого низама, хранит и справляется в ней. Если-же между вами найдется такой, который не в состоянии будет перенести его трудностей и привести его в исполнение, тот пусть оставит свою должность и сойдет в число простонародья. Это даст нам возможность осмотреться и обратиться к тому, кто способен занять высокий пост (наиба), который могут занимать только люди истинно-храбрые и мужественные.

ОТВЕТ НАИБОВ

Мы рассмотрели этот журнал и заключающиеся в нем новые положения, мы видели упомянутые главы и узаконенные наказания, назначенные имамом, с которыми он обратился к нам. Мы согласны во всем и все написанное обязываемся приводить в исполнение. В доказательство чего подписались и приложили свои именные печати. Да поможет нам Аллах привести в действие шариат и предписания, касающиеся религии, и заставить врагов рабов его — мусульман — приложить к земле носы свои. Каждый из нас для руководства и исполнения снял копию с этого низама.

III

Причины с'езда в Андии

Причины с'езда в Андии суть следующие:

1) назначение муфтиев к каждому наибу для разбора тяжб, удержания народа от дурных поступков и поучения его к исполнению долга; 2) указания муфтию и наибу, по каким делам они должны обращаться к имаму; 3) совещание о средствах содержать солдат[11]), которые нам так необходимы, и о содержании бедных мухаджиров[12]); 4) соглашение на счет того, чтобы не брать имения казненного, в особенности, когда остаются после него сироты; 5) чтобы не копить доходов с байтул-мала, но расходовать на нужное, как например: на оружие, лошадей, на пользу религии, и чтобы не покупать на эти деньги дорогих имений; 6) чтобы нам не выходить из пути людей добродетельных; 7) чтобы оставить взаимную зависть, притеснения и быть рукою (помощью) один другого; 8) чтобы второй не портил того, что сделал первый, и чтобы преемник был с предместником в тех-же отношениях, в коих был до смены его; 9) чтобы взвешивать все поступки свои на весах шариата и не идти путем эмиров[13]) тиранов, дабы еще более не сбиться с прежнего пути как в сей так и в будущей жизни (нужно бояться изречения Божьего: „так мы подчиняем одних притеснителей другим за прежние их поступки"[14]); 10) чтобы смещенные наиб и кадий не были вторично назначаемы на те-же должности в том-же месте; 11) чтобы обязать всех наибов — приказать всем, кто находится в их ведомстве, запасаться известным количеством пороху; 12) чтобы, когда кто получит предписание от имама об удовлетворении подателя и когда предписание будет согласоваться с сущностью дела — немедленно исполнять оное, в противном-же случае — доносить о настоящем положении дела; 13) чтобы принимать тифлисское серебро в пределах нашего шариатского государства, для облегчения обращения в народе денежных знаков, уклоняющихся-же наказывать[15]); 14) чтобы обязать отправляющих богослужение молиться об укреплении имама и его наибов и об успешном ходе дел мусульманских; 15) чтобы оставить в пятницу прием жалоб и посвятить ее одному богослужению; 16) чтобы указать всем частям войска для защиты определенную сторону границ государства; 17) чтобы назначить по одному мудиру[16]) на каждых четырех наибов.

Мы, жители дагестанского государства, мужчины и женщины, просим Бога, да сохранит нас от посрамления в сей жизни и в будущей; если проклятые устремятся,— придут на нас в настоящем году, то, если позволит Бог, мы дружно нападем на них и станем перед ними, кто с чем может — с шашкою, копьем, кинжалом или топором; в то время мы не будем желать оставаться в живых, потому что, если кто-нибудь из братьев наших, по религии, захочет силою завладеть какою-нибудь пустою вещью нашею, то мы не в состоянии перенести того, вследствие кипения крови и ревности,— то что же мы должны делать, когда устремятся на нас враги Бога и Посланника Его, с целью искоренить нас и завладеть нашими пожитками и семействами? По истине, смерть в десять раз легче для нас.

Да поможет нам Аллах заставить врагов наших преклонить носы свои к земле ради Пророка, Семейства и спутников Его.

IV.

МОЛИТВА,

предписанная к прочтению после хутбы каждому, совершающему пятничное служение (джума-намаз)[17]).

Боже исламизма и мусульман, даруй нам явную победу; Господи, помоги мусульманским воинам и ратникам единобожников, ниспошли на нас, воюющих, путешествующих и стоящих на молитве, мир и помоги величайшему, имаму Шамилю, наибам его и всем войскам его! Господи, сразись с гяурами, которые не признают Посланника Твоего, и обрати на них гнев Твой и наказание Твое.

О Боже истины, Господи, ниспославший Кни

[10]) В арабском тексте употреблено это-же слово.

[11]) Т. е. беглых; этим беглым солдатам давалось содержание из байтул-мала (казенного имущества), а мухаджирам из заката (десятины, жертвуемой на бедных).

[12]) Бежавших в горы мусульман.

[13]) Эмир, арабское слово, значит—имеющий власть приказывать. В настоящем случае под эмирами разумеются беки и ханы.

[14]) Стих из Корана.

[15]) Двух-абазников тифлисского чекана (40 коп.) не принимали горцы и потому Шамиль отдал приказание, чтобы серебро это ходило так-же, как монеты русские.

[16]) Управляющему.

[17]) Хутба — проповедь, говоримая в пятницу на арабском языке.

гу[18]), скорорасчитывающийся, обрати вспять полчища неверных и помоги нам против них. Господи, даруй мир странам нашим и споспешествуй воинам нашим достигнуть блага в сей и будущей жизни. Господи, исправи мусульманских правителей и облегчи им — искоренить дурные наклонности в народе и оказать ему свои милости и благодеяния. Господи, помоги помогающему вере и попри попирающего веру.

О, Владыко миров, помоги нам против народа неверующего и спаси нас Твоим состраданием от притеснителей.

[18]) Коран.

Адиль-бек Кулатти

Гидроэнергетические рессурсы Северного Кавказа

Гидроэнергетические рессурсы Северного Кавказа огромны. Этому обстоятельству способствуют особые условия питания рек и конфигурация Северного Кавказа, с мощным хребтом в тылу, обуславливающим общее понижение поверхности с юга на север и боковые понижения на запад, в сторону Черного, и на восток, в сторону Каспийского морей. Водораздел при этом совпадает приблизительно с перпендикуляром, опущенным от Эльбруса в северном направлении. Он делит все реки Северного Кавказа, соответственно их впадению, на группы черноморскую и каспийскую, составляющие в свою очередь несколько самостоятельных систем.

Системы эти следующие:

1 — река Кубань с главными притоками: Теберда, Малый Зеленчук, Большой Зеленчук, Уруп, Лаба и Схагуаше (Белая);

2 — река Калаус с Восточным Манычем:

3 — река Кума с притоками: Карамык, Тумузлук, Гумцык (Подкумок) и Золка;

4 — река Терек с левыми притоками (и притоками притоков): Ардон, Урух, Малка, Баксан, Черек и правыми: Сунжа с Фортангой, Аргуном и Гудермесом;

5 — река Сулак с четырьмя Койсу.

Кроме того отдельно в Каспийское море впадает река Самур в Дагестане, а в Черное море ряд рек по южному склону главного Кавказского хребта.

Все эти реки составляют основу гидроэнергетических богатств Северного Кавказа. Но помимо их здесь течет еще много второстепенных притоков, а равно и много меньших рек, самостоятельно впадающих в моря и также представляющих известную ценность с точки зрения гидроэнергетической.

По своему характеру реки Северного Кавказа подразделяются на горные реки, реки предгорий и реки степные или равнинные. Первые чаще всего текут в узких глубоких ущельях, с большим уклоном и неправильным распределением дна, а также неравномерным распределением годичного стока. Последнее неблагоприятное свойство усугубляется в большинстве случаев отсутствием в бассейне этих рек тех элементов, которые обычно задерживают на поверхности атмосферные осадки, т. е. отсутствием лесов, соответствующего почвенного слоя и т. п. Крутые склоны с отсутствием на них растительности способствуют высокому коэфициенту стока атмосферных осадков:

в горной части	75 — 90%
в предгорной полосе . . .	60 — 75%
в степной „ . . .	10 — 20%

Необходимо иметь в виду, что реки Северного Кавказа, в общем, смешанного питания, т. е. ледниково-поверхностного стока, который по временам года распределяется так:

а — летний период (июнь—август)	65%	год. стока
б — весенний и осенний (6 месяцев)	35%	„ „
в — зимний период (декабрь—февр.)	10%	„ „

Этот высокий, почти абсолютный, процент стока в горной части, означающий немедленное и полное стекание поступающих вод, а также и неравномерное распределение речного стока на протяжение года, является неблагоприятным моментом при использовании гидроэнергии рек, почему при установке гидростанций прежде всего необходимо принять меры по урегулированию годичного стока путем постройки плотин.

Оставляя в стороне геологические условия, о которых можно сказать, что в одних случаях они благоприятны для постройки плотин, а в других нет, следует заметить, что продольные профили рек, в особенности в горных их частях, где уклон дна значителен, весьма выгодны. Представляя собой кривые, приближающиеся к параболам, с нередкими случаями нарушения стремительного падения пологими участками, они, как бы, созданы для сооружения на них об'ектов эксплоатации водной энергии.

Такими особенно благоприятными условиями обладает р. Терек с общим концентрированным падением в Дарьяльском ущелье, Ардон с пологой Заромагской котловиной и крутыми участками в пределах Карского ущелья, Гизель-дон, Баксан, Сулак, а также многие реки в Западной Адыгее.

Итак, вследствии общего характера рек Северного Кавказа (главным образом, их водных условий и продольных профилей), они таят огромные запасы гидроэнергии, могущей с избытком покрыть все нужды Северного Кавказа.

Пользуясь данными инжинера С. Дроздовского*) которые, являются по собственному признанию автора, „скромным подсчетом", учитывающим лишь главнейшие реки с значительнейшими секундарными притоками, можно составить таблицу потенциальной мощности рек по отдельным системам. Суммарное

*) Природные богатства Северного Кавказа. — Пятигорск, 1935.

количество этой мощности даст искомую цифру гидроэнергетических рессурсов Северного Кавказа.

Система	Средняя годичная мощность в кв.	Средняя годовая энергия в миллиардах квчас.
Кубань	1325000	11·600
Терек	3260000	28·600
Кума	420000	12·000
Сулак	140800	7 800
Всего:	5145800	60·000

Таким образом, естественные гидроэнергетические рессурсы Северного Кавказа определяются в 5 миллионов киловат средне-годовой мощности и 60 миллиардов квчасов средне-годовой выработки энергии.

Насколько значительны эти цифры увидим, если сравним их с продукцией гидроэнергии в 1936 году таких государств, как:*)

С. Шт. Сев. Америки	140	миллиардов квчасов
Германия	42·5	" "
СССР.	32·7	" "
Италия	13·6	" "
Швейцария	7.5	" "

Возникает вопрос, каковыми же планами по использованию этих рессурсов обладают большевики, считающие (по Ленину), что **коммунизм — это советская власть плюс электрификация**? Так как пресловутое „советское строительство" в большинстве случаев не совпадает с планами и обычно не досгигает предполагаемых норм (пример—Гизельдонская электростанция), то мы при ответе будем исходить из проектов строек, некоторые из которых уже реализированы или же реализируются. Считаем нужным добавить к сказанному, что недостаток материала позволил нам в отношении Западной Адыгеи охватить лишь проекты, касающиеся реки Кубани и притоков в ее верховьях.

Итак, согласно схемы „Ростовского отделения гидроэлектропроекта", на Северном Кавказе намечается постройка целого ряда гидростанций.

В системе р. Кубани, в Амахинском ущелье, намечена плотина в 170 метров высоты подпора с емкостью водохранилища в 555 миллионов куб. метров.

На р. Теберде намечено сооружение Сантинского водохранилища для регулирования годичного стока, с подпорой в 130 м. высоты и емкостью в 410 миллионов куб. метров.

По течению р. Кубани между Невынномысской и Армавиром также намечается постройка ряда об'ектов, использующих все падения реки на этом участке.

Использование гидроэнергии Б. Зеленчука намечается у аула Архыз, при чем зарегулированный здесь расход воды предполагается перебросить сначала в М. Зеленчук, а затем в р. Кубань—у Микоян-Шахара.

**) Mały rocznik statystyczny—Warszawa, 1938.

В общем же, по схеме, эксплоатация гидроэнергии бассейна р. Кубани намечается в виде единой системы „Кубано-гидро-энергетического комбината", в котором предвидится:

Количество станций 15
Суммарная мощность . . . . . 900.000 кв.

Средне-годовая выработка энергии 5200 миллионов квчас.

В бассейне р. Терек намечается сооружение ряда об'ектов на р. Малке, из коих Лахранская (верхняя) плотина должна регулировать цело-годичный сток и будет иметь подпору высотой в 100 м. и водохранилище емкостью в 80 миллионов куб. метров. Остальные установки запроектированы в зависимости от Лахранского водохранилища. Установленная мощность всех об'ектов — 60000 кв.; средняя годовая выработка энергии - 340 миллионов квчасов.

На реке Баксан запроектировано 5 станций, на Череке—9 и на Чегеме – 8. Установленная мощность этих 22 станций—350000 кв., средне-годовая выработка энергии – 1950 миллионов квчасов.

Река Ардон, по плану, должна иметь плотину с подпором в 140 м. высоты и емкостью в 475 миллионов куб. метров. Установленная мощность об'ектов на р. Ардон определена в 340000 кв., средне-годовая выработка энергии — 1350 миллионнов квчасов.

На р. Урух намечено 8 станций с мощностью в 48000 кв. и средне-годовой выработкой энергии в 260 миллионов квчасов.

На р. Терек при выходе его из Трусовского ущелья в Кассарскую теснину намечается плотина в 100 м. высоты подпора, емкостью в 200 миллионов куб. метров. Всего на Тереке запроектировано 9 станций, с общей установленной мощностью в 240000 кв. и средне-годовой выработкой в 1600 миллионов квчасов.

Из этих 9 станций наиболее важное значение будет иметь Дарьяльская станция, которая должна будет обслуживать г.г. Терк-Кала и Суюндж-Кала, заменив собой неудачно построенную станцию на р. Гизель-дон.

На р. Ассе, в ее верховьях, проектируется сооружение плотины в 115 м. высоты подпора, емкостью в 110 миллионов куб. метров. Она будет обслуживать 3 станции с мощностью в 65000 кв. и средне-годовой выработкой в 500 миллионов квчасов.

На реке Аргуне намечается Цилахское водохранилище, плотина которого будет иметь 130 м. высоты подпора и емкость в 230 миллионов куб. метров. Все это будет обслуживать 5 станций, установленная мощность которых равняется 150000 кв., а средне-годовая выработка 950 миллионов квчасов.

В общем, по схеме, в Терском бассейне намечается:

Количество станций 60
С суммарной установленной мощн. 1250000 кв.
Средне-год. выработкой энергии . 6600 мил. квч.

На р. Сулак, по схеме „Нар. Ком. Пром. ДССР",*) намечается сооружение плотины у аула Миатлы в 96 м. высоты подпора, с установленной мощностью 135.000 кв., ср.-год. выработкой энергии в 800 мил. квч Для дальнейшого роста потребления имеется в виду сооружение — как на р. Сулак, так и на его притоках — недорогих плотин, однако, с большими водохранилищами. Так, например, намечается Араканское, емкостью в 420 мил. м. куб., и Ирганаевское на 250 мил. м. куб.

Для иллюстрации приводим ниже таблицу потенциальных рессурсов энергии и выработку энергии, которая предвидится проектами гидротехнических сооружений главнейших северокавкасских водных систем.

*) См. „Река Сулак" — инж. Н. Анисимов, издание нар. ком. пром. ДССР. 1927.

Система	Количество станций	Потенц. ср.-год. энергия в мил. квч.	Проектируемая ср.-год. выработка энерг. в мил. квч.	Какой % потен. энергии используется проектом
Кубань	15	11.500	5.200	45
Терек	50	28.600	6.600	23
Сулак	10(?)	7.800	2.200	28
Итого	65+10	47.900	14.000	29

Из приведенной таблицы видно, что для удовлетворения насущных потребностей Северного Кавказа достаточно только 30% всех гидроэнергетических рессурсов. Остающиеся 30 с лишним миллионов квчасов показывают, в какой чрезвычайно высокой степени может быт электрифицирована промышленность Северного Кавказа.

Проект северокавкасского унифицированного алфавита

Предлагаемый ниже вниманию читателей проект унифицированного алфавита выработан специальной комиссией при Восточном Институте в Варшаве, об образовании которой сообщалось нами в мае 1935 года. В состав комиссии входили: сенатор Станислав Седлецкий, председатель правления В. И., проф. д-р Ольгерд Гурка, ген. секретарь В. И., проф. Станислав Понятовский, директор Этнологического Института в Варшаве, проф. д-р Ананиаш Зайончковский, директор Школы Восточных Языков, проф. Михал Домашевич и со стороны северокавказцев — ген. шт. полк. Багаэддин Хурш, проф. Урхан Шамхал, майор Хуссейн Кумуз, г. Ибрагим Чулик, инж. Барасби Байтуган, инж. Бало Билатти, г. Магомет Чукуа, пор. Юсуф-бек Умаш. Секретарем комиссии был избран магистр Жанбек Хавжоко.

Отдельные языки были представлены следующим образом: кумыкский — проф. У. Шамхал и пор. Ю. Умаш, абхасский — майор Х. Кумуз и г. М. Чукуа, адыгейский — маг. Ж. Хавжоко, аварский — полк. Б. Хурш, чечено-ингушский — г. И. Чулик, осетинский — инж. Б. Байтуган и инж. Б. Билатти.

Комиссия учитывала, что в проекте общего алфавита будут те или иные из'яны — возможные тем более, что условия эмигрантского рассеянию не позволили привлечь к работе с северокавкасской стороны специалистов-лингвистов. Однако, исходя из необходимости сделать конкретный почин в так важном для национального развития Северного Кавказа деле выработки общего алфавита, комиссия вынуждена была приступить к работе с имевшимися на месте силами. К числу таких из'янов — правда, из'янов скорее формального характера — относится, например, то, что осетинский язык представлен дигорским диалектом, тогда как в Осетии в качестве литературного принят наиболее распространенный диалект иронский. Но это в конце концов не меняет сущности дела, ибо осетинские диалекты имеют одинаковые количества звуков, исключая звука „у", который в дигорском отсутствует. По тем же причинам адыгейский язык был представлен кабардинским диалектом, хотя здесь в пользу такого решения говорит то, что в пределах Северного Кавказа кабардинский диалект представлен наибольшим количественным показателем.

При установлении начертания отдельных звуков за основу были взяты северокавкасские латинизированные алфавиты. При этом произошли некоторые перемещения, как например, в осетинском, где часто употребляемое „x" было обозначено как „ẋ", а прежнее начертание отнесено к почти неупотребляемому мягкому небному „ха" (звук этот в латин. осет. алфавите вообще не обозначается). Такие же изменения пришлось сделать и в отношении некоторых других языков. Наконец, условия эмигрантского бытия отразились и на том, что в проекте представлены не все главные языки Северного Кавказа (например, отсутствует лакский). Но недостаток этот восполняется тем, что в звуковом отношении алфавит охватывает все языки, включив в себя наиболее богатые фонетически абаз.-абхасский, адыгейский и аварский языки.

Однако, повторяем, несмотря на все недостатки, которые могут быть обнаружены в проекте, почин сделан, создана основа. А это главное. Теперь лишь остается усовершенствовать проект, а затем ввести его в жизнь там, где это возможно: в северокавкасских (черкесских) национальных школах в арабских странах, в заграничных национальных изданиях и т. д.

Поэтому, предлагая вниманию читателей проект, мы одновременно обращаемся к ним с горячей просьбой, высказаться по его существу, пересылая свои замечания в нашу редакцию. С особенной просьбой мы обращаемся к преподавательскому персоналу черкесских школ в Сирии, Египте и Трансиордании, а также вообще к работникам на ниве национальной культуры в этих странах. Все замечания будут переданы в комиссию по выработке алфавита и приняты во внимание при его окончательном утверждении.

Все те компатриоты, которые оценивают значение унифицированного алфавита для развития национальной культуры Северного Кавказа, должны поддержать инициативу в Варшаве и учесть, что иного пути, в силу существующих условий, нельзя было избрать.

Итак, присылайте свои замечания.

Редакция.

ПРОЕКТ СЕВЕРОКАВКАССКОГО УНИФИЦИРОВАННОГО АЛФАВИТА

Унифицированный алфавит	Кумыкский яз.		Абаз-абхасский язык		Адыгейский яз.		Аварский язык		Чеченский яз.		Осетинский язык	
A a	adam	человек	an	мать	ane	мать	adam	человек	adam	народ	adäm	люди
Ä ä	—	—	älyn	кольцо	älyn	кольцо	—	—	älla	сказано	ärvadä	брат
B b	baḫli	вишня	bna	лес	bali	вишня	baḫli	вишня	bad	утка	bali	вишня
C c	—	—	cyca	редиска	cy	шерсть	cer	лисица	cel	мотыка	card	жизнь
Ch ch	—	—	chlg	дерево	chyxu	человек	chohor	вор	cha	дом	chaj	колодезь
Ç ç	çeten	корзина	çaghyr	вино	çej	бочка	çed	хлеб	çam	вкус	çetenä	корзина
Ç̣h ç̣h	—	—	ç̣hein	наследство	ç̣hapse	шнур	ç̣habar	пол (в доме)	ç̣hara	рыба	ç̣himara	лужа
D d	daraj	шелк	dari	шелк	dari	шелк	daraj	шелк	dünie	вселенная	dari	шелк
Dz dz	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	dzäbodur	кавказский тур
Dż dż	dżahil	молодой	—	—	—	—	—	—	—	—	dżippä	карман
E e	emen	дуб	ten	белка	bżen	коза	emen	отец	etag	сапог	eminä	чума (e=je)
F f	farz	обязанность	farä	еда	farz	обязанность	farz	обязанность	farz	обязательный	fidä	отец
Fh fh	—	—	—	—	fhane	мотыка	—	—	—	—	—	—
G g	gavur	неверный	gur	игла	giaur	неверный	gavur	проклятый	gaza	козел	giaur	неверный, проклятый
Gh gh	ghul	раб	ghny	зима	ghuegu	дорога	ghaz	гусь	ghaz	гусь	ghog	корова
H h	harç	расход	—	—	—	—	hobol	гость	hord	море	—	—
Ḥ ḥ	—	—	ḥyd	праздник	ḥalamät	интересный	ḥalamat	интересный	ḥalamat	интересный	—	—
Hv hv	—	—	—	—	—	—	hve	собака	—	—	—	—
Ħ ħ	ħamam	баня	ħura	трава	ħade	труп	ħamam	баня	ħaram	запретный	—	—
I i	imam	имам	iblis	дьявол	imam	имам	imam	имам	iza	тот	imam	имам
J j	jas	печаль	jemynä	холера	jaże	пепел	jas	дочь	jaraş	плевел	insojnä	точильня
K k	kitap	книга	kyt	селение	kued	много	kapurav	неверный	kopur	неверный	kures	сноп
Kh kh	—	—	khykhä	грудь	khuen	итти	khal	рот	kha	пшеница	khax̣	нога
Q q	qaz	гусь	qab	тыква	qaz	гусь	qebed	кузнец	qarder	подсмеиваться	qaz	гусь
Qh qh	—	—	—	—	—	—	qhili	седло	—	—	—	—
L l	lezzet	удовольствие	laribghu	ковер	ly	мясо	lamadur	морковь	lam	гора	läg	мужчина
Ł ł	—	—	łapha	дорогой	łeped	носки	łimir	ребенок	—	—	—	—
Lh lh	—	—	—	—	lhy	мужчина	—	—	—	—	—	—
M m	meżit	мечеть	mara	солнце	mezżit	мечеть	mażgit	мечеть	mäzdig	мечеть	mäżgit	мечеть
N n	namus	честь	naphy	рука	nämys	честь	namus	честь	nür	седло	namus	честь
O o	otar	хутор	oghurly	счастливый	ored	песня	oc	вол	oba	сутанна	otar	хутор
Ö ö	ördek	утка	ötra	сад	—	—	—	—	özdin	благородный	—	—
P p	pil	слон	pyncha	нос	pyl	слон	pil	слон	pil	слон	pil	слон
Ph ph	—	—	phala	срок	phä	постель	—	—	phelg	палец	phura	гнилой (о дереве)
R r	razi	согласие	rasä	орех	razy	довольный	raziłi	удовлетворение	ragho	сарай	rox̣s	свет
S s	sapun	мыло	sy	снег	sabyn	мыло	sapun	мыло	saba	мыло	sapojnä	мыло
Ş ş	şajtan	черт	şan	настроение	şeythan	черт	şajthan	черт	şajtan	черт	şinxon	сосед
T t	tarix̣	история	tygh	баран	tauryx̣	история	tarix̣	история	tam	согласие	tärqos	заяц
Th th	—	—	thorya	изношенный	thu	два	thamax̣	лист	tham	крыло	thäpan	плоский,
U u	ustaz	наставник	unaşa	приказ	unafe	совет	ustar	мастер	ustaz	наставник	unaffä	совет
Ü ü	üj	дом	—	—	—	—	—	—	üstagha	баран	—	—
V v	vakil	поверенный	—	—	vy	вол	vacc	брат	vardan	арба	vezdon	благородный
Y y	—	—	satyr	власть	—	—	—	—	—	—	—	—
Z z	zaman	время	zary	кизил	zäman	время	zaman	время	zama	время	zaman	время (эпоха)
Ż ż	żivin	мука	żikha	соль	żahil	неграмотный	żahil	неграмотный	żejna	книга	żan	вред
X x	—	—	xiakhua	жеребец	xomyxu	ленивый	xxibil	бок	xi	вода	xomux	неловкий, размазня
X̣ x̣	x̣arbuz	арбуз	x̣ar	кружева	x̣arbyz	арбуз	x̣arpuz	арбуз	x̣arbyz	арбуз	x̣arbuz	арбуз

Из народных сказаний Северного Кавказа

Безносый всадник

(Лакское сказание)

В отдаленной земле, в неизвестном городе, в незапамятное время, были не были один молодой человек и одна молодая девушка. Молодой человек был влюблен в девушку, и она тоже не презирала его. Однажды, на чьей-то свадьбе, случилось им говорить. „До каких пор я буду страдать по тебе?" сказал молодой человек.—„Я попрошу у тебя одной услуги, сказала девушка; на плоскости живет Безносый-ездок: ступай и спроси его, что случилось с его носом; когда ты исполнишь это и вернешься, тогда я твоя."—„Хорошо, поеду и исполню!" сказал молодой человек.

Надел оружие, сел на доброго коня и пустился в путь молодой человек. Ехал он, ехал, высокие горы переехал, через глубокие ущелия проехал, долго ехал, коротко-ли, проехал пространства всего с иголку и выехал, наконец, на обширную поляну. Смотрит но и видит: под буркой лежит человек, а подле него стреноженный конь. Молодец остановился, слез с коня, стреножил его, накрылся буркою и лег подле спящего.

Прошло несколько времени, проснулся спящий и увидел, что около него спит молодой человек, также, как сам он, накрытый буркою. Толкнув ногой, разбудил он молодого человека и спросил: „Кто ты, храбрец? Как смел лечь подле меня, стреножить коня и накрыться буркою?—„Если не храбрец, то и не трус", сказал молодец, и тут-же увидел пред собой человека безносого.—„Так мы выкажем друг перед другом свою храбрость: едем со мной!" сказал безносый.

Поехали они, и ехали днем, ехали ночью, наконец, доехали до одного аула. Безносый вздумал было добыть себе что-нибудь из аула, но молодой человек сказал ему: „это не храбрость, а воровство. Поедем вот на ту сторону реки, и там поищем для себя добычи". Безносый струсил и начал отговаривать его. Много безносый говорил, но мало слушал молодой человек. Делать было нечего; безносый согласился и они отправились дальше. Ехали они, ехали и приехали на ту сторону реки. Здесь нашли они табун лошадей гнедой масти, и сейчас-же угнали его. —„Не выпускай же ни одной лошади из табуна, сказал безносый, а то мы погибнем." Но не успели они и немного от'ехать, как одна лошадь отделилась от табуна и ускакала обратно. Молодой человек пустился за нею в погоню, поймал ее за узду и сказал: „Эй безносый! что сталось с твоим носом"?—„Тут не место спрашивать об этом, сказал безносый: не выпускай лошади, а я дома отвечу."—„Ну, так проваливайся же с ней!" сказал молодец и, ударив по спине, выпустил лошадь. И вот, через несколько времени, догнал их нарт. Он был подобен туче, одет в красное и сидел на убежавшем коне. Не обратив никакаго внимания на молодого человека, крикнул он безносому: „Посмотрю я, безносый, куда ты уйдешь от меня с моим табуном?—„Бой начинается сзади: куда-ж ты едешь вперед?" сказал молодой человек. „С тобой то легко разделаться, мальчишка!" проворчал нарт—и пустился в погоню за безносым. Ударил плетью коня молодой человек, пустил стрелу в нарта—и повалился он с лошади, а молодец подскочил и разрубил ему голову, а потом, взявши все, что было у нарта, приехал в дом безносого. Прошло несколько дней отдыха и безносый сказал: „Давай делить табун!"—„Нет, сказал молодец, еще мы не доказали друг перед другом своей храбрости: поедем-ка еще раз за добычей". Много говорил, безносный, мало слушал молодой человек и, наконец, поехали они опять на ту сторону реки. Теперь нашли они там табун лошадей уже черной масти, и сейчас же его угнали. „Не выпускай же ни одной лошади из табуна!", сказал безносый. Но не успели они и немного от'ехать, как черный конь отделился и ускакал. Молодой человек догнал его, и поймавши, закричал безносому: „Ну, так что же сталось с твоим носом?" — „Тут не место спрашивать об этом, отвечал безносый: не пускай только коня, а дома я все расскажу."—„Если не хочешь говорить, так вот-же тебе!" сказал молодой человек и выпустил лошадь. Через несколько времени видит наш молодец, что черный туман приближается—это догнал их черный нарт: как скала сидел он на убежавшем коне и, не обратив внимания на молодца, погнался за безносым. „Бой начинается сзади: куда же ты вперед едешь?", крикнул молодой человек. Нарт не хотел и слушать. Тогда молодец пустил в него стрелу и он повалился с лошади. Молодой человек сделал с ним тоже, что с первым нартом, и затем с табуном приехал в дом безносого. „Давай разделим табун", сказал безносый.—„Нет, сказал молодой человек, нужно ехать за добычей в третий раз". Нечего было делать, против воли согласился безносый, и отправились они по прежнему пути. Когда приехали на ту сторону реки, увидели табун лошадей белой масти и безносый сказал: „смотри-же, если теперь выпустишь лошадь из табуна, погибель наша неизбежна." — „Постараюсь не выпускать," сказал молодой человек. Но не успели они и немного от'ехать, как от табуна отделился белый конь и ускакал обратно. Молодой человек пустился за ним в погоню, но тот и близко к себе не подпустил... Печален воротился молодой человек, а безносый чуть не упал с коня от страха. И вот под'ехал к ним на белом коне нарт. Страшен он был—Боже избави! как туча черный и с одним глазом на лбу.

Не обратив внимания на молодого человека, нарт пустился в погоню за безносым. „Посмотрю я, сказал он, куда ты, безносый, уйдешь от меня после того, как убил моих братьев и угнал мои табуны." Молодец пустил ему в догонку стрелу, другую, третью—ничего: его будто мухи кусают; ударил его

молодец и саблею, но и сабля не рубит. Затем нарт схватил в одну руку безносого, а в другую нашего молодца, заткнул их в свои стремена и поехал назад со своим табуном. Тут молодец вынул саблю, перерезал ремень стремени и упал на землю. Нарт оглянулся, а молодец в это время пустил стрелу и попал ему прямо в глаз. Нарт упал с ревом на землю, а молодец с безносым принялись рубить его саблями. Так воротились они домой с табуном белых лошадей. Отдохнул немного молодой человек и спросил безносого: „Ну, так что-же случилось с твоим носом?"—„Вот теперь расскажу я тебе всю правду", сказал безносый, и начал так: как то раз я ел яблоко, а в руке у меня был нож; вот этим то ножем нечаянно и отрезал я свой нос. Жена ж у меня красавица, какой и на свете еще не было. Как увидела она, что у меня из носу течет кровь, испугалась и умерла. Тело ее я держу вот в этом сундуке и не решаюсь похоронить." Говоря это, он указал на железный сундук.—„Нет-ли средства возвратить ей жизнь?" спросил молодой человек—„Есть средство, но оно там, откуда нет возможности достать его," сказал безносый.— „Где же это?", спросил опять гость.—„А вот видишь-ли: за семью горами живет большой змей, в животе у него заяц, а в зайце – птичка. Вот только кровь этой птички может возвратить жизнь моей жене", сказал безносый - „Я поеду за этой птичкой", сказал гость. Безносый рад был отделаться от страшного человека, и потому не отговаривал его от поездки. Вооружился молодой человек, взял с собой вкусную закуску, сел на коня и пустился в дорогу. Ехал он, ехал, днем ехал, ночью ехал, высокие горы переехал, темные леса проехал, глубокие ущелия проехал, и приехал, наконец, ночью к подошве одной горы. Глядит молодой человек вокруг себя— и видит огонек. Под'ехал он к огоньку, видит: стоит хижина. Привязав лошадь на дворе, молодой человек зашел в хижину и увидел там старуху, поклонился ей и сказал: „Божий гость, бабушка!"—„Да буду я жертвою Бога! войди, сын мой!" сказала старуха. Усадив гостя в углу, старуха приготовила для него ужин и потом спросила: „Откуда ты, сын мой, и как попал в такое безлюдное место?". Молодой человек рассказал ей, зачем он едет, и она заметила ему: „ты взялся за очень трудное дело; не можешь ты убить змея. Он живет за этой горой в железном замке; семь дней он охотится, а семь дней спит; завтра он будет спать, а ты ступай прямо к замку, возьми из-под ворот камешек и брось его в дверь. Когда дверь отворится, ты увидишь в углу саблю в войлочных ножнах: старайся захватить ее, так как только ею можно убить змея." Молодой человек поблагодарил старуху и на другой день отправился в путь. Ехал он, ехал и приехал, наконец, к железному замку, который стоял посреди обширной равнины; под'ехал молодец к воротам, взял камешек, ударил им в дверь — и дверь отворилась. Вошел молодец в замок и видит: спит огромный змей с одним глазом во лбу. Взял молодой человек из угла саблю в войлочных ножнах, и ударил его: голова чудовища отделилась от туловища. Ударил он еще раз по брюху – и выскочил заяц; пустил стрелу— и заяц упал. Потом разрезал зайца, нашел там птичку и пустился с нею в обратный путь. Ехал он, ехал, ночью ехал, днем ехал и, наконец, приехал к безносому. „Привез птичку!" сказал молодец. Безносый сначала не поверил, а потом, когда увидел птичку, открыл сундук и каплю птичьей крови влил в рот покойницы: красавица воскресла, вышла из сундука, как ангел, и сказала: „Ах, я долго, кажется, спала!" Безносый рассказал ей все, что случилось. Затем муж с женой начали упрашивать молодца остаться у них. Много они говорили, но мало слушал молодец и, взявши свою долю лошадей, воротился домой. Невеста его была уже в его доме и он рассказал ей про свои похождения. Девушка об'явила, что жена безносого— сестра ее, и она знала, что кроме молодого человека никто не отыщет для нее лекарства, и потому она и послала его к безносому. Молодец разделил табуны между молодежью аула, потом сыграли свадьбу и задали пир: дудки засвистали, бубны загремели; народ собрался со всех концов, приехал слепой на хромом, три дня и три ночи пировали. Мне досталась баранья ляжка, шел я с нею к вам, да на дороге соседские собаки отняли.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

Современное положение армянского народа

Так оглавлена большая политически-информационная статья видного члена партии «Дашнакцютюн», г. А. Джамальяна, помещенная в № 3 (29) польского востоковедческого ж. „*Wschód*". Статья разделяется на несколько частей. В первой приводится данные об армянском населении и территории. Затем формулируются цели и стремления армянского народа и определяется отношение к кавказским соседям: грузинам, азербайджанцам и северокавказцам. Заключительная часть посвящена политической организации армянского народа, где автор, кратко коснувшись филосоветских группировок, во главе с коммунистической партией, остальные несколько страниц посвящает партии «Дашнакцютюн» — ее истории и роли, какую она играет в жизни армянского народа. Рассмотрим некоторые интересующие нас положения, высказываемые г. Джамальяном в двух последних частях.

Автор принадлежит к тому крылу партии, которое, с одной стороны, ищет путей соглашения с Турцией, а с другой — желает войти в тесный политический контакт со своими кавказскими соседями. Направление это встречает сильное сопротивление не только среди иных армянских политических группировок, но с ним борется и большинство в лоне самой партии «Дашнакцютюн». Только этим

можно об'яснить нерешительность и даже двойственность позиций, занимаемых автором в отношении политических проблем кардинального для армян и всего Кавказа значения.

Так, например, отбрасывая *«всякое соглашение с Россией, даже соглашение на наиболее выгодных условиях, но сохраняющее государственную общность»*, автор констатирует, что *«все национально-политические армянские группировки, исключая большевиков и незначительного количества руссифицированных армян, стоят на позиции безусловного отделения Закавкасской Армении и восстановления ее национальной и политической независимости»*. Но наряду с категоричностью этого утверждения, автор считает в порядке вещей ту борьбу на два фронта (борьбу, добавим, с явным уклоном в сторону Юга), которую ведут политические группировки, репрезентирующие национальную идеологию армянского народа. И вообще, в интерпретации роли Юга, и прежде всего Турции, в создании сегодняшней политической и национальной действительности армянского народа, автор придерживается старых образцов, не выдерживающих критики об'ективной истории. Вся вина на протяжении многовекового сожительства и в интерпретации г. Джамальяна возлагается только на противную сторону.

Интересны замечания автора относительно необходимости сотрудничества с кавкасскими соседями. Автор пишет:

«Армянские политические деятели представляют себе, что реализации их национальной идеи, т. е. восстановления независимой и об'единенной Армении, удастся достичь только в тесном сотрудничестве с соседями и вообще с теми народами, которые пострадали от общего врага и, подобно Армении, лишены были им независимого государственного существования. Сотрудничество это армяне понимают, как общую борьбу за ниспровержение чуждой неволи и вхождение в более или менее тесный союз в целях защиты свободы от всякого посягательства».

И в этом прометейском, так сказать, определении армянских политических позиций чувствуется таже самая двойственная неясность, о которой мы говорим выше, маскируемая, как и в первом случае, категоричностью утверждений.

Переходя к отдельным кавкасским народам автор подчеркивает, что все прежние недоразумения между армянами, с одной стороны, и азербайджанцами и грузинами, с другой стороны, вызываемы были интригами русского правительства, действующего по принципу *divide et impera*. Относительно же Северного Кавказа автор констатирует, что взаимоотношения армян и горцев никогда не омрачались враждой и были всегда дружескими, а затем продолжает:

«Но эта традиционная дружба не исчерпывает значения кавкасских горцев для армян. Географическое положение Северного Кавказа предопределило то, что он является, как бы, форпостом, защищающим весь Кавказ перед натиском с севера. Поэтому-то усиление кавкасских горцев армянская политическая мысль оценивает, как одно из условий восстановления и сохранения независимости Армении».

В заключении автор пишет, что и в эмиграции между северокавкасскими и армянскими деятелями создались дружеские отношения, благодаря чему северокавкасские политики многократно играли роль беспристрастных посредников при разрешении споров и ликвидации недоразумений между армянами и их непосредственными соседями.

Те, в ком грязь вызывает умиление

Польские провинции, захваченые в свое время Россией, представляют собой наиболее отсталую часть Польши и приносят молодому государству, возродившемуся из столетнего небытия, особенно много забот. Москва и в Польше стремилась нивелировать все под свой культурный уровень, всячески ограничивая самодеятельность автохтонного населения. За 20 лет независимой жизни Польше многое удалось восстановить, но, все же, некоторые следы русского хозяйничания, в особенности в восточных провинциях, сохраняются.

У нормальных культурных людей эти следы вызывают, по меньшей мере, чувство осуждения. Но вот сотрудника русского эмигрантского «Возрождения» они привели в умиление. Вот что пишет некий «Амадис» на страницах одного из сентябрьских номеров этой газеты, вспоминая свое путешествие по территории Волынского воеводства 8 лет тому назад:

«Как сейчас помню это... Восемь лет тому назад, ранним утром, приехал я на Волынь. Крик кондуктора разбудил меня:

— „Рудня Почаевска!"

Жалкий полустанок и на платформе русские мужики. Вот несет мои вещи лохматый парень.. Я стою около брички, ветхой, продырявлено сидение и торчит солома. Влезает на козлы извозчик. Чахлые клячи—кажется не сдвинутся с места... И вдруг чувствую явственно, уверенно — я здесь у себя на своей земле, среди своего народа»...

Таким образом, если бы *«русские мужики»* не были *«лохматыми»*, полустанок — *«жалким»*, а лошади — *«чахлыми клячами»*, то вероятно чувствительный «Амадис» не пришел бы в умиление и не почувствовал бы себя *«на своей земле»*. И эти господа смеют уверять, что они «внесли начала культуры и порядка» на захваченных ими землях, и стремятся и дальше играть роль такого рода «культуртрегеров»!!!

ХРОНИКА

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

В прошлом номере мы привели статью из „Соц. Осетии" некоего Крупнова, в которой описывается план предполагаемых в т. г. археологических работ в Северной Осетии. В одном из сентябрьских номеров той-же газеты (20 сент.) Крупнов поместил новую статью, на этот раз с описанием результатов этих работ. Для интересующихся древним прошлым Северного Кавказа помещаем полностью и эту статью.

„Закончила свои полевые изыскательные работы на территории Северо-Осетинской АССР об'единенная историко-археологическая экспедиция Государственного исторического музея (Москва) и Северо-Осетинского республиканского музея краеведения. Участие в экспедиции принимал профессор Северо-Осетинского педагогического института Л. П. Семенов.

Основным об'ектом исследования экспедиции этого года являлся древнейший могильник, носящий название „Верхняя Рутха" близ сел. Кумбулты (Дигория).

Наши работы на могильнике в прошлом и особенно в текущем году заставляют археологов в корне изменить сложившееся представление об этом интереснейщем вещевом источнике по ранней истории края.

Материал, еще в прошлом году добытый нами на этом могильнике, уходит в более глубокую давность, а именно в эпоху I тысячелетия до нашей эры. Несколько отдельных вещей, найденных на могильнике и относящихся к более поздним хронологическим отрезкам, не меняют основного положения о датировке памятника. Они свидетельствуют только о частичном использовании могильника меняющимся населением и в более поздние периоды. Время бытования этого погребального холма, где хоронилось древнее население Дигории — I тысячелетие до нашей эры. Более точные хронологические рамки функционирования могильника „Верхняя Рутха" могут быть установлены только после обработки богатого материала, добытого нами на могильнике в текущем году.

На вскрытой нами площади (более 150 квадратных метров), являющейся только 4—5 частью всей территории могильников, добыт богатейший, преимущественно бронзовый материал. При раскопках найдены: громадные булавки с рогообразными навершиями, бронзовые лезвия кинжалов и кинжалы с рукоятью, бронзовые наконечники копий, многочисленные и разнохарактерные браслеты, шейные гривны, различные бронзовые фибулы, бронзовые пластинчатые пояса, множество различных украшений, привесок и подвесок. Из них несколько серебряных и золотых, около 4000 различных бус — бронзовых, сердоликовых, стеклянных-золоченых, пастовых и других. Несколько десятков целых сосудов и огромное количество фрагментов богато орнаментированной керамики.

Как на бронзе, так и на керамике преобладает геометрический нарезной орнамент.

Особого внимания заслуживают три находки, сделанные на могильнике: это каменный полированный и просверленный топор, по типу отличающийся от более ранних топоров эпохи ранней бронзы. Возможно, что этот топор является переходным типом от местных каменных топоров к бронзовым. Две другие находки являются массивными золотыми монетами с ясными изображениями по обеим сторонам каждой монеты и без всяких надписей.

Необходимо отметить, что часть материала найдена в разбросанном состоянии, прямо среди разрушенных и развороченных могильных сооружений: подземных склепов и каменных ящиков.

Экспедиции удалось обнаружить два целых могильных содержания, представляющих собою прямоугольные могилы (более 2 метров по сторонам), в которых погребали по нескольку человек.

Установлены также случаи частичного трупосожжения, совершаемого при погребении умерших. Эти факты были отмечены еще в конце XIX века одним из ранних исследователей края, местным археологом В. И. Долбежевым.

В одном месте среди остатков разрушенной могилы на глубине около 1 метра были обнаружены прекрасный бронзовый кинжал с фигурной рукоятью, 2 кобанских фибулы и несколько мелких вещей. В другом месте, на глубине более 2 метров, в аналогичных условиях был найден целый комплекс вещей, как-то: 12 сосудов, 3 бронзовых ножа, 3 кремневых наконечника стрел, 4 бронзовых булавки, несколько различных привесок и украшений и более сотни бронзовых и сердоликовых бус.

Кроме того, найдены комплексы с явным преобладанием скифского степного влияния середины I тысячелетия до нашей эры. Наконец, встречен один комплекс вещей, относящихся к концу I тысячелетия (III—II вв. до нашей эры); в него входили мелкие стеклянные-золоченые бусы и рукоять железного меча или кинжала сарматского типа.

Таким образом, наши раскопки на могильнике „Верхняя Рутха" позволяют выявить ряд культурных напластований, ряд звеньев в общей цепи материалов, хронологически распределяющихся на протяжении целого тысячелетия.

Древнее население Северного Кавказа и, в частности, родо-племенные группы, населяющие Северную Осетию в эпоху I тысячелетия до нашей эры развивались не замкнуто в горных ущельях Кавказа, а, наоборот, это население с древнейших времен имело множественные связи с соседствующими культурными обществами.

Кроме основной работы на могильнике „Верхняя Рутха" экспедицией обследован ряд памятников в окрестностях сс. Кумбулта, Донифарс и Лизгор. Вторым этапом работы экспедиции были раскопки Алхастинского селища и Нестеровского могильника в Ассинском ущелье Чечено-Ингушской АССР."

ИВАН КИВАЕТ НА ПЕТРА

В „Красной Черкесии" помещена следующая заметка, составленная на основе дукументов „архива Черкесского областного музея":

„В 30 годах 19 века, находясь на захваченной царскими колонизаторами тарритории (на правом берегу реки Кубани), ногайцы, вследствие крайне тяжелого положения, обратились к царскому правительству с жалобой. Царские приспешники с ведома Николая I решили „переселить сих ногайцев на Волгу".

Граф Чернышев в своем отношении к барону Розену от 8 апреля 1832 года с ведома Николая I и министра внутренних дел пишет: „Семьи ногайцев, проявившие недовольство против нас (царского самодержавия) и сочувствующие черкесам, переселить в Саратовскую губернию. По прибытию на место поселить семьи сих ногайцев не вместе, а разделяя оные по русским деревням, дабы следующее их поколение могло забыть прежние свои обычаи и совершенно обрусеть".

В заключение того же отношения пишет: „поселить сих ногайцев на неудобных, солонцеватых землях той же губернии."

Так царизм „разрешал" национальный вопрос".

Но разве „рабоче-крестьянское правительство" поступает иначе?! Разве оно не выселяет массами северокавказских автохтонов на север, заполняя взамен аулы всяким сбродом из России?! И разве вся т. н. „национальная политика" советских марксистов не направлена к обрусению „инородческого населения"?!

РАБОТА „БЕЗБОЖНИКОВ" НЕ ДАЕТ РЕЗУЛЬТАТОВ

„Союз воинствующих безбожников" на Северном Кавказе до сих пор не вышел из зародышного состояния. Мы уже как-то писали, что „списочный состав" этого союза далеко не совпадает с действительным количеством его членов. Многотысячные списки при проверке дают всего лишь десятки, в лучшем случае, сотни членов. Так было в Дагестане, где при проверке, вместо 40000 „воинствующих безбожников", оказалось таковых всего лишь несколько сот человек. Так есть и в других районах. Недавний конгресс „союза воинствующих безбожников" Дагестана выявил, что в этой отрасли все осталось по старому: как год тому назад, как два и десять лет перед этим. Вот что пишет „Даг. правда" (20 окт. т. г.) в передовой, посвященной конгрессу:

„К сожалению, многие партийные организации в республике как следует еще не оценили достойную роль антирелигиозной пропаганды. Эта важнейшая отрасль партийной работы до сих пор остается в загоне и проводится от случая к случаю. А такое положение с антирелигиозной работой активизирует духовенство. Муллы, кадии, попы, раввины, сектанты, вкупе с троцкистско-бухаринскими и буржуазно-националистическими шпионами фашизма, пользуясь отсутствием партийного внимания на этом фронте, проводят свою подрывную вредительскую работу."

Далее приводится примеры такой работы:

„В селении Харахи, Хунзахского района, под руководством бывших служителей религиозных культов был организован систематический сбор и моление на частной квартире, с вовлечением значительного количества верующей части населения, причем под маркой моления там велась контрреволюционная агитация.

В селении Ахарчи в августе 1938 года, по случаю смерти гражданки Зурку Магомед Шатуевой, было организовано коллективное моление, и для участников моления было зарезано несколько овец из колхозного стада.

Партийные организации этих районов не дали должного отпора этой вражеской деятельности и не противопоставили контрреволюционным духовникам свою коммунистическую партийную пропаганду и агитацию.

Хуже того, мы, к сожалению, имели также отдельные случаи, когда парторги, неизвестно по каким убеждениям, поощряли религиозное мракобесие.

В селении Рогуджа (Гунибский район) к парторгу Мусаеву пришли посланные муллой несколько человек верующих с просьбой разрешить раскрыть могилу „Шейха Багдада", уверяя, что, якобы, после вскрытия могилы пойдет дождь. Парторг Мусаев вместо того, чтобы дать соответствующий отпор и развернуть среди верующих широкую раз'яснительную работу о ложности и невежестве этого поверия, дал свое согласие на раскрытие могилы, тем самым дал широкое поле духовным элементам развернуть религиозную работу среди отсталой части населения аула."

В связи с таким далеко не радостным для большевизма положением, конгресс безбожников решил (который раз!) „усилить работу". В особом воззвании указываются мероприятия, долженствующие способствовать успеху работы безбожников. В воззвании этом, между прочим, пишется:

„Мы, делегаты дагестанской республиканской конференции союза воинствующих безбожников, обращаемся ко всем научным работникам, учителям, врачам, агрономам, писателям, инженерно-техническим работникам, к работникам культурного фронта и всей советской интеллигенции Дагестана, влиться в ряды СВБ и активно включиться в антирелигиозную работу с тем, чтобы под руководством парторганизации создать крепкие боевые районные и низовые организации СВБ, сделав их штабами антирелигиозной работы, непосредственно участвуя в руководстве ими.

Создать во всех городах и районах Дагестана лекторские группы из научных работников, учителей, врачей, агрономов и др. для проведения систематических научных антирелигиозных лекций, докладов во всех, особенно в самых отдаленных пунктах республики.

Использовать для этой цели научные и наглядные пособия, антирелигиозные выставки, диапозитивы, плакаты, лозунги и т. п., включая в тематику антирелигиозных лекций вопросы мироздания, происхождения человека, классовой сущности Ислама, борьбу за освоение севера, мичуринское наследство и т. д., всемерно стремясь поднять антирелигиозную пропаганду и агитацию до уровня задач социалистического строительства.

Превратить клубы, школы, техникумы, избы-читальни, красные уголки, в подлинные очаги повседневной антирелигиозной работы, способствовать трудящимся отойти от религии и выработать у них стройное, научное материалистическое понимание.

Вскрывать антинаучную и антикоммунистическую сущность всех и всяческих религий, разоблачать конкретные факты шпионско-диверсантской работы руководителей религиозных культов (попов, мулл, раввинов, мюридов, „ученых арабистов", сектантских проповедников и актива этих культов), выступающих под флагом религии, в союзе с заклятыми врагами народа—буржуазными националистами против великой сталинской конституции, обеспечивающей подлинную свободу совести в СССР. Особое внимание в антирелигиозной пропаганде и агитации обратить на разоблачение реакционно-эксплоататорского адата, направленного на угнетение женщины-горянки.

Систематически в печати и по радио давать научные популярные антирелигиозные лекции, статьи, доклады.

Конференция уверена, что данное обращение найдет живейший отклик у всей интеллигенции Дагестана и огромная армия строителей социалистической культуры включится в ряды СВБ для активной антирелигиозной работы, памятуя, что борьба против религии—борьба за социализм.

Еще теснее сплотим свои ряды вокруг славной большевистской партии и нашего родного вождя, учителя и друга товарища Сталина."

Такого рода воззвания выпускаются каждый год. Однако, результат их не был большим, чем тот, который будет достигнут цитируемым воззванием. Успехи „союза безбожников" будут по-прежнему успехами лишь на бумаге.

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

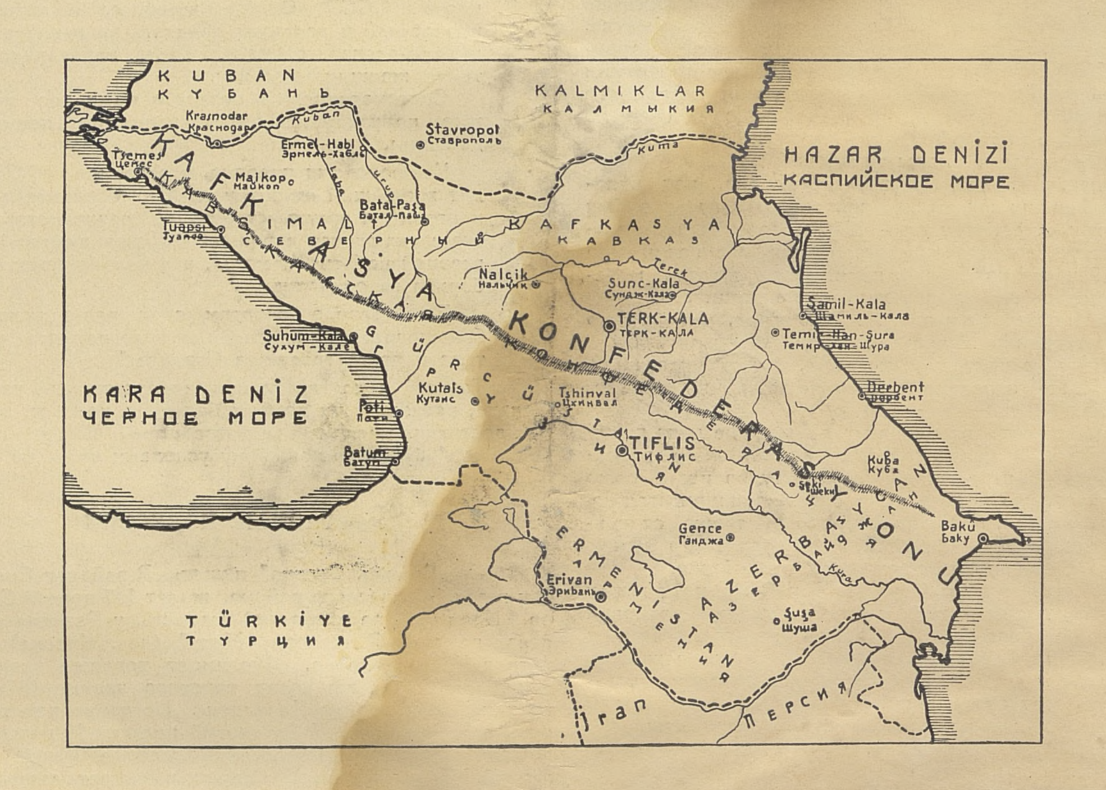
— „Социал. Осетия" пишет: „В районах Северной Осетии в сел. Махческого района, живет 147-летний Саулох Базиев. Несмотря на глубокую старость, у Базиева совершенно ясная память. В колхозе „Муха" (сел. Чикола) живет 120-летняя Дзаго Тадаева. Она имеет хорошее зрение, память, слух. Только 10 лет назад потеряла зрение 137-летняя Дигорхан Гозанова (сел Хазнидон). Но у нее хорошо сохранились слух и память. У Гозановой имеется 19 внуков и 26 правнуков. В колхозе „Большевик" (селение Чикола) живет 140-летний Мусса Газдаров. Старик поражает своим здоровым видом. У него нехватает лишь четырех зубов. Он перестал работать лишь 10 лет назад. Жена у него умерла 105 лет от роду. По его мнению, он достиг долголетия потому, что за всю свою жизнь ни разу не пил вина и никогда не курил."

— Шоссе между Нальчиком и Псыхабе (82 клм.) покрывается гудроном. Текущей осенью работы должны быть закончены.

— В Сухуме открывается новый санаторий для желудочно-кишечных больных. Санаторий будет пользоваться водами Утхарских источников, расположенных вблизи озера Рица в горах Абхазии. В „передовой стране социализма" вода будет доставляться вьюками через высокогорный аул Псху.

— В Западной Адыгее, недалеко от станицы Преградной, будет с будущего года строится 4 аула на 1500 семейств. Заселены они будут, главным образом, переселенцами из аула Учкулан. Аулы предполагается строить „по всем требованиям социалистических поселений."

— В районе Дербента в известковой породе тамошней каменоломни обнаружены кости доисторического кита. Первым нашел кости первобытного кита в штате Орегон проф. университета Карнежи в Вашингтоне Келлог. Но находка его ограничивалась всего несколькими костями. В дербентской же каменоломне обнаружен почти весь скелет. Судя по отложениям известняка, кости сохранялись в течении нескольких миллионов лет.

Mecmuanın müdürü: BARASBİ BAYTUGAN — Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН

Müdürün adresi — Belwederska 44 m. 1 Warszawa (12), Pologne — Адрес редактора

Mecmua idarehanesinin adresi — 1, Square Léon Guillot, Paris (15). France — Адрес администрации журнала